

ISSN 2223-4047

ВЕСТНИК

МАГИСТРАТУРЫ

8, 2025

научный журнал

ВЕСТНИК 8 (167) **МАГИСТРАТУРЫ** 2025

Научный журнал

издается с сентября 2011 года

Учредитель:

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65 – 44-01.
e-mail: magisterjourn@gmail.com.
<http://www.magisterjournal.ru>.
Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROекТ
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Распространяется бесплатно.
Дата выхода: 30.08.2025 г.
ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Главный редактор Е. А. Мурзина

Редакционная коллегия:

Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (главный редактор).

А. В. Бурков, д-р. экон. наук, доцент (г. Йошкар-Ола).
В. В. Носов, д-р. экон. наук, профессор (г. Москва)
В. А. Карачинов, д-р. техн. наук, профессор (г. Великий Новгород)
Н. М. Насыбуллина, д-р. фарм. наук, профессор (г. Казань)
Р. В. Бисалиев, д-р. мед. наук, доцент (г. Астрахань)
В. С. Макеева, д-р. педаг. наук, профессор (г. Орел)
Н. Н. Сентябрев, д-р. биолог. наук, профессор (г. Волгоград)
Н.С. Ежкова, д-р. педаг. наук, профессор (г. Тула)
И. В. Корнилова, д-р. истор. наук, доцент (г. Елабуга)
А. А. Чубур, канд. истор. наук, профессор (г. Брянск).
М. Г. Церцвадзе, канд. филол. наук, профессор (г. Кутаиси).
Н. В. Мирошниченко, канд. экон. наук, доцент (г. Саратов)
Н. В. Бекузарова, канд. педаг. наук, доцент (г. Красноярск)
К. В. Бугаев, канд. юрид. наук, доцент (г. Омск)
Ю. С. Гайдученко, канд. ветеринарных наук (г. Омск)
А. В. Марьяина, канд. экон. наук, доцент (г. Уфа)
М. Б. Удалов, канд. биолог. наук, науч. сотр. (г. Уфа)
Л. А. Ильина, канд. экон. наук. (г. Самара)
А. Г. Пастухов, канд. филол. наук, доцент, (г. Орел)
А. А. Рыбанов, канд. техн. наук, доцент (г. Волжский)
В. Ю. Сапьянов, канд. техн. наук, доцент (г. Саратов)
О. В. Раецкая, канд. педаг. наук, преподаватель (г. Сызрань)
А. И. Мосалёв, канд. экон. наук, доцент (г. Муром)
С. Ю. Бузоверов, канд. с-хоз. наук, доцент (г. Барнаул)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.С. Сидоренкова АНАЛИЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ИНСТРУМЕНТОВ НАГРУЗОЧНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СООТВЕТСТВИЯ НЕФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ТРЕБОВАНИЯМ ..5

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.Р. Рокутова ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ ПЕРВОКЛАССНИКОВ К УСЛОВИЯМ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ.....9

К.Т. Таучелова ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СОТРУДНИКОВ 13

Е.Е. Хребтова ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ТЯЖЕЛЫМ НАРУШЕНИЕМ РЕЧИ.....16

И.В. Шевякова ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБЩЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ.....18

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.С. Болховитина, А.Э. Володин ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, КАК ОБЪЕКТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 21

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

О.В. Балабина КЛАССИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ 25

О.В. Балабина ВЫБОРКА ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ПРИ ПРОГНОЗИРОВАНИИ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ 29

А.А. Баранчев, М.А. Баранчев, А.С. Ельчанинова МЕТОДЫ АНАЛИЗА ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА: ПРАКТИЧЕСКИЙ ПРИМЕР В ТЕКУЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 32

А.А. Баранчев, М.А. Баранчев ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ РИСКАМИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ.....36

Е.Е. Лапонова ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ.....40

В.В. Абаби, С.А. Зубарев, В.А. Мукосей ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ.....43

Н.В. Шелупин ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....46

П.В. Грачев СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ РОССИИ ..48

Е.Д. Здоровец ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ ПО МСФО 51

А.П. Коротенкова ОТЧЕТ О ДВИЖЕНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ: ПОРЯДОК ПОДГОТОВКИ, ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ.....54

Е.Ю. Макаров СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 57

А.С. Лавриченко МЕТОДОЛОГИЯ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА 60

А.Г. Ерастов МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....63

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Д.С. Бадюк РАЗБОЙ (СТ. 162 УК РФ): УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ	66
О.Г. Геде ДОПРОС КАК СПОСОБ ДОКАЗЫВАНИЯ И СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	71
А.С. Коморников ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ	73
М.В. Павлов ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ, КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ ПО СПОРАМ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	75
К.В. Тедеева ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО (РЕПУТАЦИОННОГО) ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ	78
А.О. Федорова АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	81
Н.С.Шерстобитова ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГЛАВОЙ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ	83
И.В. Амельченко УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	89
А.Ю. Анфалов ПРОБЛЕМЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	93
О.В. Боровикова ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ	97
Г.В. Говорова ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	100
Г.Ф. Земцовская АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	103
А.В. Казакова ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ В СУДЕ	107
А.А. Кузьмин НЕУСТОЙКА И ЕЕ ВИДЫ	110
Ю.В. Кузьмина ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ	114
В.А. Караулов ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	117
В.А. Климова ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	121
М.Т. Косимова ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ДОГОВОРЕ РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	124
А.Е. Покшеватов АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	127
О.Н. Романов УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	130
В.Е. Скачков ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН	133
О.А. Нафиева СЕРВИТУТЫ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ	136

<i>Д.Н. Федорова КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ НАРУШЕНИИ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</i>	139
<i>Г.В. Хабаров УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ</i>	143
<i>Н.А. Хабарова ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКСПЕРТИЗЫ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА</i>	146
<i>В.В. Чиликина СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</i>	150
<i>Информация для авторов</i>	154

Т
Е
Х
Н
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

Е.С. Сидоренкова

АНАЛИЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ИНСТРУМЕНТОВ НАГРУЗОЧНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СООТВЕТСТВИЯ НЕФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ТРЕБОВАНИЯМ

В статье проведен комплексный анализ возможностей современных инструментов нагрузочного тестирования (Apache JMeter, LoadRunner, BlazeMeter, Locust, k6) в части анализа результатов и проверки соответствия нефункциональным требованиям (НФТ). Выявлены ключевые ограничения существующих решений: высокая стоимость коммерческих продуктов, необходимость доработки open-source инструментов и зависимость от зарубежных вендоров. Особое внимание уделено проблемам анализа сложных сценариев нагрузки, включая многоэтапные BDD-сценарии, end-to-end тестирование и различные фазы нагрузки (прогрев, пик, плато). В условиях импортозамещения актуализируется развитие аналитических возможностей open-source решений до уровня платных аналогов.

Ключевые слова: *нагрузочное тестирование, нефункциональные требования, анализ результатов тестирования, Apache JMeter, LoadRunner, импортозамещение, автоматизация тестирования.*

Современное программное обеспечение функционирует в условиях высоких нагрузок и повышенных ожиданий пользователей к отказоустойчивости и производительности. Как показывают исследования, задержка загрузки страницы всего на 1 секунду может привести к увеличению вероятности отказа пользователя на 32%, а на 6 секунд — более чем на 100% [1]. Низкая производительность веб-сайта

© Е.С. Сидоренкова, 2025.

Научный руководитель: *Токарев Дмитрий Геннадьевич* – кандидат технических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет, Россия.

напрямую влияет на ключевые бизнес-показатели: конверсию, репутацию бренда и, как следствие, финансовые результаты [2]. Ярким примером являются многомиллионные потери крупных ритейлеров, таких как Amazon в 2018 году, в ходе простоев во время акции Prime Day [3].

Эффективность работы ПО оценивается через соответствие нефункциональным требованиям (НФТ): производительность, масштабируемость, надежность, доступность. Ключевым методом валидации НФТ является нагрузочное тестирование, которое включает сложные сценарии нагрузки, генерирующие большие объемы данных для анализа [4]. Однако существующие инструменты, успешно решающие задачу генерации нагрузки, зачастую не предоставляют комплексных средств для автоматического анализа результатов и проверки соответствия конкретным НФТ или накладывают ограничения на использование в виде высокой стоимости или санкций.

Целью данного исследования является анализ возможностей современных инструментов нагрузочного тестирования в части анализа результатов и выявление ограничений для автоматизированной проверки НФТ.

Для проведения сравнительного анализа были отобраны инструменты, представляющие различные категории решений на рынке: проприетарные коммерческие решения (LoadRunner, BlazeMeter) и популярные open-source инструменты (Apache JMeter, Locust, k6).

Критерии оценки включали возможности анализа результатов «из коробки», возможность кастомизации, риски использования в условиях импортозамещения и общую стоимость владения. Выбор данных критериев обусловлен их практической значимостью для решения задач проверки соответствия системы нефункциональным требованиям.

Проведенный анализ современных инструментов нагрузочного тестирования (Таблица 1) выявил их ограничения в контексте анализа результатов и верификации НФТ.

Таблица 1

Сравнительный анализ инструментов нагрузочного тестирования

Критерий	Apache JMeter	LoadRunner	BlazeMeter	Locust	k6
Лицензия	Open Source Компания Apache Software Foundation	Проприетарная Компания Micro Focus	Проприетарная/SaaS Компания. Perforce Software Inc.	Open Source Разрабатывается энтузиастами	Open Source (AGPL 3) Компания Grafana Labs
Импортозамещение	Низкие риски. Активное сообщество, возможность самостоятельной поддержки.	Высокие риски. Санкции, прекращение поддержки и обновлений [5].	Высокие риски. Санкции, прекращение поддержки. Данные хранятся на зарубежных серверах.	Низкие риски. Активное сообщество, возможность самостоятельной поддержки.	Низкие риски. Активное сообщество, возможность самостоятельной поддержки.
Аналитика и отчетность	Базовые отчеты. Расширенная аналитика требует плагинов или ручной постобработки логов.	Мощная. Глубокая корреляция метрик, автоматическое выявление узких мест, верификация требований.	Ограниченная. Удобные дашборды, но гибкость кастомизации ограничена.	Минимальная. Метрики только в реальном времени. Нет анализа завершённых тестов.	Внешняя. Требуется интеграция с внешними системами (Grafana, Prometheus).
Кастомизация	Высокая. Требуется написания плагинов на Java.	Низкая. Базовая кастомизация поддерживается вендором без разработки.	Ограниченная. В рамках функционала платформы. Глубокие изменения недоступны.	Высокая. Сценарии на Python, аналитика и отчетность требуют самостоятельной разработки.	Гибкая. Сценарии на JS, но аналитика — во внешних системах.
Стоимость владения	Трудозатраты на разработку и поддержку.	Требуется лицензия + техподдержка.	Требуется подписка.	Трудозатраты на разработку и поддержку.	Трудозатраты + инфраструктура для внешнего стека.

Коммерческие продукты (LoadRunner, BlazeMeter) предоставляют мощную аналитику, но их использование сопряжено с критическими рисками: санкционные ограничения, прекращение поддержки,

зависимость от зарубежной инфраструктуры [5]. Высокая стоимость делает их малодоступными для среднего и малого бизнеса.

Open-source решения (JMeter, Locust, k6) свободны от этих рисков, но не предоставляют готовой возможности для комплексной автоматизированной верификации НФТ. Например, в JMeter, для детального анализа и автоматической проверки пороговых значений требуются дополнительные плагины и значительная постобработка - специалист должен выгружать данные, фильтровать транзакции и визуализировать результаты вручную.

Современное нагрузочное тестирование включает разнообразные сложные сценарии, каждый из которых требует особого подхода к анализу:

- **Behavior-Driven Development (BDD)** сценарии с этапами: Тесты имитируют сложное поведение пользователя (например, «Поиск товара» – «Добавление в корзину» – «Оформление заказа»). Необходимо возможность оценивать производительность каждого этапа в отдельности и анализировать их влияние друг на друга.

- **End-to-end (E2E)** тесты: Полные пользовательские сценарии, затрагивающие множество подсистем. Анализ должен позволять выявлять узкие места в цепочке взаимодействий между различными сервисами.

Анализ должен учитывать различные фазы:

- **Фаза прогрева (Warm-up):**

Цель: плавно нарастить нагрузку от нуля до целевого уровня, позволяя системе «разогреться» – инициализировать кеш, установить соединения с базой данных, развернуть микросервисы в среде.

Задача для анализа: корректно исключить данные этой фазы из итоговых результатов. Если включить метрики прогрева в финальный отчет, они исказят картину, показав завышенное время отклика и заниженную производительность, что не отражает работу системы в стабильном режиме.

Проблема автоматизации: большинство инструментов не умеют автоматически определить окончание фазы прогрева. Аналитика приходится вручную определять временной интервал стабилизации системы и вырезать его из отчета для расчета итоговых метрик.

- **Пиковая нагрузка (Spike Test):**

Цель: смоделировать резкий, кратковременный всплеск активности (как при всплеске трафика на сайте во время старта продаж или рекламной акции). Проверить, как система реагирует на внезапную нагрузку: выдерживает ли пик, как быстро деградирует, как быстро восстанавливается после снятия нагрузки.

Задача для анализа: изолировать и проанализировать короткий период пика, а также последующего восстановления. Нельзя усреднять метрики этого периода со всем тестом – это скроет критические проблемы (например, скачок ошибок до 50% в течение 2 минут).

Проблема автоматизации: Стандартные отчеты, оперирующие средними значениями за весь тест, нивелируют значимость этого периода. Для его анализа необходимо вручную выбрать узкий временной отрезок, изучить графики метрик и отдельно рассчитать показатели именно для этого интервала.

- **Длительное плато (Soak Test):**

Цель: создать длительную (часы, иногда сутки) стабильную нагрузку, близкую к среднему производственному уровню и выявить проблемы: утечки памяти, проблемы соединений к БД, фрагментацию кеша, накопление временных файлов, которые незаметны при коротких тестах.

Задача для анализа: выявить тренды и корреляции в длительном периоде. Не просто посчитать среднее за 24 часа, а увидеть, что каждые 2 часа потребление памяти растет на 1%, а пропускная способность падает на 0.5%. Анализ требует изучения графиков с долгосрочными трендами, а не точечных замеров.

Проблема автоматизации: Для автоматической верификации таких тестов необходимо настраивать сложные правила, отслеживающие не абсолютные значения (например, память < 1 ГБ), а динамику их изменения (дельта памяти за час < 50 МБ). Большинство инструментов не поддерживают такие проверки.

Также существуют сложные сценарии тестирования микросервисных архитектур, которые требуют анализа не только общих метрик, но и производительности каждого сервиса в отдельности, а также их взаимодействия.

Ни один из рассмотренных open-source инструментов не предоставляет удобных встроенных средств для автоматического анализа таких сценариев по временным интервалам. Например, чтобы проанализировать производительность только этапа «Оформление заказа» в пиковый период нагрузки, аналитика приходится вручную вычленять соответствующие данные из логов.

Проведенный анализ выявил устойчивую потребность в развитии аналитических возможностей open-source инструментов до уровня платных аналогов. Наиболее перспективными направлениями являются:

- Разработка механизмов автоматической верификации НФТ для различных временных интервалов и этапов тестирования;
- Создание инструментов для анализа сложных пользовательских сценариев с возможностью оценки каждого этапа в отдельности;
- Развитие возможностей интеграции с CI/CD-процессами для автоматического принятия решений о соответствии НФТ;
- Создание гибких систем визуализации, позволяющих анализировать данные по различным средам и временным интервалам.

Проведенный анализ показал, что существующие инструменты нагрузочного тестирования либо малодоступны и рискованны для использования в современных условиях (LoadRunner, BlazeMeter), либо не предоставляют готовых возможностей для комплексного анализа результатов и автоматической проверки НФТ (JMeter, Locust, k6).

Особую сложность представляет анализ сложных сценариев нагрузки, включающих многоэтапные BDD-сценарии, end-to-end тестирование и различные фазы нагрузки. Актуальной задачей является развитие аналитических возможностей open-source решений, которые позволили бы приблизить их функционал к возможностям платных аналогов, обеспечивая при этом независимость от зарубежных вендоров и соответствие требованиям импортозамещения.

Библиографический список:

1. Find out how you stack up to new industry benchmarks for mobile page speed [Электронный ресурс] // Think with Google. – 2018. – URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/marketing-strategies/app-and-mobile/mobile-page-speed-new-industry-benchmarks> (дата обращения: 10.04.2025).
2. How Loading Time Affects Your Bottom Line [Электронный ресурс] // Portent. – 2022. – URL: <https://www.portent.com/blog/analytics/research-site-speed-hurting-everyones-revenue.htm> (дата обращения: 12.04.2025).
3. Amazon's one hour of downtime on Prime Day may have cost it up to \$100 million in lost sales [Электронный ресурс] // Business Insider. – 2018. – URL: <https://www.businessinsider.com/amazon-prime-day-website-issues-cost-it-millions-in-lost-sales-2018-7> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Abdeen W., Chen X., Unterkalmsteiner M. An approach for performance requirements verification and test environments generation // Requirements Engineering. – 2023. – Vol. 28. – No. 1. – P. 117-144. – DOI: 10.1007/s00766-022-00379-3
5. О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: указ Президента РФ от 30.03.2022 г. № 166 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202203300001> (дата обращения: 10.04.2025).
6. Apache JMeter: User's Manual: [Электронный ресурс]. – URL: <https://jmeter.apache.org/usermanual> (дата обращения: 02.05.2025).
7. Gopichand M., Rao A. A. Four layered approach to non-functional requirements analysis [Электронный ресурс] // arXiv.org. – 2012. – URL: <https://arxiv.org/abs/1201.6141> (дата обращения: 02.05.2025).
8. Бевзенко С. А. Основные виды классификации нагрузочного тестирования [Электронный ресурс] // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 1 (70). – С. 427-432. – ISSN 2712-8849. – URL: <https://www.вестник-науки.pf/article/12649> (дата обращения: 09.07.2025).
9. Шеховцов В. А., Костянян А. В. Обработка нефункциональных требований на стадиях анализа и проектирования программного обеспечения // Вестник Национального технического университета «ХПИ». – 2006. – № 40. – С. 186-197.
10. Шевчук О. А. Тестирование производительности программного обеспечения // International scientific review. – 2024. – № XCIV. – С. 13-20.

СИДОРЕНКОВА ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВНА – магистрант, Тольяттинский государственный университет, Россия.

П
С
И
Х
О
Л
О
Г
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

Ю.Р. Рокутова

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ ПЕРВОКЛАССНИКОВ К УСЛОВИЯМ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

В данной статье рассматривается проблема определения психологических условий, способствующих успешной адаптации первоклассников к школе, соответствующей высокому и среднему уровню.

***Ключевые слова:** школьная адаптация, школьная дезадаптация, социализация, процесс адаптации, процесс обучения в школе.*

С поступлением ребенка в школу происходят серьезные изменения в его взаимоотношениях с окружающими людьми, причем они являются довольно существенными. Прежде всего, значительно увеличивается время, отводимое ребенку на процесс общения. Теперь большую часть дня дети проводят в контактах и взаимодействиях с окружающими их людьми: родителями, учителями, другими детьми.

Изменяется само содержание общения, в него теперь входят темы, уже не связанные с игрой, т. е. выделяется как особая форма - деловое общение с взрослыми, в частности с учителем. В начальных классах школы дети много общаются со своим учителем, проявляя теперь к нему значительно больший интерес, чем к своим сверстникам, потому, что авторитет учителя является для них очень высоким [3].

Жизнь школьника переносит значительные изменения, концентрация внимания сдвигается на учебу,

школу, школьные мероприятия, отношения с учениками и педагогами. На данном этапе у ребенка происходят характерные сдвиги в функциональном состоянии, затрагивающие психоэмоциональную сферу.

Психологический аспект адаптации, тесно связан с процессом социальной адаптации, а также приспособлением человека как социальной личности, к общественной жизни в соответствии с действующими на данный момент требованиями и нормами этого общества, а также и в соответствии с имеющимися у него собственными потребностями, мотивами и, конечно же, интересами [2].

Дальнейшая социализация ребенка во многом определяется тем, насколько благополучно прошел адаптационный период в начале обучения.

Многие ученые, педагоги, психологи, такие как Ш. А. Амонашвили, Н. Г. Лусканова, Р. В. Овчарова, И. А. Коробейников, С. А. Беличева, Л. С. Выготский, М. М. Безруких и др. изучали и изучают проблему адаптации к школе. Они утверждают, что дальнейшие успехи ребёнка во многом зависят от того, как он начнёт своё обучение. Если с начала обучения в школе ребенок испытывает неудачи, то к 10 годам он теряет уверенность и мотивацию. Возраст от 5 до 10 лет считается критическим. Неудачи, с которыми надо бороться в течение всего времени обучения в школе, легче всего устранить именно на этапе адаптации [1].

Именно поэтому проблема адаптации детей к первому классу не теряет своей актуальности и по сей день, данная проблема требует пристального внимания специалистов данной области а так же дальнейшего изучения.

Новый стандарт выделяет в качестве основных образовательных результатов компетенции: предметные, метапредметные и личностные. Необходимость измерения метапредметных компетенций и личностных качеств требует создания системы диагностики результатов образовательного процесса, а технологии формирования и измерения указанных компетенций становятся основным предметом деятельности школьного психолога, сопровождающего процесс адаптации. В связи с этим важное место как в процессе адаптации, так и в образовательном процессе занимают психическое здоровье обучающихся, индивидуализация образовательных маршрутов, создание психологически безопасной и комфортной образовательной среды.

Согласно М.М. Безруких, процесс адаптации ребенка к школе можно разделить на несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности.

1. Первый этап – ориентировочный, характеризующийся бурной реакцией и значительным напряжением практически всех систем организма. Длится две- три недели.

2. Второй этап – неустойчивое приспособление, когда организм ищет и находит оптимальные варианты реакций на внешние воздействия.

3. Третий этап – период относительно устойчивого приспособления, когда организм находит наиболее подходящие варианты реагирования на нагрузку, требующие меньшего напряжения всех систем.

Критериями благополучной адаптации детей к школе М.М. Безруких предлагает считать благоприятную динамику работоспособности и ее улучшение на протяжении первого полугодия, отсутствие выраженных неблагоприятных изменений показателей здоровья и хорошее усвоение учебной программы. Индикатором трудности процесса адаптации к школе, как правило, являются изменения в поведении детей. Можно классифицировать три группы детей, отличающиеся особенностями адаптации к школе [4].

Первая группа детей адаптируется к школе в течение первых двух месяцев обучения. Эти дети относительно быстро вливаются в коллектив, осваиваются в школе, приобретают новых друзей в классе; у них почти всегда хорошее настроение, они доброжелательны, добросовестно и без видимого напряжения выполняют все требования учителя. Иногда у них отмечаются сложности либо в контактах с детьми, либо в отношениях с учителем, так как им еще трудно выполнять все требования правил поведения. Но к концу октября происходит освоение и с новым статусом ученика, и с новыми требованиями, и с новым режимом. Это легкая форма адаптации.

Вторая группа детей имеет длительный период адаптации, период несоответствия их поведения требованиям школы затягивается: дети не могут принять ситуацию обучения, общения с учителем, детьми. Как правило, эти дети испытывают трудности в усвоении 5 учебной программы. Лишь к концу первого полугодия реакции этих детей становятся адекватными школьным требованиям. Это форма средней тяжести адаптация. *Третья группа* – дети, у которых социально-психологическая адаптация связана со значительными трудностями; кроме того, они не усваивают учебную программу, у них отмечаются негативные формы поведения, резкое проявление отрицательных эмоций. Именно на таких детей чаще всего жалуются учителя, родители. Это тяжелая форма адаптации. Постоянные неуспехи в учебе, отсутствие контакта с учителем создают отчуждение и отрицательное отношение сверстников. Среди этих детей могут быть те, кто нуждается в специальном лечении – ученики с нарушениями психоневрологической сферы, но могут быть и ученики, не готовые к обучению. Если вовремя не разобраться в причинах плохого поведения, не скорректировать затруднения адаптации,

то все вместе может привести к срыву, дальнейшей задержке в развитии и неблагоприятно отразиться на состоянии здоровья ребенка. Так или иначе, плохое поведение – сигнал тревоги, повод внимательнее посмотреть на ученика и вместе с родителями разобраться в причинах трудности адаптации к школе [5].

В логике системно-ориентационного подхода сопровождение – это взаимодействие сопровождающего и сопровождаемого, направленное на разрешение жизненных проблем развития, сопровождаемого наиболее эффективным методом.

Программы психологического сопровождения адаптации детей к школе должны базироваться на следующих принципах:

- согласие ребенка на помощь и поддержку, опора на потенциальные возможности личности;
- ориентация на способность ребенка самостоятельно преодолевать трудности;
- сотрудничество, содействие;
- доброжелательность;
- безопасность, защита здоровья, прав, человеческого достоинства; рефлексивно-аналитический

подход к процессу и результату [7].

Основные компоненты программ психологического сопровождения процесса адаптации к условиям школьного обучения:

1. Диагностический компонент: выявление особенностей психического развития ребенка, наиболее важных особенностей деятельности, сформированности определенных психологических новообразований, соответствия уровня развития умений, знаний, навыков, личностных и межличностных образований возрастным ориентирам и требованиям общества. Диагностика может быть индивидуальной и групповой.

2. Консультативный компонент (помощь в решении тех проблем, с которыми к психологу обращаются учителя, родители). Индивидуальное консультирование - оказание помощи и создание условий для развития личности, способности выбирать и действовать по собственному усмотрению, обучаться новому поведению. Групповое консультирование -

информирование всех участников образовательного процесса по вопросам, связанным с особенностями образовательного процесса для данной категории детей с целью создания адаптивной среды, позволяющей обеспечить полноценную интеграцию и личностную самореализацию в образовательном учреждении.

3. Развивающий компонент. Развивающая работа (индивидуальная и групповая) - формирование потребности в новом знании, возможности его приобретения и реализации в деятельности и общении.

4. Коррекционный компонент. Коррекционная работа (индивидуальная и групповая) – организация работы, прежде всего с обучающимися, имеющими проблемы в обучении, поведении и личностном развитии, выявленные в процессе диагностики.

5. Психопрофилактический компонент. Обеспечение решения проблем, связанных с обучением, воспитанием, психическим здоровьем детей: разработка и осуществление развивающих программ для обучающихся с учетом задач каждого возрастного этапа; выявление психологических особенностей ребенка, которые в дальнейшем могут обусловить отклонения в интеллектуальном или личностном развитии; предупреждение возможных осложнений в связи с переходом обучающихся на следующую возрастную ступень.

Реализация программы психологического сопровождения процесса адаптации первоклассников к условиям школьного обучения проводится в несколько этапов:

I этап – первичная адаптация детей к школе. Самый сложный этап адаптации для детей и самый ответственный для взрослых. Содержанием данного этапа могут быть следующие мероприятия:

1. Проведение онлайн или офлайн консультаций и просветительской работы с родителями первоклассников, направленной на ознакомление взрослых с основными задачами и трудностями периода первичной адаптации, тактикой общения и помощи детям.

2. Выступления на родительском собрании по теме «Ребенок идет в первый класс». Подготовка памяток для родителей.

3. Проведение индивидуальных онлайн или офлайн консультаций педагога по выработке единого подхода к отдельным детям и единой системе требований к классу, а также по темам: «Психологическая готовность детей к школе», «Школьная дезадаптация и связанные с ней трудности обучения».

4. Проведение онлайн или офлайн диагностики процесса адаптации (уровень тревожности, самооценка, беседа о школе, уровня школьной мотивации, диагностика мотивации учения и эмоционального отношения к учению).

5. Организация методической работы педагогов, направленной на построение учебного процесса

в соответствии с индивидуальными особенностями и возможностями школьников, выявление в ходе диагностики и наблюдения за детьми в первые недели обучения.

6. Организация психолого-педагогической поддержки школьников. Такая работа проводится, как правило, психологом, классным руководителем, педагогами во внеурочное время.

7. Основными формами реализации программы психологического сопровождения процесса адаптации первоклассников к условиям школьного обучения являются различные игры, направленные на снятие чрезмерного психического напряжения, формирование у детей коммуникативных действий, необходимых для установления межличностных отношений, общения и сотрудничества

8. Аналитическая работа, направленная на осмысление итогов деятельности педагогов, психологов и родителей в период первичной адаптации первоклассников.

II этап – психологическое сопровождение первоклассников, испытывающих трудности в школьной адаптации.

Работа в этом направлении осуществляется в течение второго полугодия 1-го класса и предполагает следующее:

1. Проведение психолого-педагогической диагностики, направленной на выявление групп школьников, испытывающих трудности в формировании универсальных учебных действий.

2. Индивидуальное и групповое консультирование и просвещение родителей по результатам диагностики.

3. Просвещение и консультирование педагога по вопросам индивидуальных и возрастных особенностей учащихся. Индивидуальная просветительская работа по проблеме профилактики профессиональной деформации;

4. Организация педагогической помощи детям, испытывающим различные трудности в обучении и поведении с учетом данных психодиагностики.

5. Методическая работа педагогов, направленная на анализ содержания и методики преподавания различных предметов. Цель такого анализа – выявить и устранить те моменты в учебном процессе, стиле общения с детьми, которые могут провоцировать различные школьные трудности.

5. Выявление детей с ООП (ограниченными образовательными потребностями) в ОУ, осуществление психолого-педагогического сопровождения.

6. Аналитическая работа, направленная на осмысление результатов проведенной в течение полугодия и года в целом работы.

Таким образом, психологическим сопровождением является помощь в развитии психологической индивидуальности субъекта в построении формирования личности, развитии личности, в реализации личностного роста во время жизненных кризисов и внутренних поисков. Психологическое сопровождение процесса адаптации первоклассников к школе - вид межличностного взаимодействия, направленный на психологическую помощь субъекту, в ходе которой возникает позитивно окрашенное чувство уверенности в себе, в своих способностях.

Успешная адаптация первоклассников к обучению в школе имеет определяющее значение для выработки позитивного «адаптационного стиля», который в дальнейшем поможет ребенку адаптироваться к очередному этапу непрерывного образования [6].

Библиографический список:

1. Бадина Н.П. Профилактика и преодоление школьной дезадаптации первоклассников: методические рекомендации для учителей начальных классов). – Курган, 2009.
2. Безруких, М. Почему учиться трудно? /М. Безруких, С. Ефремова, Б. Круглов. - Москва: Семья и школа, 2015.
3. Битянова, М.Р. Адаптация ребенка в школе: диагностика, коррекция, педагогическая поддержка/ М.Р. Битянова// Сборник методических материалов для администрации, педагогов и школьных психологов. – Москва: Образовательный центр «Педагогический поиск», 2017.
4. Костяк Т.В. «Психологическая адаптация первоклассников» - М.: «Академия», 2008
5. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования //Вестник практической психологии образования. 2011.
6. Фопель К. «Чтобы дети были счастливы», Генезис, 2005.
7. Хухлаева О. В. Школьная психологическая служба, М., 2008.

РОКУТОВА ЮЛИЯ РИНАТОВНА – студентка, Челябинский государственный университет, Россия

К.Т. Таучелова

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СОТРУДНИКОВ

Корпоративная культура выступает системообразующим фактором, модулирующим психосоциальные нагрузки и ресурсы труда, а значит, и психологическое здоровье сотрудников. В тексте рассматриваются механизмы воздействия норм и практик организации на спектр исходов — от выгорания и аффективной симптоматики до вовлеченности и субъективного благополучия. Аналитическая рамка опирается на модель требований и ресурсов труда, концепции психологической безопасности, организационной справедливости и соответствия ценностей работника и организации. Приводятся примеры российских компаний из финансового сектора, ИТ, промышленности и ритейла, где трансформация культурных допущений сопровождалась внедрением программ поддержки психического здоровья, изменением дизайна труда, усилением поведенческой безопасности и переразметкой управленческих ожиданий. Сформулированы методические подходы к измерению эффектов, описан контур внедрения системы профилактики психосоциальных рисков в связке HR и охраны труда, намечены направления для дальнейших исследований в российских условиях высокой турбулентности.

Ключевые слова: корпоративная культура, психическое здоровье, психосоциальные риски, выгорание, психологическая безопасность, организационная справедливость, требования и ресурсы труда, вовлеченность, Россия.

Корпоративная культура задает правила интерпретации событий и распределяет допустимые способы поведения. Через язык ценностей и повседневные управленческие ритуалы она формирует ожидаемые отношения к ошибке, конфликту, успеху и заботе, а значит воздействует на когнитивные оценки контроля, предсказуемости и справедливости. Эти оценки определяют интенсивность стресса, вероятность истощения и готовность запрашивать помощь. Психологическое здоровье в организационном контексте разумно понимать как континуум от клинически значимых состояний к устойчивому благополучию, где промежуточные уровни описываются показателями выгорания, тревожности, депрессивности, цинизма, а также индикаторами позитивного функционирования: смысл труда, жизненная энергия, удовлетворенность и вовлеченность.

Фундамент воздействия лежит в балансе между требованиями и ресурсами труда. К требованиям относятся плотность задач, неопределенность, эмоциональные нагрузки, прерываемость внимания, конфликты ролей. К ресурсам — автономия, поддержка руководителя и коллег, ясность роли, развитие компетенций, справедливые вознаграждения, психологическая безопасность. Культурные установки сдвигают этот баланс: нормализация хронической перегрузки и героизация сверхурочной занятости закрепляют высокие требования как норму; ориентация на взаимную помощь, конструктивную обратную связь и право на ошибку усиливает ресурсы. В узле этой зависимости находятся практики средних менеджеров: именно они превращают декларации ценностей в повседневные сценарии общения, планирования и контроля [3].

Психологическая безопасность описывает коллективную уверенность в безнаказанности за вопросы, сомнения и сообщения об ошибках. Там, где доминирует культура обвинения, работники стремятся скрывать затруднения, растет тревожность и социальная изоляция, исчезает раннее обращение за поддержкой. В противоположной конфигурации принятие уязвимости снижает аффективное истощение и укрепляет командное обучение. Важен и опыт организационной справедливости: прозрачность критериев оценки и вознаграждения уменьшает когнитивную руминацию, снижает вероятность выгорания даже при высокой интенсивности труда. Несоответствие ценностей человека и корпоративных установок усиливает внутренний конфликт и отток, тогда как конгруэнтность ценностей повышает устойчивость к стрессорам.

Три наиболее частотных культурных паттерна по-разному связаны с психологическим здоровьем. Культура жесткой дисциплины и показателей повышает предсказуемость, но при дефиците участия и

слабой обратной связи формирует выученную беспомощность и цинизм. Культура достижения с фокусом на амбициозных целях стимулирует энергию и инициативу, но при нормализации постоянного овертайма приводит к истощению и нарушениям сна. Культура обучения и сотрудничества поддерживает рефлексию и адаптивность, а при наличии четких границ нагрузки и ритуалов восстановления стабилизирует благополучие и удержание. Нюанс в том, что секторные контексты по-разному задают потолки и полы по рискам: промышленная безопасность в металлургии и энергетике вплетает психическую безопасность в логику управления рисками, ИТ сталкивается с когнитивной перегрузкой и размыванием границ рабочего времени в гибридном формате, ритейл — с высоким темпом, эмоциональным трудом и низкой автономией на операционных ролях [1].

Российская практика демонстрирует разные траектории. В Сбере культурная трансформация сопровождалась распространением кросс-функциональных команд, акцентом на автономию и быстрые циклы обратной связи, развитием корпоративного обучения и служебных сервисов здоровья. В такой конфигурации снижается роль микроменеджмента, расширяется контроль сотрудника над способом выполнения задачи, что повышает субъективную компетентность и снижает уровень эмоционального истощения. Риск возникает, когда ускорение циклов сочетается с неясностью приоритетов; здесь защитным фактором выступают договоренные командные правила коммуникации, ограничение времени уведомлений и регулярные ретроспективы, где анализируются не только метрики, но и состояние команды.

В Росатоме производственная система сместила акценты на стандартизацию и поведенческую безопасность. Практика «не наказывать за сообщения об опасной ситуации» и право на остановку работы формируют переживание контроля и справедливости, уменьшают тревогу и нормализуют обращение за поддержкой. Те же принципы, перенесенные на интеллектуальный труд, укрепляют психологическую безопасность: регламентируются каналы эскалации проблем без персонализации вины, фиксируется ответственность руководителя за условия выполнения задания, а не только за итоговый результат. Когда обсуждение инцидентов строится по логике обучения, а не поиска виновного, снижается уровень межличностного напряжения и самостигматизации.

Северсталь развивала культуру нулевой травматичности, где ежедневные «диалоги о безопасности» и разборы отклонений стали нормой. В фокусе не только физические риски, но и эмоциональные триггеры: усталость, спешка, самоуверенность. Инструменты поведенческой безопасности синхронизируются с профилактикой выгорания: сменный режим дополняется ритуалами восстановления, а для линейных руководителей вводятся модули распознавания признаков психического неблагополучия в команде и навыки поддерживающего разговора. Пересборка повседневных ритуалов управления обеспечивает повторяемость бережного поведения, а не разовые акции внимания к благополучию [5].

В Яндексe гибридный формат и проектная автономия создают богатую среду ресурсов труда, однако постоянные продуктовые гонки и перманентные изменения усиливают требования. На практике баланс выравнивают внутренние консультации психологов и обучающие курсы по саморегуляции, работа с границами коммуникации и цифровая гигиена. На уровне команд лидеры инкорпорируют чек-ины, фокус-таймы без встреч, договоренности об ожиданиях к скорости ответа. В такой архитектуре культура влияет на поведение через микро-привычки и явные правила, уменьшая нагрузку на индивидуальные копинг-стратегии.

В МТС благополучие включено в портфель корпоративных программ: внедряются EAP-сервисы анонимных консультаций, практики профилактики эмоционального истощения для контактных центров, мониторинг состояния через регулярные пульс-опросы. На стыке HR и охраны труда выстраивается процесс выявления психосоциальных рисков: высокие нагрузки, агрессивные обращения клиентов, сменность, удаленная работа. Ответные меры сочетают дизайн графиков, обучение руководителей навыкам поддержки и изменение KPI, где учитывается качественная составляющая сервиса, а не только количественные показатели [4].

В X5 Group и «Магните» акцент делается на заботу о фронт-офисе и складских командах. Здесь культуру формируют доступные каналы обратной связи, горячие линии и процедуры быстрого реагирования на конфликтные ситуации с клиентами. Психологическое здоровье поддерживается через супервизии и краткие обучающие форматы по эмоциональному труду, снижение неопределенности расписаний, прозрачные правила замены смен. Когда правила стабильны и понятны, тревожность снижается, а энергозатраты на постоянное согласование смен — тоже часть психосоциальной нагрузки — уменьшаются.

В нефтегазе у «Газпром нефти» усиливается логика проектности и сотрудничества между функциями. Растет удельный вес практик качественной обратной связи и обсуждения ожиданий к роли. При грамотной интеграции это повышает субъективную значимость труда и чувство принадлежности, а при дефектах постановки задач и завышенных ожиданиях риск эмоционального истощения возрастает. Предиктором служит качество руководства: поддерживающий стиль и четкая фрейминг-коммуникация смещают оценку контекста в сторону управляемости и справедливости.

Оценка влияния культуры на психическое здоровье требует строгой методологии. На уровне индивида уместны GHQ-12, PHQ-9, GAD-7, MBI-GS и UWES; на уровне климата — шкалы психологической безопасности, организационной справедливости, ясности роли и поддержки руководителя. Конструкции культуры фиксируются опросниками ценностных ориентаций и поведенческих норм. Для выявления причинных связей желательны продольные измерения с лагами, чтобы оценить динамику состояния после культурных интервенций. Многоуровневое моделирование позволяет отделить вклад командных практик от индивидуальных различий, а квазиэксперименты поэтапного внедрения дают точку сравнения. В российском контексте нужно учитывать макрострессоры, влияющие на всю систему, а также секторные особенности и региональные различия.

Практическая работа начинается с картирования психосоциальных рисков: интервью и фокус-группы, анализ инцидентов, пульс-опросы, диагностический анализ календарей, чатов и совещаний. После выявления факторов перегрузки проводится редизайн процессов и ролей: сокращение прерываний, пакетирование задач, введение фокус-окон без встреч, корректировка норм коммуникации, перегруппировка ответственности с ясным разграничением прав принятия решений. Параллельно настраиваются культурные ритуалы: еженедельные ретроспективы с вопросами о нагрузке и поддержке, формализованные «правила команды» по времени ответа и каналам связи, интеграция метрик благополучия в управленческую отчетность. В системе охраны труда формируется контур ISO 45003: оценка рисков, план мер, обучение, мониторинг. EAP-сервисы закрепляются в политике, обеспечивается конфиденциальность и низкий порог входа. Руководители проходят тренинги по распознаванию ранних признаков неблагополучия и ведению поддерживающей беседы, а в KPI добавляются индикаторы безопасной загрузки и удержания [2].

Контрмеры против токсичных практик нуждаются в явных этических нормах: запрет публичного осуждения ошибок, ответственная коммуникация о целях, запрет на «вечные» чаты, ротация задач для профилактики монотонии. Важна работа с оценкой: справедливые и понятные критерии, ориентированные не только на объем, но и на качество, а также учет коллективного вклада. Поддерживающая инфраструктура включает супервизии и межколлегиальные группы разбора сложных случаев, где обсуждается не человек как «проблема», а контекст, в котором он оказался.

Результативность программ требует прозрачных метрик. На индивидуальном уровне отслеживаются показатели выгорания, тревожности и субъективного благополучия, на уровне команды — психологическая безопасность и климат справедливости, на уровне организации — текучесть, длительные больничные, частота конфликта «работа — дом», качество сервиса и ошибок. Для интерпретации динамики важна устойчивая панель показателей и сопоставимые временные окна, иначе изменения можно перепутать с сезонностью или последствиями внешних событий.

Опыт российских компаний показывает, что стойкий эффект возникает не от точечных «полезных активностей», а от изменений в ядре управленческих практик. Когда право на вопрос и право на паузу закрепляются не в памятке, а в распорядке дня; когда руководитель учится завершать задачи, а не добавлять новые без снятия старых; когда командная ретроспектива касается не только прогресса, но и самочувствия, усиливается переживание контроля и снижается хроническое напряжение. В этой логике корпоративная культура перестает быть набором лозунгов и превращается в технологию поддержания человеческой устойчивости при высокой переменности среды [3].

Библиографический список:

1. Гельманова З. С., Саульский Ю. Н., Иванова А. В. Психологическое здоровье сотрудников и роль HR в его поддержании // *Endless light in science*. – 2024. – № 31 октябрь 6. – С. 14-23.
2. Гребенникова В. М., Гребенников О. В., Ус О. А. Влияние организационной культуры образовательной организации на психологическое здоровье сотрудников // *Обзор педагогических исследований*. – 2021. – Т. 3. – № 3. – С. 99-104.
3. Гурьева Е. В. Влияние профессионального стресса на психическое здоровье персонала организации // *Актуальные исследования*. – 2024. – № 10 (192). – С. 73-76.
4. Жданова П. Р. Атрибуты корпоративной культуры организации как предикторы выгорания сотрудников: краткий обзор // *Современная зарубежная психология*. – 2024. – Т. 13. – № 3. – С. 83-92.
5. Заковряжин М. Ю. Влияние профессионального стресса на психическое здоровье персонала // *Вестник науки*. – 2024. – Т. 2. – № 6 (75). – С. 1384-1393.

Е.Е. Хребтова

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ТЯЖЕЛЫМ НАРУШЕНИЕМ РЕЧИ

В статье рассматриваются социально-психологические аспекты взаимодействия родителей с детьми младшего школьного возраста, имеющими тяжелые нарушения речи (ТНР). Актуальность обусловлена ростом числа детей с ограниченными возможностями здоровья и необходимостью разработки эффективных форм психологической поддержки семей [6]. Основное внимание уделено тревожности родителей как ключевому фактору, влияющему на детско-родительские отношения. Эмпирическое исследование подтвердило статистически значимые различия в уровне тревожности между родителями детей с ТНР и родителями детей с нормальным речевым развитием ($p < 0.001$) [5]. Полученные данные могут быть использованы для создания программ психокоррекционной работы с родителями, направленных на развитие навыков альтернативной коммуникации и снижение эмоционального напряжения [4].

Ключевые слова: детско-родительские отношения, тяжелые нарушения речи, тревожность родителей, психологическая поддержка.

Современное общество предъявляет повышенные требования к системе психологической помощи детям с ограниченными возможностями здоровья. Особую значимость приобретает работа с детьми, имеющими тяжелые нарушения речи, поскольку речевая функция напрямую влияет на когнитивное, эмоциональное и социальное развитие ребенка [1]. Семья как основной институт социализации играет решающую роль в формировании личности, однако диагноз ТНР часто провоцирует у родителей хроническую тревожность, что негативно сказывается на стиле воспитания и эмоциональном климате в семье [6].

Родительское отношение и его влияние на развитие детей с ТНР изучали: А.В. Запорожец, Л.С. Выготский, А.Н. Гвоздев, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев [3]. А.Р. Лурия, М.И. Попова, Ф.А. Сохин, Д.Б. Эльконин [2]. Акцентировали внимание на значении межличностных отношений в семье для эмоционального формирования ребёнка с ТНР, а также подчёркивали важность совместных усилий родителей и педагогов такие учёные как: Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, М.И. Лисина и другие.

Также отмечается, что успешная социализация ребенка с ТНР возможна только при условии системной поддержки семьи и формирования у родителей адекватных стратегий взаимодействия [4].

Цель исследования — выявить статистически значимые различия в уровне тревожности родителей, воспитывающих детей с ТНР, по сравнению с родителями детей без речевых нарушений.

Гипотеза исследования: уровень личностной и ситуативной тревожности у родителей детей с ТНР статистически значимо выше, чем у родителей детей без ТНР.

Методы и методики исследования

В исследовании использовались общетеоретический анализ литературы и эмпирическое тестирование.

В качестве основного инструмента применялась методика «Шкала тревожности» Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина [5].

Выборка составила 60 родителей: 30 — родители, воспитывающие детей с ТНР, 30 — родители, воспитывающие детей без ТНР (контрольная группа).

Исследование проводилось онлайн с соблюдением принципов добровольности и конфиденциальности.

Для проверки статистической значимости различий между группами использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

В таблице 1 представлены результаты по t-критерию Стьюдента

Таблица 1

Результаты t-критерия Стьюдента для сравнения уровня тревожности между группами

Т-тест независимых выборок			
Показатель тревожности	Стьюдент t	df (степеней свободы)	p
Личностная тревожность (ЛТ)	10.0	58.0	< 0.001
Ситуативная тревожность (СТ)	3.48	58.0	< 0.001

Примечание. μ с ТНР $\neq$ μ без ТНР

Статистический анализ показал высокую значимость различий по обоим показателям тревожности. Результаты t-теста представлены в таблице 1.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу: родители детей с ТНР демонстрируют статистически значимо более высокие показатели как личностной, так и ситуативной тревожности по сравнению с родителями детей без речевых нарушений. Это требует разработки и внедрения специализированных программ психологического сопровождения для данной категории семей [4]. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов в консультативной и коррекционной практике образовательных и медицинских учреждений.

Библиографический список:

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений. — М.: Педагогика, 1982.
2. Эльконин Д.Б. Психология развития. — М.: Академия, 2001.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Смысл, 2004.
4. Филочева Т.Б. Основы логопедии. — М.: Просвещение, 2010.
5. Спилбергер Ч.Д., Ханин Ю.Л. Шкала тревожности. Руководство по применению. — М., 2001.
6. Ткачева В.В. Психология семьи с ребёнком-инвалидом. — М.: Академия, 2013.

ХРЕБТОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА – магистрант, Челябинский государственный университет, Россия.

И.В. Шевякова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБЩЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Статья представляет собой комплексный анализ психологических факторов, определяющих формирование коммуникативной компетентности в подростковом возрасте. На основе интеграции современных теоретических подходов и эмпирических исследований раскрывается системное взаимодействие когнитивных, эмоционально-личностных и социальных детерминант коммуникативного развития. Особое внимание уделяется анализу методов коррекции компетентности общения в подростковом возрасте.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, подростковый возраст, детерминанты развития, когнитивные факторы, эмоциональная регуляция, социальная адаптация.

По мнению отечественных психологов, таких как Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина, С.Л. Рубинштейн и др. общение является базовым условием в развитии ребенка. Проблема развития коммуникативной компетентности в подростковом возрасте занимает центральное место в современных зарубежных исследованиях К.А. Dodge, G.S. Pettit, J.E. Bates, L.R. Dougherty, S. Schoonmaker, C. Wichmann, R.J. Coplan, T. Daniels и др.

Несмотря на значительное количество исследований А.А. Бодалев, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина, С.Л. Рубинштейн, Д. Гоулман и др. остаются недостаточно изученными: механизмы взаимодействия когнитивных и эмоциональных факторов, возрастная динамика коммуникативных стратегий, гендерные и кросс-культурные аспекты проблемы.

Следовательно, проблема исследования заключается в недостаточной изученности системного взаимодействия психологических детерминант (когнитивных, эмоциональных, социальных), влияющих на развитие коммуникативной компетентности в подростковом возрасте, а также в отсутствии комплексных подходов к ее коррекции.

Цель исследования - выявить и проанализировать ключевые психологические факторы формирования компетентности общения в подростковом возрасте и обосновать эффективные методы его развития и коррекции.

Задачи статьи:

1. Провести теоретический анализ современных исследований в области коммуникативной компетентности подростков.
2. Определить основные психологические детерминанты (когнитивные, эмоциональные, социальные), влияющие на развитие коммуникативных навыков.
3. Изучить возрастную динамику формирования коммуникативной компетентности в подростковом периоде.
4. Проанализировать существующие методы коррекции и развития коммуникативных навыков у подростков.

Теоретико-методологической основой исследования стали три ключевых психологических подхода:

1. Деятельностный (А.А. Леонтьев) - компетентность как система коммуникативных действий. Автор акцентирует проблему формирования коммуникативных действий как целостной системы, а не отдельных навыков. Подчеркивает необходимость анализа операционально-технической стороны общения подростков. Обращает внимание на разрыв между формальным обучением общению и реальной коммуникативной практикой.

2. Социально-когнитивный (А. Бандура) - роль когнитивных схем и самооффективности. Выявляет проблему формирования адекватных когнитивных схем социального взаимодействия. Актуализирует вопрос развития самооффективности в общении как ключевого регулятора поведения. Поднимает проблему искаженных когнитивных паттернов в цифровой среде общения.

3. Эмоционально-регулятивный (Д. Гоулман [3]) - значение эмоционального интеллекта. Акцентирует недостаточность развития эмоционального интеллекта в современных образовательных программах. Ставит вопрос о возрастных особенностях эмоциональной регуляции в коммуникации. Подчеркивает проблему «эмоционального выгорания» от интенсивного цифрового общения.

1. С.В. Саврасова замечает, что в подростковом возрасте актуализируются следующие особенности компетентности общения:

1) качественные изменения общения: переход от детских к взрослым коммуникативным стратегиям; формирование сложных коммуникативных кодов (вербальных и невербальных); развитие метакоммуникативных способностей (умение анализировать процесс общения);

2) социальные приоритеты: рост значимости общения со сверстниками (до 80% времени); появление интимно-личностного общения (по Д.Б. Эльконину [6]); формирование групповой идентичности через коммуникативные практики;

3) эмоциональная составляющая: гиперчувствительность к оценочным суждениям; экспериментирование с разными стилями общения; конфликтность как способ установления границ [5].

Психологических детерминант развития компетентности общения в подростковом возрасте можно представить таблице 1.

Таблица 1

Психологических детерминант развития компетентности общения в подростковом возрасте

Детерминанта	Теоретическая база	Механизмы влияния	Примеры проявления
1. Самооценка (Р. Бернс, М. Розенберг)	- Теория социального сравнения - Иерархическая модель самооценки	- Когнитивные искажения в восприятии обратной связи, - Поведенческие стратегии избегания/доминирования.	- Подросток отказывается от участия в дискуссии из-за страха ошибки (заниженная) - Перебивает собеседников, доказывая свою правоту (завышенная)
2. Эмоциональный интеллект (Д. Гоулман, П. Сэловей)	- Модель способностей Майера-Сэловея - Теория аффективной нейронауки (Д. Льюис)	- Распознавание микровыражений, - Регуляция эмоционального заражения, - Эмпатическая точность.	- Не замечает недовольства учителя по невербальным сигналам - Неадекватно смеется в серьезной ситуации.
3. Когнитивное развитие (Ж. Пиаже, Л. Выготский)	- Теория социального конструктивизма - Модель исполнительных функций (А. Даймонд)	- Гибкость когнитивных схем, - Контрфактуальное мышление.	- Буквально понимает сарказм - Не может представить альтернативные точки зрения
4. Социальная тревожность (Р. Хаймберг, К. Элсер)	- Когнитивная модель Кларка-Уэллса - Теория привязанности (Д. Боулби)	- Гипертрофированное внимание к внутренним ощущениям, - Катастрофизация последствий общения	- Паническая реакция перед ответом у доски - Отказ от групповых проектов из-за страха оценки.

2. Возрастная динамика детерминант коммуникативной компетентности (по Эльконину [6]).

3. Младший подростковый возраст (10-12 лет). В этот период доминирующей детерминантой развития коммуникативной компетентности выступает когнитивное развитие. Согласно теории Эльконина-Давыдова, происходит критический переход от конкретного к абстрактному мышлению, что создает как возможности, так и трудности в общении. Основной кризисный аспект проявляется в противоречии между сохраняющейся конкретностью мышления и формирующейся способностью к абстрактным социальным обобщениям.

4. Средний подростковый возраст (13-15 лет). На первый план выходит развитие эмоционального интеллекта как ключевой детерминанты коммуникативной успешности. Этот период характеризуется выраженной аффективной лабильностью - эмоциональные реакции часто бывают несоразмерными стимулам, наблюдается быстрая смена настроений. Кризисный аспект проявляется в противоречии между интенсивностью эмоциональных переживаний и недостаточной способностью к их регуляции.

5. Старший подростковый возраст (16-18 лет). Доминирующей детерминантой становится формирование устойчивой самооценки и личностной идентичности. Кризисный аспект связан с необходимостью самоопределения в социальном и профессиональном плане. Коммуникативные трудности часто возникают из-за противоречия между потребностью в самовыражении и страхом социальной оценки.

6. Согласно М.А. Комлевой, Е.Е. Дмитриевой [4] динамика развития коммуникативной компетентности в подростковом возрасте представляет собой последовательную смену доминирующих детерми-

нант: от когнитивных предпосылок через эмоциональную регуляцию к личностной интеграции. Понимание этой возрастной динамики позволяет разрабатывать адресные психолого-педагогические программы, соответствующие актуальным потребностям и возможностям каждого возрастного этапа.

Развитие коммуникативной компетентности в подростковом возрасте – сложный процесс, зависящий от множества психологических факторов. Наибольшее влияние оказывают самооценка, эмоциональный интеллект, когнитивное развитие и уровень социальной тревожности.

Целенаправленная психолого-педагогическая работа позволяет минимизировать коммуникативные трудности и способствует успешной социализации подростков. Методы коррекции психологических детерминант коммуникативной компетентности подростков представлены в таблице 2.

Таблица

Методы коррекции психологических детерминант коммуникативной компетентности подростков.

Детерминанта	Методы коррекции	Техники и упражнения	Форма проведения	Целевой эффект
1. Самооценка	Когнитивно-поведенческая терапия Позитивная психотерапия	- «Дневник успехов» - Упражнение «Мои сильные стороны» - Ролевая игра «Интервью с успешным собой»	Индивидуальные/групповые занятия	Формирование адекватной самооценки, снижение страха ошибок
2. Эмоциональный интеллект	Тренинг эмоциональной компетентности Арт-терапия	- «Эмоциональный словарь» - Упражнение «Угадай эмоцию» - Метод «Эмоциональные карты»	Групповые тренинги Парные упражнения	Развитие эмпатии, улучшение распознавания эмоций
3. Когнитивное развитие	Метакогнитивный тренинг Развивающее обучение	- Анализ видеокейсов - Упражнение «Мысли-чувства-действия» - Игра «А что, если...»	Групповые дискуссии Интерактивные занятия	Развитие рефлексии, гибкости мышления
4. Социальная тревожность	Экспозиционная терапия Методы релаксации	- Постепенное погружение в социальные ситуации - Дыхательные упражнения - Техника «Безопасное место»	Индивидуальные сессии Групповые тренинги	Снижение тревожности, повышение уверенности

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует необходимость разработки интегративных моделей, учитывающих цифровую трансформацию общения; создания дифференцированных программ развития с учетом возрастной динамики, индивидуально-типологических особенностей, социокультурного контекста.

Библиографический список:

1. Бодалев, А.А. Психология общения. Энциклопедический словарь / А.А. Бодалев. – М.: КогитоЦентр, 2011. – 600 с.
2. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский — Москва: Педагогика-Пресс, 1999. — 536 с.
3. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман - М.: АСТ, 2021. - 478 с.
4. Комлева, М.А. Особенности развития коммуникативной компетентности у младших подростков / М.А. Комлева, Е.Е. Дмитриева // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №70-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-kommunikativnoy-kompetentnosti-u-mladshih-podrostkov> (дата обращения: 25.06.2025).
5. Саврасова, С.В. Коммуникативная компетентность подростков / С.В. Саврасова // Вестник науки и образования. 2020. №24-3 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-podrostkov> (дата обращения: 25.06.2025).
6. Эльконин, Д.Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. – 1971. – №4. – С. 4 – 20.

ШЕВЯКОВА ИННА ВЛАДИМИРОВНА – магистрант, ВГПУ, Россия.

П
Е
Д
А
Г
О
Г
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

Т.С. Болховитина, А.Э. Володин

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, КАК ОБЪЕКТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье описан процесс формирования политики информационной безопасности в Российской Федерации, а также влияние на нее общемировых тенденций развития описываемого направления. На основе анализа исторических процессов формирования политики информационной безопасности обоснована ее значимость в современных геополитических процессах и необходимость рассмотрения именно как объекта национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: *информационная безопасность, национальная безопасность, секреты, защита информации, тайна, информация.*

Стремление узнавать секреты является глубоко укоренившейся, неотъемлемой чертой человеческой природы; даже самый нелюбопытный ум воодушевляется перспективой узнать что-то такое, что утаивается от других.

Тысячи лет короли, королевы и полководцы управляли своими странами и командовали своими армиями, опираясь на надежно и эффективно действующую связь. В то же время все они осознавали

последствия того, что произойдет, если их сообщения попадут не в те руки, если вражескому государству будут выданы ценные секреты, а жизненно важная информация окажется у противника. Именно опасение того, что противник перехватит сообщение, послужило причиной активного развития системы защиты (скрытия) наиболее важной государственной информации.

Стремление обеспечить секретность означало, что в государстве функционировали подразделения, отвечающие за обеспечение секретности связи путем разработки и использования самых надежных способов сокрытия и передачи особо важной информации ограниченного распространения.

История защиты информации – это многовековая история поединка между создателями способов и средств защиты информации и теми, кто пытается эту информацию узнать, перехватить и разведать каким-либо способом; интеллектуальная гонка вооружений, которая оказала разительное влияние на ход истории.

Одно из первых документально подтвержденных упоминаний о фактах использования средств защиты передаваемой информации в военных целях появилось в «Галльских войнах» Юлия Цезаря. Цезарь описывает, как он послал сообщение Цицерону, находившемуся в осаде и бывшему на грани капитуляции. Одними из самых древних и известных истории способов скрыть наиболее важную информацию от посторонних глаз являлись «шифр Цезаря» и шифр «Скитала».

В дальнейшем факты использования средств защиты информации документировались все чаще по причине их повсеместного использования как в военной и дипломатической, так и во всех других сферах деятельности. К четырнадцатому веку защищать в том числе личную информацию стали повсеместно даже алхимики и ученые, чтобы хранить свои открытия в секрете.

Государственная тайна, как особо охраняемая в любой стране информация, является одним из существенных элементов в механизме властвования и выполняет не только утилитарную функцию защиты определенных категорий сведений от распространения, но и имеет политический оттенок, так как является непременным атрибутом реализации государственно-властных полномочий правителя.

Столь существенную роль государственная тайна в истории России занимала не всегда. Пока в умах подданных государя доминировала идея о том, что царская власть «от Бога дарована», а сам государь полагал себя самодержцем, который не подотчетен никому, кроме собственной персоны, государственный аппарат был неразвитым, отсутствовал смысл для властителя отгораживать себя от подданных плотной завесой тайны. К сожалению, исторические исследования содержат мало достоверной информации о том, как на ранних этапах развития Российского государства была организована система защиты государственных секретов, поэтому имеет смысл воспользоваться для краткого исторического экскурса анализами развития одного из обязательных спутников тайны – шифров.

Появление в России первых специалистов-тайнописчиков, находящихся на государственной службе, следует отнести к 1549 году, к моменту образования Посольского приказа, осуществлявшего общее руководство внешней политикой страны. Если исходить из простой логической посылки, что тайнопись применяется для защиты секретной информации, а дипломатия всегда довлеет к приватности, то развитие дипломатических шифров прямо свидетельствует о наличии государственных секретов в данной сфере государственной деятельности еще со времен «Киевской Руси».

Первое упоминание о защите в России секретов в сфере государственной службы и о наказании тех, кто «тайно из коллегияльных писем и документов что унесет», исследователи находят в Генеральном регламенте 1720 г.[1] Однако, указанные вопросы нашли свое документальное отражение и ранее. Так, в Указе Петра I от 4 апреля 1714 г.[2] выделяется особый порядок при рассмотрении секретных дел.

В дальнейшем развитие нормативно-правовой базы нашло свое отражение в Указах российского Императора от 13 января 1724 г. «О написании секретных дел в партикулярных письмах», от 16 января 1724 г. «О поручении секретных дел в Сенате благонадежным людям» и в Приказе Правительствующего Сената от 5 марта 1724 г. «О надписях на пакетах, в которых секретные дела»[3]. В этих организационно-распорядительных документах нашел свое отражение прообраз того порядка допуска к секретным документам и обращения с ними, который в основ и целом действует до сих пор.

В дальнейшем нормативная база по защите наиболее охраняемых сведений продолжает непрерывно совершенствоваться. В последующем прослеживается также контроль со стороны государства за неукоснительным выполнением действующих норм по защите указанных сведений. Так, в своем Приказе от 30 апреля 1765 г. Правительствующий Сенат с учетом имевших место нарушений вторично обязал проставлять на бумагах и конвертах по делам секретным пометки «Секретно». В другом сенатском Приказе от 7 января 1768 г. «О подписывании представлений, доношений и рапортов по секретным делам» одним Присутствующим и тому Секретарю, которого рукой они подписаны должны быть, и о подтверждении, чтобы на пакетах по таковым делам было подписываемо слово «секретно» [4]. В этом документе обращается внимание на имеющее место нарушение действующего порядка со стороны ряда губерний, с которых за это взимается штраф в размере 10 рублей. Также вызывает особый интерес письмо Петра

Аркадьевича Столыпина Государю от 1906 г. № 991 от, в котором он докладывает о результатах расследования случая разглашения Российским телеграфным агентством секретных данных о доставке на Амур десяти канонерских лодок и принятии мер по недопущению подобных случаев в дальнейшем.

Первая мировая война (1914 г.) внесла свои коррективы в регулирование военной и государственной тайн в России. Первый закон, вызванный ею, был посвящен военной цензуре. Были опубликованы три перечня сведений, составляющих военную тайну, в Указе «Об утверждении Временного положения о военной цензуре». В нем была сформулирована основная задача нового учреждения: контроль над выходящей в условиях войны всей печатной продукцией, а также просмотр корреспонденции в целях пресечения разглашения военной тайны. Сформированный тогда механизм военной цензуры оказался оптимальным: многое из военного опыта взяли на вооружение органы советской цензуры, в частности составление отчетов и их форму, а также документов движение по инстанциям.

Другим шагом был выпуск «Перечня сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати, в речах или докладах, произносимых публичных собраниях, воспрещаются на основании ст. 1 отдела 2 Закона от 5 июля 1912 г. и ст. 5 Высочайшего Указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 года». В этот Перечень были включены почти все вопросы, начиная с информации о военных шпионах и заканчивая посещениями царскими особами театра военных действий.

С первых дней существования Советского государства возникла острая необходимость обеспечения сохранения военной и государственной тайны от разведок капиталистических государств и белогвардейцев, как важнейшего условия для достижения победы над врагами.

В.И. Ленин, Коммунистическая партия разработали и настойчиво внедряли меры по наведению строгого революционного порядка в деле обеспечения сохранения всех видов тайн.

В связи с чем уже в первый год существования Советского государства был проведен ряд серьезных мероприятий в части обеспечения сохранности государственной и военной тайны, в том числе издается приказ Народного Комиссара Обороны «О мерах по ограничению ознакомления с секретными сведениями».

Перед началом Второй Мировой войны и в тяжелые годы самой войны вопросы защиты государственных и военных секретов были на несравнимо чутком и жестком контроле. В дальнейшем работа по сохранности различных сведений ограниченного распространения была распространена также на средства массовой информации и почтовую переписку.

Современные технологии также не оставались в стороне, в организациях началась обработка охраняемых сведений с использованием компьютеров и другой современной вычислительной техники того времени. Необходимость защиты этой информации от утечки привела к изданию фундаментальных руководящих документов, основная составляющая и базовый замысел которых, не претерпели серьезных изменений и до сегодняшнего времени.

Законодательство Российской Федерации о государственной и других видах тайн основывается на Конституции Российской Федерации, Законах Российской Федерации «О безопасности» и «О государственной тайне», а также Указе Президента РФ «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» и положениях других актов законодательства, регулирующих отношения, связанные с защитой государственной тайны.

Положения указанных руководящих документов обязательны для исполнения на территории страны и за её пределами всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями и организациями независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности, должностными лицами и гражданами Российской Федерации.

Ответственность за организацию защиты сведений, составляющих государственную тайну, в органах государственной власти, на предприятиях, в учреждениях и организациях возлагается на их руководителей [5].

В современных реалиях очевидно, что информационная безопасность является важнейшей частью национальной безопасности Российской Федерации. Это нашло свое прямое отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Она является базовым документом стратегического планирования, основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Следует вспомнить, что под Национальной безопасностью Российской Федерации согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.

При этом, одной из важнейших составляющих национальной безопасности является информационная безопасность, которая реализуется в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646.

В свою очередь, основными элементами организационной основы государственной системы обеспечения информационной безопасности РФ являются:

Президент РФ;
Совет безопасности РФ;
Правительство РФ;
федеральные органы исполнительной власти (МИД РФ, МО РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ и другие);
межведомственные и государственные комиссии, создаваемые Президентом РФ и Правительством РФ;

органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, а также органы судебной власти, общественные объединения, граждане, принимающие в соответствии с законодательством РФ участие в решении задач обеспечения информационной безопасности РФ.

Большая часть реализации организационных и контрольных функций по обеспечению необходимого уровня информационной безопасности, а также ответственности возмещения нарушения в данной области несут федеральные органы исполнительной власти, в том числе Министерство иностранных дел Российской Федерации. Министерство в свою очередь реализует государственную политику информационной безопасности через Департамент по информационной безопасности [6].

Таким образом, очевидно, что информация всегда имела ценность. Особую же ценность представляла и представляет информация ограниченного распространения военного и международного значения.

Информационная безопасность в Российской Федерации сегодня является необъемлемой частью национальной безопасности государства, а Доктрина информационной безопасности – одним из базовых и фундаментальных документов, отражающих систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере [7].

Следовательно, политика информационной безопасности Российской Федерации может быть рассмотрена исключительно как объект национальной безопасности нашего государства.

Библиографический список:

1. Вус М.А., Федоров А.В. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации, СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5 (1713-1719). Типография 2-го отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. 7 (1723-1727). Типография 2-го отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830.
4. Гагагонова Р.М. Становление и развитие института защиты государственной тайны в России // Бизнес в законе. 2010. № 5. С. 6-8.
5. Володин А.Э. О роли морально-этических мер в обеспечении информационной безопасности государственного учреждения / И. А. Алехин, А. Э. Володин // Мир образования – образование в мире. 2023. № 4(92). С. 97-101.
6. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/05/15/25792082.shtml> (дата обращения: 12.08.2025).
7. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 [Электронный ресурс] // Кодекс. - URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (дата обращения: 11.08.2025).

ВОЛОДИН АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ – магистрант, кандидат педагогических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (филиал в г. Брянск), Россия.

БОЛХОВИТИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (филиал в г. Брянск), Россия.

О.В. Балабина

КЛАССИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В статье представлен обзор существующих моделей прогнозирования, описаны как традиционные подходы, такие как временные ряды и регрессионные модели, так и более современные методы, включая машинное обучение и искусственный интеллект.

Ключевые слова: прогнозирование, модели прогнозирования, классические методы прогнозирования, метод экспоненциального сглаживания, метод авторегрессии, линейная регрессия.

В современном мире, где объем информации и скорость изменений постоянно растут, необходимость в точном прогнозировании становится все более актуальной. Прогнозирование — это важный инструмент, позволяющий не только анализировать текущие тенденции, но и предсказывать будущее развитие различных процессов и явлений. В условиях нестабильной экономики, быстро меняющейся политической ситуации и глобальных вызовов, таких как климатические изменения и пандемии, возможность предвидеть изменения становится критически важной для успешного функционирования организаций и целых государств.

Прогнозирование представляет собой важный процесс, который используется в различных областях человеческой деятельности для предсказания будущих событий на основе анализа имеющихся данных и тенденций. В условиях быстро меняющегося мира, где информация становится ключевым ресурсом, умение предсказывать будущие события и тенденции стало необходимым для успешной деятельности как отдельных организаций, так и целых государств. Прогнозирование охватывает широкий спектр методов и подходов, которые могут варьироваться от простых экстраполяций до сложных математических моделей, учитывающих множество факторов и переменных.

Определение прогнозирования можно сформулировать как процесс оценки вероятности наступления тех или иных событий в будущем на основе анализа данных, наблюдений и исторической информации. Это может включать в себя как количественные, так и качественные методы, которые помогают исследователям и специалистам в различных областях делать обоснованные предположения о будущем. Прогнозирование может применяться в экономике, бизнесе, политике, социологии, экологии и многих других сферах, где необходимо принимать решения на основе неполной информации о будущем [7].

Существующие модели прогнозирования могут варьироваться от простых линейных регрессий до сложных алгоритмов машинного обучения, и каждая из них имеет свои преимущества и недостатки. Важно понимать, что выбор модели зависит от специфики задачи, доступных данных и требуемой точности прогнозов. Обзор существующих моделей прогнозирования позволит нам понять, какие подходы уже были разработаны и как они применяются в различных сферах. Это знание будет основой для построения базовой модели прогнозирования, которая станет отправной точкой для дальнейших улучшений.

Классические методы прогнозирования включают в себя различные статистические и математические подходы, которые были разработаны и усовершенствованы на протяжении многих десятилетий. Эти методы основываются на исторических данных и предполагают, что будущее будет в определенной степени похоже на прошлое. Одним из самых известных классических методов является метод скользящих средних. Этот метод используется для сглаживания временных рядов и выявления трендов. Скользящие средние могут быть простыми, взвешенными или экспоненциальными. Простой метод скользящих средних вычисляет среднее значение за определенный период времени, в то время как взвешенные средние придают больший вес более недавним наблюдениям. Экспоненциальные скользящие средние также акцентируют внимание на последних данных, но делают это более гибким образом, что позволяет быстрее реагировать на изменения в данных [4].

Еще одним распространенным методом является метод экспоненциального сглаживания, который также используется для прогнозирования временных рядов. Этот метод включает в себя использование коэффициента сглаживания, который определяет, насколько сильно будут учитываться предыдущие значения. Экспоненциальное сглаживание позволяет более точно учитывать изменения в данных и адаптироваться к новым условиям. Существует несколько вариантов этого метода, включая одноэкспоненциальное, двухэкспоненциальное и тройное экспоненциальное сглаживание, которые различаются по сложности и учитываемым факторам [8].

Метод авторегрессии и скользящего среднего (ARMA) также является классическим подходом к прогнозированию временных рядов. Он сочетает в себе две основные компоненты: авторегрессию, которая использует предыдущие значения временного ряда для прогноза будущих значений, и скользящее среднее, которое учитывает ошибки прогнозирования. Этот метод особенно полезен для стационарных временных рядов, где статистические свойства не меняются со временем. Однако, если временной ряд не является стационарным, необходимо применять дополнительные методы, такие как метод интегрированного авторегрессионного скользящего среднего (ARIMA), который включает в себя дифференцирование временного ряда для достижения стационарности.

Метод сезонного авторегрессионного интегрированного скользящего среднего (SARIMA) является расширением метода ARIMA, которое позволяет учитывать сезонные колебания в данных. Сезонные колебания могут значительно влиять на точность прогнозов, особенно в таких областях, как розничная торговля или сельское хозяйство. SARIMA включает в себя дополнительные параметры, которые позволяют моделировать сезонные эффекты, что делает его более мощным инструментом для анализа временных рядов с выраженной сезонностью.

Классические методы прогнозирования также включают в себя регрессионный анализ, который используется для выявления взаимосвязей между зависимой и независимыми переменными. Регрессионный анализ позволяет строить модели, которые могут быть использованы для прогнозирования будущих значений на основе известных факторов. Простая линейная регрессия предполагает линейную зависимость между переменными, в то время как множественная регрессия учитывает несколько независимых переменных.

Линейная регрессия — это статистический метод, который используется для моделирования зависимости между одной зависимой переменной и одной или несколькими независимыми переменными. Основная идея линейной регрессии заключается в том, чтобы найти линейную функцию, которая наилучшим образом описывает связь между переменными. Эта функция представляется в виде уравнения, которое можно записать в следующем виде:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \dots + \beta_n X_n + \varepsilon,$$

где Y — зависимая переменная, $X_1, X_2, \dots$,

X_n — независимые переменные,

β_0 — свободный член, $\beta_1, \beta_2, \dots, \beta_n$ — коэффициенты регрессии,

а ϵ — случайная ошибка [5].

Линейная регрессия может быть простой и множественной. Простая линейная регрессия рассматривает только одну независимую переменную, тогда как множественная линейная регрессия включает несколько независимых переменных. Простая линейная регрессия позволяет исследовать, как изменение одной переменной влияет на другую. Например, можно использовать простую линейную регрессию для анализа зависимости между количеством часов, потраченных на обучение, и оценками студентов. Множественная линейная регрессия, в свою очередь, позволяет учитывать влияние нескольких факторов одновременно, что делает ее более мощным инструментом для анализа сложных взаимосвязей [2].

Одним из основных преимуществ линейной регрессии является её простота и интуитивная понятность. Метод легко интерпретируется, и результаты анализа можно представить в виде графиков, что позволяет визуализировать отношения между переменными. Кроме того, линейная регрессия требует относительно небольшого объема данных для построения модели и может быть эффективно использована в случаях, когда данные имеют линейную зависимость. Однако, несмотря на свои достоинства, линейная регрессия имеет и ограничения. Одним из главных недостатков является предположение о линейности отношений между переменными. Если данные не соответствуют этому предположению, результаты анализа могут быть искажены [6].

Также стоит отметить, что линейная регрессия чувствительна к выбросам, которые могут значительно повлиять на оценку коэффициентов модели. Выбросы — это наблюдения, которые значительно отклоняются от остальных данных и могут привести к неправильным выводам. Поэтому перед применением линейной регрессии важно провести предварительный анализ данных и, при необходимости, удалить или скорректировать выбросы. Кроме того, линейная регрессия предполагает нормальное распределение ошибок, что также важно учитывать при интерпретации результатов. Если ошибки не распределены нормально, это может привести к неверным выводам о значимости коэффициентов регрессии.

Чтобы оценить качество модели линейной регрессии, обычно используются несколько статистических показателей. Один из самых распространенных — это коэффициент детерминации (R^2), который показывает, какую долю вариации зависимой переменной объясняет модель. Значение R^2 варьируется от 0 до 1, где значение 0 указывает на то, что модель не объясняет вариацию зависимой переменной, а значение 1 — на полное объяснение. Однако стоит отметить, что высокое значение R^2 не всегда указывает на хорошую модель, так как оно может быть достигнуто за счет переобучения, когда модель слишком точно подстраивается под обучающие данные, но плохо работает на новых данных [3].

Кроме R^2 , для оценки качества модели могут использоваться другие метрики, такие как средняя абсолютная ошибка (MAE), среднеквадратичная ошибка (MSE) и корень из среднеквадратичной ошибки (RMSE). Эти метрики помогают понять, насколько хорошо модель предсказывает значения зависимой переменной. MAE измеряет среднюю абсолютную разницу между предсказанными и фактическими значениями, в то время как MSE и RMSE учитывают квадрат ошибок, что позволяет более сильно наказывать большие ошибки.

Линейная регрессия также предоставляет возможность проводить тестирование гипотез о значимости коэффициентов регрессии. Для этого используются t -тесты, которые позволяют определить, являются ли коэффициенты статистически значимыми. Если p -значение для коэффициента меньше заданного уровня значимости (обычно 0.05), то мы можем отвергнуть нулевую гипотезу и заключить, что данный коэффициент имеет значимое влияние на зависимую переменную.

Важным аспектом при использовании линейной регрессии является необходимость проверки предположений, на которых базируется метод. К таким предположениям относятся линейность, независимость ошибок, гомоскедастичность (постоянная дисперсия ошибок) и нормальность распределения ошибок. Для проверки этих предположений можно использовать различные графические и статистические методы, такие как графики остатков, тесты на нормальность и тесты на гомоскедастичность. Если предположения нарушены, это может привести к неверным выводам и необходимости использования других методов, таких как полиномиальная регрессия или регрессия с использованием трансформаций переменных.

Линейная регрессия находит широкое применение в различных областях. В экономике она используется для прогнозирования товарных цен, анализа влияния макроэкономических показателей на финансовые результаты компаний и оценки рисков. В здравоохранении линейная регрессия может применяться для определения факторов, влияющих на здоровье населения, а в маркетинге — для анализа влияния рекламных кампаний на продажи. Однако, несмотря на свою универсальность, линейная регрессия не всегда является наилучшим выбором. В случаях, когда данные имеют сложные нелинейные зависимости или взаимодействия между переменными, могут потребоваться более сложные модели, такие как деревья решений, случайные леса или нейронные сети.

Регрессионный анализ может быть применен в различных областях, таких как экономика, маркетинг и социальные науки, и позволяет выявлять ключевые факторы, влияющие на результаты.

Методы временных рядов, такие как метод Хольта-Уинтерса, также относятся к классическим методам прогнозирования. Этот метод позволяет учитывать как тренды, так и сезонные колебания, что делает его особенно полезным для сложных временных рядов. Метод Хольта-Уинтерса включает в себя три компонента: уровень, тренд и сезонность, и использует экспоненциальное сглаживание для каждого из этих компонентов. Это позволяет более точно моделировать и прогнозировать временные ряды с выраженными сезонными колебаниями и долгосрочными трендами [1].

Несмотря на свои преимущества, классические методы прогнозирования имеют и свои ограничения. Во-первых, они часто предполагают, что данные являются стационарными или могут быть легко преобразованы в стационарные. Однако в реальной жизни многие временные ряды могут иметь сложные структуры, которые трудно поддаются анализу. Во-вторых, классические методы требуют наличия достаточного объема исторических данных для построения надежных моделей. В условиях недостатка данных или их низкого качества точность прогнозов может значительно снижаться. Кроме того, классические методы могут не учитывать влияние внешних факторов, таких как экономические изменения, политические события или технологические инновации, что также может влиять на точность прогнозов.

Классические методы прогнозирования также могут быть неэффективными в условиях быстроменяющейся среды, где данные могут быстро устаревать. Например, в области финансовых рынков, где информация может изменяться за считанные секунды, классические методы могут не успевать реагировать на изменения, что приводит к ошибочным прогнозам. В таких случаях более современные методы, такие как машинное обучение и искусственный интеллект, могут предложить более гибкие и адаптивные подходы к прогнозированию.

Тем не менее, классические методы прогнозирования все еще остаются основой для многих современных подходов. Они предоставляют базовые концепции и инструменты, которые могут быть адаптированы и усовершенствованы с использованием новых технологий и методов. Кроме того, классические методы часто используются в качестве отправной точки для построения более сложных моделей, что делает их важными для понимания основ прогнозирования.

Таким образом, классические методы прогнозирования представляют собой мощные инструменты для анализа и прогнозирования временных рядов. Они основаны на статистических принципах и позволяют выявлять ключевые тренды и зависимости в данных. Несмотря на свои ограничения, классические методы остаются актуальными и востребованными в различных областях. Их изучение и понимание является важным шагом в построении надежных и эффективных моделей прогнозирования, которые могут быть использованы для принятия обоснованных решений в условиях неопределенности. В дальнейшем, сочетание классических методов с современными подходами может привести к созданию более точных и адаптивных моделей, способных эффективно справляться с вызовами, стоящими перед современным обществом и экономикой.

Библиографический список:

1. Волошин Т. А., Зайцев К. С., Дунаев М. Е. Применение адаптивных ансамблей методов машинного обучения к задаче прогнозирования временных рядов // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – Т. 11. – №. 8.
2. Валиахметова К. А. Методика прогноза изменения характеристик базовой станции в результате модернизации оборудования // Автоматика и программная инженерия. – 2023. – №. 1 (43).
3. Гончаров М. Ансамбли моделей. URL: <http://businessdataanalytics.ru> (дата обращения: 22.08.2025).
4. Гусев П. Ю., Таволжанский А. В. Алгоритмизация обработки и подготовки данных для построения моделей предиктивной аналитики // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2024. – Т. 20. – №. 2.
5. Дасаева Д. А., Мокшин В. В. Обзор методов прогнозирования спроса на онлайн площадках. URL: <http://repo.ssau.ru> (дата обращения: 22.08.2025).
6. Зенков М. А. Исследование методов автоматического машинного обучения в задаче прогнозирования временных рядов: магистерская диссертация. - Екатеринбург, 2024. - 57 с.
7. Ключев Р. В. и др. Прогнозирование планового потребления электроэнергии для объединенной энергосистемы с помощью машинного обучения // Записки Горного института. – 2023. – № 261.
8. Константинов А. Ф., Дьяконова Л. П. Построение модели машинного обучения для прогнозирования мощеннических транзакций // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2025. – Т. 27. – №. 2.

БАЛАБИНА ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА - магистрант, ЧОУ ВО Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Россия.

О.В. Балабина

ВЫБОРКА ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ПРИ ПРОГНОЗИРОВАНИИ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье изложены вопросы, связанные с проведением анализа и диагностики финансового состояния предприятия. Представлена сущность, выборки финансовых показателей при прогнозировании финансового состояния предприятия.

Ключевые слова: финансовое состояние предприятия, финансовый анализ, финансовая отчетность, финансовые показатели, основные показатели.

Финансовое состояние предприятия является одним из ключевых факторов, определяющих его устойчивость, конкурентоспособность и способность к развитию. В условиях динамично меняющейся экономической среды, когда внешние и внутренние факторы оказывают значительное влияние на деятельность организаций, прогнозирование финансового состояния становится актуальной задачей для руководителей и специалистов в области финансового менеджмента. Прогнозирование представляет собой процесс оценки будущих финансовых результатов на основе анализа текущих и прошлых данных. Это важный инструмент, позволяющий не только выявить потенциальные риски, но и определить возможные направления для стратегического развития компании.

Прогнозирование финансового состояния позволяет не только оценить текущее положение компании, но и предугадать возможные сценарии ее развития, что в свою очередь способствует более обоснованному принятию управленческих решений.

Анализ финансовых показателей предприятия представляет собой первый шаг в процессе прогнозирования. Он включает в себя исследование различных аспектов финансовой деятельности, таких как ликвидность, рентабельность, финансовая устойчивость и оборачиваемость активов. Эти показатели позволяют получить целостное представление о состоянии предприятия и выявить его сильные и слабые стороны. Например, высокая рентабельность может свидетельствовать о том, что компания эффективно использует свои ресурсы, в то время как низкие показатели ликвидности могут указывать на возможные проблемы с финансированием текущих обязательств. Таким образом, анализ финансовых показателей служит основой для дальнейшего прогнозирования и разработки стратегий, направленных на улучшение финансового состояния.

Методы прогнозирования финансового состояния предприятия разнообразны и могут быть как качественными, так и количественными. Качественные методы основываются на экспертных оценках и интуитивных суждениях, в то время как количественные методы используют математические модели и статистические данные. Важно отметить, что выбор метода прогнозирования зависит от доступных данных, специфики предприятия и целей, которые ставятся перед исследователями. Например, для крупных компаний с обширной историей финансовых показателей может быть эффективно использование регрессионного анализа, тогда как для малых и средних предприятий, у которых нет достаточного объема данных, могут подойти более простые методы, такие как метод экспертных оценок или сценарное планирование [4].

Построение модели прогнозирования является важным этапом в процессе анализа финансового состояния предприятия. Разработка модели требует тщательного выбора переменных, которые будут включены в модель, а также определения взаимосвязей между ними. В зависимости от сложности модели, она может включать как простые линейные зависимости, так и более сложные нелинейные функции. Кроме того, необходимо учитывать влияние внешних факторов, таких как экономическая ситуация в стране, изменения в законодательстве и рыночные тренды. Построенная модель должна быть проверена на достоверность и адекватность, что позволит убедиться в ее способности точно предсказывать финансовые показатели предприятия.

Оценка эффективности прогнозирования является завершающим этапом работы. Она позволяет определить, насколько точно модель предсказывает финансовое состояние предприятия и насколько полезными являются полученные результаты для принятия управленческих решений. Для этого могут использоваться различные критерии, такие как средняя абсолютная ошибка, среднеквадратичная ошибка и

другие статистические показатели. Оценка эффективности также включает в себя анализ влияния прогнозов на стратегические решения, такие как инвестиции, финансирование и управление рисками. Важно отметить, что даже самая точная модель не сможет гарантировать успех, если ее результаты не будут правильно интерпретированы и учтены в процессе принятия решений [7].

Таким образом, прогнозирование финансового состояния предприятия представляет собой сложный, многогранный процесс, требующий глубокого анализа и применения различных методов.

Анализ финансовых показателей предприятия является важной частью оценки его текущего состояния и перспектив развития. Финансовые показатели представляют собой количественные характеристики, которые позволяют оценить эффективность работы предприятия, его ликвидность, рентабельность, финансовую устойчивость и другие аспекты.

Для начала необходимо определить, какие именно финансовые показатели будут использоваться в анализе. К основным показателям, как правило, относятся: выручка от продаж, валовая прибыль, операционная прибыль, чистая прибыль, рентабельность активов, рентабельность собственного капитала, коэффициенты ликвидности, коэффициенты финансовой устойчивости и другие. Каждый из этих показателей имеет свое значение и позволяет получить представление о различных аспектах финансового состояния предприятия [6].

Выручка от продаж является одним из ключевых показателей, так как она отражает общий объем доходов, полученных предприятием от основной деятельности. Выручка служит основой для расчета других показателей, таких как валовая и чистая прибыль. Анализ динамики выручки позволяет выявить тренды в продажах, оценить конкурентоспособность предприятия на рынке и определить его положение относительно основных конкурентов. Снижение выручки может свидетельствовать о проблемах с реализацией продукции, изменении потребительских предпочтений или усилении конкуренции [1].

Валовая прибыль представляет собой разницу между выручкой от продаж и себестоимостью реализованной продукции. Этот показатель позволяет оценить эффективность производственной деятельности предприятия. Высокий уровень валовой прибыли указывает на то, что предприятие способно эффективно управлять своими затратами и получать прибыль от основной деятельности. Однако важно учитывать, что валовая прибыль не учитывает операционные и непроизводственные расходы, поэтому для более полной картины необходимо анализировать операционную и чистую прибыль [2].

Операционная прибыль рассчитывается как разница между валовой прибылью и операционными расходами, такими как затраты на управление, сбыт и другие расходы, связанные с основной деятельностью. Операционная прибыль позволяет оценить эффективность управления предприятием и его способность генерировать прибыль от основной деятельности. Если операционная прибыль растет, это может свидетельствовать о том, что предприятие эффективно управляет своими затратами и успешно конкурирует на рынке. В то же время снижение операционной прибыли может указывать на необходимость пересмотра стратегии управления или оптимизации расходов.

Чистая прибыль, в свою очередь, представляет собой прибыль, оставшуюся после вычета всех расходов, включая налоги и непроизводственные затраты. Чистая прибыль является конечным показателем финансового результата деятельности предприятия и важным индикатором его финансового состояния. Она позволяет оценить, насколько успешно предприятие справляется с задачами, связанными с управлением доходами и расходами. Рост чистой прибыли может свидетельствовать о положительных изменениях в финансовом состоянии предприятия, тогда как снижение этого показателя может насторожить инвесторов и кредиторов.

Рентабельность активов (ROA) и рентабельность собственного капитала (ROE) являются важными показателями, которые позволяют оценить эффективность использования ресурсов предприятия. Рентабельность активов показывает, какую прибыль предприятие получает на каждый рубль, вложенный в активы. Этот показатель позволяет инвесторам и руководству оценить, насколько эффективно используются активы для генерации прибыли. Рентабельность собственного капитала, в свою очередь, отражает, какую прибыль предприятие получает на каждый рубль, вложенный акционерами. Высокие значения ROE могут свидетельствовать о том, что предприятие эффективно использует собственный капитал для создания добавленной стоимости [3].

Коэффициенты ликвидности, такие как текущая ликвидность и быстрая ликвидность, позволяют оценить способность предприятия выполнять свои краткосрочные обязательства. Текущая ликвидность рассчитывается как отношение текущих активов к текущим обязательствам и показывает, насколько быстро предприятие может погасить свои краткосрочные долги. Быстрая ликвидность, в свою очередь, учитывает только наиболее ликвидные активы, такие как денежные средства и дебиторская задолженность. Низкие значения коэффициентов ликвидности могут указывать на финансовые трудности и необходимость привлечения дополнительных ресурсов для обеспечения платежеспособности.

Коэффициенты финансовой устойчивости, такие как коэффициент соотношения собственного и заемного капитала, позволяют оценить степень зависимости предприятия от внешнего финансирования.

Высокие значения этого коэффициента могут свидетельствовать о высоком уровне долговой нагрузки, что увеличивает риски для кредиторов и инвесторов. С другой стороны, слишком низкое значение может указывать на недостаток заемных средств, что может ограничивать возможности для роста и развития.

Анализ финансовых показателей предприятия следует проводить в динамике, сравнивая их значения за различные отчетные периоды. Это позволит выявить тренды и изменения в финансовом состоянии предприятия, а также оценить влияние различных факторов на его показатели. Кроме того, важно проводить сравнительный анализ с показателями конкурентов и отраслевыми стандартами. Это поможет определить, насколько эффективно предприятие работает по сравнению с другими игроками на рынке и выявить области для улучшения.

Не менее важным аспектом анализа финансовых показателей является их интерпретация и использование для прогнозирования финансового состояния предприятия. На основе анализа текущих показателей можно сделать выводы о возможных сценариях развития. Например, если наблюдается устойчивый рост выручки и прибыли, это может свидетельствовать о положительных перспективах для предприятия. В то же время, если показатели начинают снижаться, необходимо проанализировать причины этого снижения и разработать стратегию для его преодоления.

Прогнозирование финансового состояния предприятия может основываться как на качественных, так и на количественных методах. К количественным методам относятся различные модели и методы, такие как линейная регрессия, временные ряды, методы экстраполяции и другие. Эти методы позволяют на основе исторических данных построить прогнозные модели и оценить вероятные значения финансовых показателей в будущем. Качественные методы, такие как SWOT-анализ или PEST-анализ, позволяют учитывать внешние факторы и риски, которые могут повлиять на финансовое состояние предприятия [5].

Таким образом, анализ финансовых показателей предприятия является важным инструментом для оценки его текущего состояния и прогнозирования будущих результатов. Правильный выбор показателей, их интерпретация и использование для принятия управленческих решений могут значительно повысить эффективность работы предприятия и его конкурентоспособность на рынке. Важно помнить, что финансовые показатели не являются самоцелью, а служат инструментом для достижения стратегических целей и обеспечения устойчивого развития предприятия.

Библиографический список:

1. Бибикова Т. Финансовый анализ предприятия: какие ключевые показатели использовать и как их оценить // Режим доступа: <https://finance.mail.ru> (дата обращения: 21.08.2025).
2. Гурнович Т.Г., Захарова М.И. Финансовая устойчивость предприятия // Современные научные исследования и разработки. - 2022. № 8.
3. Григорьева, Т. И. Финансовый анализ для менеджеров: оценка, прогноз : учебник для вузов / Т. И. Григорьева. – М.: Юрайт, 2025. - 486 с.
4. Заид А. А. А. Практическое использование автоматизации анализа и прогнозирования финансового состояния предприятия нефтедобычи // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2020. – №. 4.
5. Курочкин В.Н., Грициенко Т. Ю. Теория анализа финансовых результатов и результативности деятельности предприятия // Экономика и социум. - 2023. - № 2.
6. Прогнозирование финансового состояния предприятия: теория и практика. Учебное пособие / А.И. Подгорная, Д.М. Сафина, Н.М. Габдуллин – Казань: Казан. ун-т, 2024. – 115 с.
7. Пехальский Д.И., Миничев Ф.И.. Применение сигнального подхода для оценки и прогноза финансовой устойчивости российских предприятий // Проблемы прогнозирования. - 2024. - № 5 (206).

БАЛАБИНА ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА - магистрант, ЧОУ ВО Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Россия.

А.А. Баранчев, М.А. Баранчев, А.С. Ельчанинова

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА: ПРАКТИЧЕСКИЙ ПРИМЕР В ТЕКУЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

В статье обозначена актуальность использования современных методов анализа платежеспособности и прогнозирования банкротства для своевременного выявления потенциальных угроз и принятия управленческих решений. Рассмотрена статистика по банкротству юридических лиц и крестьянских фермерских хозяйств в 2024 году. Выделены 5 групп методов, используемых в целях анализа платежеспособности и прогнозирования банкротства. Проведен анализ платежеспособности и прогнозирования банкротства на примере ООО «ЦАТР - Аудиторские услуги». Даны рекомендации по итогам анализа. Сделаны выводы.

Ключевые слова: *платежеспособность, банкротство, анализ, менеджмент, коэффициент, денежный поток, оценка, эффективность.*

Современная экономическая ситуация характеризуется высокой нестабильностью, ростом инфляционных процессов, изменениями в законодательстве и внешнеэкономическими факторами, что значительно увеличивает риски банкротства предприятий. В таких условиях актуальным становится использование современных методов анализа платежеспособности и прогнозирования банкротства для своевременного выявления потенциальных угроз и принятия управленческих решений.

Финансовая устойчивость предприятий является важнейшим аспектом их долгосрочной деятельности и конкурентоспособности. Одним из ключевых показателей финансового состояния является платежеспособность — способность своевременно выполнять свои обязательства перед кредиторами и партнерами. Нарушение платежеспособности ведет к банкротству, что негативно сказывается на экономическом положении компании и может иметь системные последствия для экономики в целом.

По данным отчета, размещенного на сайте «Федресурс», в 2024 году в России было зарегистрировано 8 570 случаев банкротства юридических лиц и крестьянских фермерских хозяйств, что на 15,9 % больше, чем в 2023 году (7 395 случаев) [3].

Рост общего числа банкротств в стране обусловлен рядом факторов, среди которых изменения в законодательстве, касающиеся процедур внесудебного банкротства граждан, а также экономические условия — высокий уровень инфляции, неоднократные повышения ключевой ставки Банка России в 2024 году и внешние экономические санкции. Влияние оказывают и «отложенные» факторы, в частности, наблюдаются случаи банкротства компаний, которые в 2022 году попали под мораторий на банкротство [3].

Анализ платежеспособности и прогнозирования банкротства – ключевые задачи финансового менеджмента, позволяющие оценить текущее состояние предприятия и спрогнозировать его будущее.

Тема анализа платежеспособности и прогнозирования банкротства является хорошо изученной как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Существует множество методик, разработанных зарубежными и отечественными учёными. С 1960-х годов разработаны классические модели (Альтмана, Фулмера, Таффлера, Лиса и др.), которые широко применяются на практике для оценки финансовой устойчивости предприятий. Современные исследования направлены на адаптацию этих моделей к условиям разных стран и отраслей, а также на внедрение новых подходов — машинного обучения и нейросетей.

Разделим ключевые методики анализа на несколько групп.

Первая группа – это анализ финансовых коэффициентов. Он включает в себя расчет и интерпретацию различных показателей, таких как коэффициенты ликвидности, рентабельности, финансовой устойчивости и оборачиваемости. Эти коэффициенты позволяют оценить способность предприятия расплачиваться по своим обязательствам, генерировать прибыль, а также эффективность использования активов и капитала [2, с. 79].

Чаще всего при проведении анализа используются следующие коэффициенты:

1. Коэффициент текущей ликвидности: рассчитывается как отношение оборотных активов к текущим обязательствам. Значение выше 1 указывает на то, что компания способна погасить свои текущие обязательства.

Коэффициент текущей ликвидности = (Оборотные активы) / (Краткосрочные обязательства)

2. Коэффициент рентабельности продаж: показывает, насколько эффективно предприятие генерирует прибыль относительно используемых ресурсов.

Коэффициент рентабельности продаж = (Чистая прибыль) / Выручка * 100%

3. Коэффициент автономии: характеризует структуру капитала и уровень долговой нагрузки. Чем выше этот показатель, тем устойчивее компания финансово. Оптимальный или рекомендуемый уровень коэффициента автономии обычно составляет от 0,3 до 0,6 [1, с. 248].

Коэффициент автономии = (Собственный капитал) / (Общая сумма активов)

4. Коэффициенты оборачиваемости: помогают оценить эффективность использования активов и оборотных средств. Например, коэффициент оборачиваемости активов характеризует эффективность использования основных фондов и прочих активов.

Оборачиваемость активов = Выручка / (Среднегодовая стоимость активов)

Использование перечисленных и иных коэффициентов помогает комплексно оценивать финансовое состояние предприятия, его платежеспособность, стабильность и эффективность. Регулярное отслеживание изменений этих показателей способствует своевременному обнаружению слабых мест и принятию решений для улучшения финансового положения.

Вторая группа – это модели прогнозирования банкротства. Они основаны на статистическом анализе данных о компаниях, обанкротившихся в прошлом, и позволяют определить факторы, наиболее сильно влияющие на вероятность банкротства. К наиболее известным моделям относятся модель Алтмана (Z-score), модель Фулмера, модель Таффлера, модель Лиса и другие [1, с. 320].

Модель Алтмана – одна из наиболее известных методик для прогнозирования банкротства. Она основывается на множестве финансовых показателей, включая:

- размеры активов;
- уровень прибыли;
- показатели ликвидности;
- долговую нагрузку.

Формула классической модели Алтмана представлена ниже [4]. Если итоговый показатель менее 1,8, компания находится в зоне риска банкротства.

$Z = 1,2X_1 + 1,4X_2 + 3,3X_3 + 0,6X_4 + 1,0X_5$, где

X_1 – оборотный капитал / Активы

X_2 – нераспределенная прибыль / Активы

X_3 – ЕВИТ / Активы

X_4 – рыночная стоимость акций / Обязательства

X_5 – выручка / Активы

Третья группа – это методы анализа денежных потоков. Они позволяют оценить способность предприятия генерировать денежные средства, необходимые для погашения обязательств и финансирования деятельности. Анализируются как текущие, так и прогнозируемые денежные потоки.

Метод анализа денежных потоков включает изучение поступлений и расходов денежных средств в компании. Анализ чистого операционного денежного потока позволяет определить, может ли компания генерировать достаточные денежные средства для покрытия обязательств. Прогнозирование денежных потоков составляет основы для оценки будущей платежеспособности, так как позволяет оценить ожидаемые поступления и их влияние на возможность погашения долговых обязательств.

Четвертая группа – это экспертные оценки. Они основаны на опыте и знаниях экспертов в области финансов и позволяют учесть факторы, которые не могут быть формализованы и учтены в статистических моделях. Например, рассматриваются кредитные рейтинги, предоставляемые независимыми агентствами, такие как Moody's, Standard & Poor's, Fitch Ratings [2, с. 81].

Пятая группа – методы машинного обучения и искусственный интеллект. Указанные методы способны анализировать большие объемы данных и строить прогнозы с использованием алгоритмов машинного обучения. Применяются для обработки сложных взаимосвязанных факторов и построения многомерных моделей. Эти методы демонстрируют показатели точности до 90-95%, что значительно превосходит традиционные модели [2, с. 82].

Для эффективного анализа платежеспособности и предупреждения банкротства важно комбинировать разные подходы и регулярно обновлять данные, учитывая изменения внешней среды и внутренней политики предприятия. Регулярный мониторинг состояния финансов позволит минимизировать риски и повысить устойчивость компании в условиях нестабильной экономики.

Рост ключевой ставки ЦБ РФ, удорожание кредитных ресурсов и нестабильность рубля существенно усложняют деятельность малого и среднего бизнеса. Компании в сфере аудита сталкиваются с сокращением спроса, что негативно влияет на ликвидность и финансовую устойчивость.

ООО «ЦАТР - Аудиторские услуги» - российская компания, предоставляющая услуги аудита и консалтинга с более чем 10-летним опытом работы. Это непроизводственная сфера, где нет запасов, амортизации, как в промышленных компаниях, а риски определяются уровнем дебиторской задолженности. В 2024 году предприятие столкнулось с ухудшением финансовых показателей на фоне макроэкономической нестабильности и изменений в налоговом законодательстве.

Для анализа платежеспособности и прогнозирования банкротства компании ООО «ЦАТР - Аудиторские услуги» в текущих экономических условиях можно применить несколько методов, включая анализ финансовых коэффициентов и модели прогнозирования банкротства.

Рассчитаем основные финансовые коэффициенты.

1. Коэффициент текущей ликвидности. Исходя из данных отчетности за 2024 год, размещенных в открытом доступе, оборотные активы составляли 3 327 990 тыс. руб., краткосрочные обязательства – 3 087 882 тыс. руб.

$$\text{Коэффициент текущей ликвидности} = (3\,327\,990) / (3\,087\,882) = 1,08$$

Коэффициент текущей ликвидности составляет 1,08, что выше критического значения 1,0 и указывает на способность компании покрывать свои краткосрочные обязательства.

2. Коэффициент рентабельности продаж. Исходя из данных отчетности за 2024 год, размещенных в открытом доступе, чистая прибыль составляла 11 307 тыс. руб., выручка – 6 543 262 тыс. руб.

$$\text{Коэффициент рентабельности продаж} = (11\,307) / (6\,543\,262) * 100\% = 0,17\%$$

Коэффициент рентабельности продаж составляет 0,17%. Это очень низкий уровень рентабельности, что может свидетельствовать о высоких расходах или низкой эффективности бизнеса.

3. Коэффициент автономии. Исходя из данных отчетности за 2024 год, размещенных в открытом доступе, собственный капитал составлял 180 207 тыс. руб., общая сумма активов – 3 998 495 тыс. руб.

$$\text{Коэффициент автономии} = (180\,207) / (3\,998\,495) = 0,05$$

Коэффициент автономии составляет 0,05, что значительно ниже рекомендуемого уровня 0,3 и указывает на высокую зависимость от заемных средств.

4. Коэффициенты оборачиваемости активов. Исходя из данных отчетности за 2024 год, размещенных в открытом доступе, активы на начало года составляли 4 542 884 тыс. руб., активы на конец года – 3 998 495 тыс. руб., выручка 6 543 262 тыс. руб.

$$\text{Оборачиваемость активов} = (6\,543\,262) / (((4\,542\,884 + 3\,998\,495) / 2)) = 1,53$$

Значение коэффициента оборачиваемости активов 1,53 означает, что каждый рубль, вложенный в активы, принёс 1,53 рубля выручки за год.

Модель Альтмана для анализа показателей ООО «ЦАТР - Аудиторские услуги» необходимо рассмотреть в модифицированном виде, а именно в четырехфакторной модели. Такая модель разработана специально для компаний, которые оказывают услуги и не производят продукцию, так как учитывает особенности формирования отчета о финансовых результатах в сфере услуг. Четырехфакторная модель Альтмана используется для оценки вероятности банкротства непубличных компаний. Это адаптированная версия модели, применимая в условиях, когда рыночная стоимость акций недоступна.

Формула четырехфакторной модели Альтмана представлена ниже [4]:

$$Z = 6,56X_1 + 3,26X_2 + 6,72X_3 + 1,05X_4, \text{ где}$$

X_1 – оборотный капитал / Активы

X_2 – нераспределенная прибыль / Активы

X_3 – ЕВГТ / Активы

X_4 – собственный капитал / Обязательства

Интерпретация результатов для указанной модели Альтмана следующая:

$Z < 1,1$ — высокая вероятность банкротства;

$1,1 \leq Z \leq 2,6$ — серая зона (неопределённость);

$Z > 2,6$ — финансово устойчивая компания [4].

По итогу расчетов показателей за 2023 и 2024 год исходя из данных отчетности ООО «ЦАТР - Аудиторские услуги», получились следующие результаты:

$$Z(2023) = 0,42$$

$$Z(2024) = 0,94$$

Результаты по четырехфакторной модели Альтмана свидетельствуют о том, что ООО «ЦАТР - Аудиторские услуги» находится в зоне высокого риска банкротства. За год показатель вырос почти в 2,2 раза, что указывает на улучшение финансового состояния. Несмотря на то, что значение всё ещё ниже критического уровня, наблюдается позитивная динамика. При сохранении этой тенденции в следующем году возможно достижение порогового значения 1,1, что выведет организацию из критической зоны. Тем

не менее, требуется дальнейшая работа над улучшением рентабельности и снижением долговой нагрузки.

Исходя из проведенного анализа можно дать ряд рекомендаций. ООО «ЦАТР - Аудиторские услуги» необходимо:

1. Увеличить оборотный капитал за счёт:
  - оптимизации запасов и дебиторской задолженности;
  - увеличения объёма денежных средств;
  - реструктуризации краткосрочной задолженности в долгосрочную.
2. Повысить маржинальность:
  - пересмотреть структуру себестоимости;
  - оптимизировать операционные расходы;
  - рассмотреть возможности роста выручки за счет увеличения продаж либо расширения каналов сбыта.
3. Провести работу с долговой нагрузкой, которая включает:
  - снижение краткосрочных обязательств;
  - ведение переговоров с кредиторами о рефинансировании под более выгодные условия;
  - при наличии возможности — увеличение собственного капитала (в том числе за счёт учредителей).
4. Усилить внутренний капитал
  - прибыль направлять в нераспределённую прибыль, а не на дивиденды;
  - вести более консервативную финансовую политику (избегать агрессивного роста за счёт заёмных средств).

ООО «ЦАТР - Аудиторские услуги» находится в финансово нестабильном положении, но своевременное управление ликвидностью, снижение долговой нагрузки и повышение рентабельности могут значительно улучшить показатели и снизить риск банкротства.

Таким образом, эффективное управление рисками неплатежеспособности требует комплексного подхода к анализу и прогнозированию банкротств предприятий. Традиционные коэффициентные методы позволяют быстро оценить текущую ситуацию, однако современные модели машинного обучения значительно повышают точность прогнозов за счет учета большого объема данных и сложных взаимосвязей между показателями. Для повышения надежности оценки рекомендуется комбинировать различные методы, а также учитывать макроэкономические факторы и рыночную конъюнктуру.

Библиографический список:

1. Голубков В. В., Гусев А. В. Финансовый анализ: методы и модели: учебное пособие. М.: Юрайт, 2021. 480 с.
2. Григорьев А.В., Смирнова Е.В. Анализ методов прогнозирования банкротства в условиях нестабильной экономики. Вестник Финансового университета. 2022. № 3. С. 78 – 83.
3. Анализ динамики банкротств в 2024 году [Электронный ресурс] <https://www.advgazeta.ru/mneniya/analiz-dinamiki-bankrotstv-v-2024-godu/> (дата обращения 10.09.2025).
4. Как прогнозировать банкротство при помощи модели Альтмана [Электронный ресурс] <https://noboring-finance.ru/gazeta/kak-prognosirovat-bankrotstvo-pri-pimoshi-modeli-altmana#2> (дата обращения 10.09.2025).
5. ООО «ЦАТР - аудиторские услуги» [Электронный ресурс] <https://bo.nalog.gov.ru/organizations-card/4606018#balance> (дата обращения 10.09.2025).

БАРАНЧЕЕВ АНТОН АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия.

БАРАНЧЕЕВ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия.

ЕЛЬЧАНИНОВА АЛИНА СЕРГЕЕВНА – магистрант, Государственный университет управления, Россия.

А.А. Баранчев, М.А. Баранчев

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ РИСКАМИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье обозначены понятие, роль и основные характеристики цифровой трансформации. Рассмотрены ключевые компоненты цифровой трансформации в управлении рисками. Выделены преимущества и недостатки цифровой трансформации управления финансовыми рисками. Представлен аналитический подход к оценке внедрения цифровых технологий в управление финансовыми рисками. Сделаны выводы.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, управление финансовыми рисками, аналитический подход, оценка эффективности, автоматизация, инновационные технологии.*

В условиях стремительного развития цифровых технологий управление финансовыми рисками претерпевает значительные изменения. Компании сталкиваются с непредсказуемыми экономическими условиями, колебаниями валютного курса, изменениями в законодательстве и различными киберугрозами. В условиях такой неопределенности традиционные методы управления рисками часто становятся недостаточно эффективными. Именно поэтому цифровая трансформация в сфере управления финансовыми рисками приобретает все большее значение.

Цифровая трансформация позволяет повысить эффективность оценки и мониторинга рисков, внедрять инновационные аналитические инструменты и автоматизировать процессы. В общем виде цифровая трансформация представляет собой комплексный процесс внедрения современных цифровых технологий и инновационных решений в бизнес-процессы, организационную структуру и корпоративную культуру с целью повышения эффективности, гибкости и конкурентоспособности организации [3, с. 34]. Этот процесс включает не только технологические изменения, но и переосмысление бизнес-моделей, методов взаимодействия с клиентами и внутренней коммуникации.

Основные характеристики цифровой трансформации:

- интеграция передовых технологий (большие данные, искусственный интеллект, облачные решения и др.);

- модернизация бизнес-процессов для автоматизации и оптимизации;

- создание новых продуктов и услуг на основе цифровых решений;

- изменение корпоративной культуры в сторону инновационности и адаптивности;

- улучшение взаимодействия с клиентами через цифровые каналы.

Цель цифровой трансформации - обеспечить устойчивое развитие организации в условиях быстро меняющегося технологического ландшафта, повысить ее операционную эффективность и создать новые возможности для роста [2, с. 47]. В современном мире успешное проведение цифровой трансформации считается ключевым фактором конкурентоспособности предприятий различных отраслей экономики.

Касаемо финансовых рисков, процесс цифровой трансформации включает в себя использование больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (ИИ), машинного обучения, облачных технологий и других инновационных решений для повышения точности прогнозирования и скорости реагирования на риски. Эти технологии помогают аналитикам и финансовым экспертам не только анализировать риски, но и предсказывать потенциальные угрозы и возможности.

Ключевые компоненты цифровой трансформации в управлении рисками:

1. Аналитика больших данных

Большие данные включают огромные объемы информации, поступающей из различных источников — внутренние системы компании, рыночные данные, социальные сети, новости, отчеты и другие открытые источники. Сбор и обработка огромных объемов информации из различных источников позволяют выявлять скрытые закономерности и предсказывать возможные угрозы с высокой точностью.

Использование аналитики больших данных позволяет выявлять ранние признаки потенциальных рисков, обеспечивает более точную оценку вероятности возникновения угроз, а также помогает моделировать сценарии развития ситуации на основе реальных данных. Согласно проведенному опросу, 78%

руководителей финансовых компаний считают, что использование больших данных и аналитики повысило точность прогнозирования рисков [1, с. 175].

Среди используемых инструментов и технологий следует выделить хранилища данных (Data Lakes, Data Warehouses), инструменты аналитики (Hadoop, Spark), визуализацию данных (Tableau, Power BI) [4, с. 13].

2. Искусственный интеллект и машинное обучение

Использование алгоритмов ИИ и машинного обучения позволяет автоматизировать анализ данных, строить прогнозные модели и выявлять аномалии. Автоматизация анализа данных, построение моделей прогнозирования и сценарного анализа помогают своевременно выявлять потенциальные риски и принимать обоснованные решения.

Исследование показывает, что около 65% финансовых организаций уже используют системы машинного обучения для оценки кредитных рисков, а еще 20% планируют внедрить их в ближайшие 12 месяцев [5].

На практике искусственный интеллект и машинное обучение используются с целью построения моделей предсказания кредитных дефолтов или рыночных кризисов и автоматического обнаружения мошенничества или необычных транзакций. Основное преимущество данной технологии заключается в постоянном обучении моделей на новых данных для повышения точности.

К применяемым инструментам и технологиям относятся платформы машинного обучения (TensorFlow, Scikit-learn), нейронные сети и глубокое обучение, алгоритмы кластеризации и классификации.

3. Облачные технологии

Облачные платформы предоставляют гибкую инфраструктуру для хранения и обработки больших объемов данных в реальном времени. Преимущества указанной технологии заключается в обеспечении гибкости, масштабируемости и доступности информационных систем для обработки данных. Ключевое значение при этом играют масштабируемость ресурсов по мере необходимости, доступность систем из любой точки мира, обеспечение высокой надежности и безопасности данных.

Инструменты и технологии: облачные провайдеры (AWS, Azure, Google Cloud), SaaS-сервисы для аналитики и мониторинга [2, с. 48].

4. Автоматизация процессов

Автоматизация включает внедрение систем автоматического сбора данных, мониторинга показателей и реагирования на угрозы без необходимости постоянного ручного вмешательства. Внедрение систем автоматического мониторинга, оповещений и реагирования позволяет снизить человеческий фактор и повысить оперативность управления рисками.

Преимущества использования данной технологии основано на повышении скорости реакции на возникающие риски, снижении человеческих ошибок, освобождение ресурсов для стратегического анализа.

Инструменты и технологии, используемые на практике, включают системы бизнес-процессов (BPM), скрипты автоматизации (Python, PowerShell), интеграционные платформы (ETL-инструменты).

Рассмотренные компоненты образуют основу современной системы управления финансовыми рисками в условиях цифровой трансформации. Их интеграция позволяет создавать динамичные, точные и оперативные инструменты оценки угроз, что существенно повышает устойчивость бизнеса к внешним и внутренним вызовам. Внедрение каждого из них требует стратегического подхода, инвестиций в технологии и развитие компетенций сотрудников - все это обеспечивает долгосрочный успех в управлении рисками в цифровую эпоху [3, с. 35].

Преимущества цифровой трансформации управления финансовыми рисками:

- повышенная точность оценки рисков: использование современных аналитических инструментов позволяет более точно определить вероятность возникновения угроз и их потенциальный масштаб;
- быстрота реакции: автоматизированные системы обеспечивают мгновенное оповещение о возникновении риска и позволяют оперативно принимать меры;
- улучшение прогнозирования: модели на базе ИИ помогают предсказывать будущие сценарии развития ситуации с учетом множества факторов;
- снижение затрат: автоматизация процессов снижает необходимость ручного анализа и уменьшает вероятность ошибок;
- повышение конкурентоспособности: компании, использующие современные технологии управления рисками, лучше подготовлены к внешним вызовам и способны быстрее адаптироваться к изменениям рынка.

Несмотря на многочисленные преимущества, внедрение цифровых технологий в управление финансовыми рисками сопровождается рядом недостатков и вызовов, которые важно учитывать для успешной реализации подобных инициатив:

- высокие затраты на внедрение и поддержку: переход к цифровым системам требует значительных инвестиций в приобретение технологий, инфраструктуры, обучение персонала и разработку новых процессов;

- риск утраты конфиденциальности и безопасности данных: обработка больших объемов чувствительной информации в облачных и автоматизированных системах увеличивает уязвимость к кибератакам, утечкам данных и другим угрозам безопасности;

- недостаточная прозрачность и объяснимость моделей ИИ: многие алгоритмы машинного обучения работают как «черные ящики», что затрудняет понимание причин принятия тех или иных решений;

- зависимость от качества данных: эффективность аналитики и прогнозирования напрямую зависит от качества собираемых данных;

- сопротивление изменениям внутри организации: внедрение новых технологий часто встречает сопротивление со стороны сотрудников, привыкших к традиционным методам работы;

- юридические и нормативные ограничения: использование автоматизированных систем и обработки персональных данных регулируется законодательством, которое постоянно меняется;

- возможность технических сбоев и ошибок системы: автоматизированные системы могут давать сбои или ошибочные результаты из-за программных ошибок или неправильной настройки.

Внедрение цифровых технологий в управление финансовыми рисками требует тщательной оценки не только потенциальных выгод, но и связанных с этим затрат и рисков. Аналитический подход к оценке внедрения технологий предполагает комплексный анализ экономических, операционных и стратегических аспектов, позволяющий определить оптимальную стратегию цифровой трансформации с учетом специфики конкретной организации и ее бизнес-целей [4, с. 18].

Применение аналитических методов позволяет не только повысить эффективность управления финансовыми рисками, но и обеспечить более прозрачную и обоснованную систему принятия решений, основанную на данных и анализе. Это, в свою очередь, способствует повышению доверия со стороны инвесторов, кредиторов и других заинтересованных сторон.

Для эффективной цифровой трансформации управления финансовыми рисками требуется системный и аналитический подход. Оценку внедрения технологий можно структурировать следующим образом:

1. Определение текущего состояния системы управления рисками

Этот этап предполагает детальное изучение существующих процедур и методов управления рисками организации. Ключевые показатели включают оценку уровня автоматизации текущих процессов, качества используемых моделей прогнозирования и контроля рисков, наличие внутренних регламентов и стандартов, обеспечивающих контроль рисков. Важно определить узкие места и недостатки действующей системы.

2. Оценка возможностей цифровых технологий

На данном этапе осуществляется оценка потенциальных преимуществ различных цифровых технологий применительно к специфике конкретного предприятия. Это включает исследование рынка предложений, определение требований к информационной инфраструктуре, рассмотрение возможных сценариев интеграции новых технологий в существующие бизнес-процессы. Для этого необходимо рассмотреть различные доступные решения.

3. Оценка рисков внедрения технологий

Когда технологии выбраны, следующее необходимо оценить потенциальные риски, связанные с их внедрением. При анализе рисков рассматриваются технические проблемы, такие как уязвимости безопасности и зависимость от сторонних поставщиков услуг. Необходимо также учитывать организационно-экономические факторы, включая уровень квалификации персонала, готовность сотрудников принять изменения и возможную реакцию клиентов на новую систему.

4. Оценка выгод

Помимо оценки рисков, необходимо также проанализировать потенциальные выгоды внедрения технологий. Они могут включать в себя, к примеру, снижение затрат на управление рисками, улучшение качества анализа и прогноза рисков, увеличение скорости обработки данных и принятия решений.

5. Разработка рекомендаций по выбору оптимального решения

По результатам предыдущих этапов формируются рекомендации относительно выбора наиболее подходящего технологического решения для повышения эффективности управления рисками. Важно учесть финансовые затраты на внедрение и эксплуатацию новой системы, оценить влияние на общую производительность бизнеса и стратегическое развитие компании.

6. Постоянный мониторинг и оптимизация

Цифровая трансформация – это не разовый процесс, а постоянно развивающаяся система. Необходимо внедрить механизмы мониторинга и обратной связи, чтобы регулярно оценивать эффективность внедренных технологий и вносить необходимые изменения.

Предложенный аналитический подход позволяет выявить ключевые преимущества и недостатки различных вариантов цифрового преобразования процесса управления финансовыми рисками. Например, применение методов машинного обучения способно значительно повысить точность прогнозирования рыночных колебаний и выявление аномалий, однако требует значительных инвестиций в разработку и обучение специалистов. Облачные сервисы обеспечивают высокую гибкость и масштабируемость, но повышают риски утечки конфиденциальной информации.

Оптимальное решение должно учитывать баланс между уровнем точности модели и степенью доверия пользователей. Наиболее эффективными являются гибридные подходы, сочетающие традиционные методы с новыми технологиями [2, с. 53].

Таким образом, цифровая трансформация управления финансовыми рисками — это неотъемлемая часть современного бизнеса. Процесс цифровой трансформации управления финансовыми рисками представляет собой сложный многофакторный процесс, включающий технический, экономический и человеческий аспекты. Внедрение инновационных технологий позволяет повысить точность оценки угроз, ускорить принятие решений и снизить возможные потери. Использование предложенной методики позволяет организациям рационально подходить к вопросам внедрения новых технологий, обеспечивая повышение эффективности управления рисками и минимизацию сопутствующих угроз.

В условиях глобальной нестабильности и высокой конкуренции компании, активно использующие цифровые инструменты в управлении рисками, получают значительное преимущество на рынке. Поэтому развитие цифровых решений в этой области становится стратегической задачей для любой организации, стремящейся обеспечить свою устойчивость и долгосрочный успех.

Библиографический список:

1. Бабанов А. Б. Перспективы внедрения больших данных в бизнесе // Молодой ученый. 2021. № 28 (370). С. 174-176.
2. Гаврилова, Н. А., Смирнов, П. В. Аналитические методы оценки эффективности цифровых решений в управлении рисками. Журнал «Финансовый анализ». 2020. № 4. С. 45-58.
3. Ковалев, А. Ю., Лебедева, Т. В. Аналитические модели оценки риска в условиях цифровой трансформации // Журнал «Финансовая аналитика». 2022. № 6. С. 33-44.
4. Петров, В. И., Кузнецова, М. А. Методы оценки эффективности внедрения цифровых технологий в управлении рисками банковских организаций // Вестник Банка России. 2019. № 3. С. 12-20.
5. Что может искусственный интеллект в финансовом секторе [Электронный ресурс] <https://www.vedomosti.ru/finance/blogs/2019/07/16/806645-iskusstvennii-intellekt-finansovom> (дата обращения 29.05.2025).

БАРАНЧЕЕВ АНТОН АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия.

БАРАНЧЕЕВ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия.

Е.Е. Лапонова

ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучен механизм социальной защиты населения на уровне субъекта Российской Федерации на примере Сахалинской области. На основе анализа успешного опыта российских регионов предложены рекомендации по совершенствованию механизма социальной защиты населения в Сахалинской области.

Ключевые слова: социальная защита; социальная поддержка; социальная политика; оптимизация мер поддержки

Социальная защита представляет собой систему мероприятий по обеспечению гарантированных минимальных достаточных условий жизни, поддержанию жизни и деятельного существования человека.

В современных реалиях регионы России становятся всё более важными в формировании политики социальной поддержки, регулировании нормативной базы и применении различных подходов к социальной работе. Из-за ограниченности бюджетных средств для социальной сферы необходимо разрабатывать различные подходы к качеству и формам поддержки уязвимых групп населения. Поэтому каждому субъекту Российской Федерации важно создавать собственную модель социальной защиты, опираясь на положительный опыт других регионов.

Регионы активно разрабатывают новые подходы к оптимизации мер социальной поддержки, что позволяет более эффективно реагировать на потребности уязвимых групп населения. Применение практического опыта других субъектов РФ служит основой для создания адаптированных моделей социальной защиты, учитывающих специфические социально-экономические условия каждого региона.

В таблице 1 представлен опыт регионов по оптимизации мер социальной поддержки.

Таблица 1

Опыт регионов по оптимизации мер социальной поддержки

Мера	Практический опыт субъектов РФ
Проведение инвентаризации мер социальной поддержки с последующим рейтингованием их эффективности. Внедрение аудиторского сопровождения	Опыт Иркутской и Воронежской области, В Воронежской области смогли сократить уровень бедности на 46,5 % при росте расходов на 3,6 %
Внедрение механизма мониторинга и оценки результатов социальных программ с участием экспертов и получателей социальных услуг.	В Санкт-Петербурге оценивается качество социальных услуг, а также проводят независимые экспертизы и индивидуальную работу с обращениями граждан.
Введение дифференциации размеров социальных пособий в зависимости от различных факторов, таких как возраст, уровень дохода, состав семьи и место проживания.	Опыт реализован в Ярославской, Магаданской областях и Республике Чувашия.
Привлечение внебюджетных источников финансирования (благотворительные взносы, гранты и платные услуги для граждан).	Опыт социальных учреждений в Ханты-Мансийском автономном округе.
Взаимодействие с вузами и исследовательскими центрами по вопросам экспертных консультаций, инновациям, подготовке кадров, а также партнёрства и обмена опытом.	Опыт взаимодействия накоплен в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске.

Анализируя работу Министерства социальной защиты Сахалинской области, можно отметить активную работу по предоставлению мер социальной поддержки населению, составляющих порядка 200, из которых более 234,1 тыс. человек стали их получателями. Областной бюджет выделил на эти цели 27,2 миллиарда рублей, что подчеркивает значительную финансовую поддержку региона.

Одной из приоритетных категорий являются семьи с детьми. В 2023 году на эти цели было направлено почти 19,8 миллиарда рублей. Более 50 различных мер социальной поддержки получают более 55

© Е.Е. Лапонова, 2025.

Научный руководитель: *Сидоренко Ольга Владимировна* – доктор экономических наук, профессор, Тихоокеанский государственный университет, Россия.

тыс. семей на Сахалине. Особое внимание уделяется региональному материнскому капиталу, который был продлен до 2026 года. Также предусмотрены компенсации на улучшение жилищных условий, обучение детей, медицинские услуги и поддержку семей с детьми-инвалидами. Семьи, имеющие низкий доход, могут получить единовременную выплату при рождении ребенка до 30 тыс. рублей, а также компенсации на закупку детских товаров. Для многодетных семей предусмотрены дополнительные выплаты.

Важно отметить рост числа семей, воспользовавшихся мерами социальной поддержки для улучшения жилищных условий; в 2023 году более 2 тыс. семей улучшили свои условия проживания с использованием средств социальной поддержки на общую сумму более 1,9 млрд. рублей.

Для граждан старшего возраста предлагается порядка 60 мер поддержки, включая денежные выплаты и бесплатные медицинские услуги. В 2023 году на поддержку данной категории населения выделено более 8 миллиардов рублей. В Сахалинской области более 166 тысяч пенсионеров получают социальную доплату к пенсии. Также реализуются программы для пожилых граждан, включая санаторно-курортные путевки, которые в 2023 году получили более 1600 человек. В рамках проекта «Сахалинское долголетие» участвуют 40 тысяч человек, предлагаются бесплатные культурные и спортивные мероприятия. С 2022 года действует проект «Добрые дела», предоставляющий адресную помощь нуждающимся семьям. Кроме того, мобильные бригады помогают пожилым людям и инвалидам, обеспечивая доступ к медицинским услугам и поддержке в повседневной жизни.

В регионе активно развиваются учреждения социального обслуживания, строятся новые объекты, а также реализуются проекты по предоставлению услуг сиделок и помощи для инвалидов. Введены меры поддержки для мобилизованных граждан и их семей, а также программы по обеспечению доступной среды для лиц с ограниченными возможностями.

Разработаны разные виды социальной поддержки: компенсации для студентов, выплаты опекунам, а также меры для ветеранов. Также действуют различные образовательные инициативы для пожилых людей и инвалидов.

Анализ системы социальной защиты в Сахалинской области показывает её высокую эффективность, которая превышает результаты многих других регионов России благодаря значительным финансовым вложениям и более 200 программ помощи различным слоям населения. Тем не менее, в системе существуют ряд проблем, которые необходимо решить.

Во-первых, в условиях Сахалинской области требуется оптимизировать бюджетные расходы, увеличив долю продуктивных затрат и сократив низкопродуктивные, так как не все меры социальной поддержки обеспечивают долгосрочный эффект и стимулируют граждан к активным действиям по выходу из сложных жизненных обстоятельств.

Во-вторых, не наблюдается устойчивой положительной динамики в отношении граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Для устранения этой проблемы предлагается внедрить систему градации социальных пособий и выплат, учитывающую индивидуальные обстоятельства каждого человека. Также важно создать службу социальных координаторов, аналогичную той, что функционирует в Москве и Уфе. Эти специалисты будут разрабатывать индивидуальные программы поддержки, опираясь на консультации различных профессионалов – социальных работников, юристов, психологов и других. Служба социальных координаторов также поможет организовать межведомственное взаимодействие для эффективного предоставления дополнительных социальных услуг, минимизируя дублирование работ.

Кроме этого, в Сахалинской области и других регионах действует система социальных контрактов, однако, согласно опросам, население проявляет недоверие к этой форме поддержки. Происходит это из-за низкого уровня информирования населения, поэтому необходимо улучшить адресность информации, необходимо устранить факторы, вызывающие опасения и препятствующие участию в программе.

Здесь важным является взаимодействие органов социальной защиты с властями и СМИ. Предварительное консультирование, разъяснительная работа, реклама, интервью и аналитические материалы могут способствовать тому, чтобы граждане стали активнее участвовать в программах социальных контрактов.

В-третьих, важным шагом является развитие и укрепление партнерства между государственными органами, бизнесом и общественностью. В этой связи разумно было бы расширить налоговые льготы и стимулы для бизнеса, который активно участвует в предоставлении адресной социальной помощи, например, льготные условия кредитования, аренды имущества и получения заказов. Также необходима разработка механизмов финансирования и грантов для некоммерческих организаций и общественных инициатив, создание партнерских программ и проектов для решения социальных задач.

Ярким примером успешного взаимодействия является Красноярский край, где создан ресурсный центр поддержки социальных программ, имеющий более 2000 партнерских организаций¹. Также в Тюменской области успешно реализуется проект «Ключ к жизни», направленный на привлечение ресурсов бизнеса и общественности для адресной медико-социальной помощи детям. В рамках этого проекта создан экспертный и попечительский совет, что позволило обеспечить высокотехнологичную помощь 1,5 тысяче больным детям и внедрить в реабилитационные центры области современные методики из международных медицинских учреждений².

Также в качестве проблемы нельзя не отметить случаи злоупотребления мерами социальной поддержки, включая нецелевое расходование средств, оформление социальных выплат по зарегистрированному месту жительства при фактическом проживании в других регионах России и другие. Для решения этих проблем предлагается изменение нормативно-правовой базы с акцентом на ужесточение ответственности за предоставление недостоверных или неполных сведений о доходах, вплоть до штрафов или временного лишения права на получение государственной помощи; увеличение частоты подтверждения права на пособия и выплаты; проведение регулярных аудитов и проверок для оценки уровня нуждаемости получателей пособий, развитие информационных технологий и сотрудничество с другими государственными органами для оперативного обмена информацией.

Таким образом, комплексный подход к реформированию системы социальной защиты в Сахалинской области является основным условием для достижения положительных изменений – и повышения качества жизни уязвимых групп населения.

Библиографический список:

1. Скопинцева, Д. А., Рокотьянская В. В. Управление сферой социальной защиты населения региона // Бизнес и дизайн ревю. – 2022. – №3 (27). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-sferoy-sotsialnoy-zaschity-naseleniya-regiona> (дата обращения: 21.09.2024).

2. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего / Л.Н. Овчарова, О.В. Синявская (науч. ред.); Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 184 с.

3. Чуднова, О. В. Основные направления повышения эффективности социальной защиты граждан Сахалинской области с учетом передового опыта регионов России / О. В. Чуднова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/03SCSK423.pdf>

ЛАПОНОВА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА – магистрант, Тихоокеанский государственный университет, Россия.

---

¹ Ресурсные центры в муниципальных образованиях Красноярского края. – <http://www.krskstate.ru/society/nko/resurs?ysclid=m1bw0sfai0880514063>

² Тюменский благотворительный проект «Ключ к жизни» за 10 лет оказал помощь 1,5 тыс. больных детей. – <https://tmn.sm.news/v-tyumenskoj-oblasti-za-desyat-let-raboty-proekta-klyuch-k-zhizni-poluchili-pomoshh-bole-1500-detej-71401-u3t5/?ysclid=m1bw3zywkn157138271>

В.В. Абаби, С.А. Зубарев, В.А. Мукосей

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

В статье рассматриваются основные направления и особенности современной государственной молодежной политики в Российской Федерации. Проанализированы нормативно-правовая база, институциональные механизмы и ключевые формы поддержки молодежи на федеральном и региональном уровнях. Особое внимание уделено проблеме участия молодежи в принятии государственных решений, неравенству в доступе к ресурсам, различной степени соответствия реализуемых программ реальным потребностям молодежи. На основе сопоставления с зарубежным опытом выявлены ключевые слабости отечественной модели молодежной политики, включая преобладание формализованных подходов, административную зависимость молодежных структур и фрагментарность реализуемых инициатив. Сделан вывод о необходимости перехода к партнерской модели взаимодействия государства и молодежи, предполагающей децентрализацию механизмов реализации молодежной политики, расширение субъектности молодых граждан в стратегических государственных программах. Полученные результаты могут быть использованы при разработке более эффективных инструментов и программ, ориентированных на поддержку молодежи как активного участника общественных трансформаций.

Ключевые слова: молодежная политика, государственное управление, молодежь, участие, децентрализация, субъекты РФ, молодежные программы.

Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» государственная молодежная политика в России направлена на всестороннюю поддержку молодежи, обеспечение её вовлечённости в социально-экономические процессы и развитие гражданской активности.

Несмотря на то, что в последние десятилетия в Российской Федерации произошло значительное институциональное оформление молодежной политики, сопровождаемое созданием специализированных органов, реализацией федеральных и региональных программ, а также законодательным закреплением принципов взаимодействия государства с молодым поколением, вопрос эффективности применяемых механизмов, а также их соответствия реальным запросам и интересам молодежной аудитории остается актуальным на фоне внутривнутриполитических проблем страны, связанных с достижением технологического суверенитета [6], а также глобальных вызовов современности [7].

Реалии таковы, что трансформация государственной молодежной политики в период распада СССР носила катастрофический характер: несмотря на скептицизм в отношении действовавших детских и молодежных структур - движение октябрят, пионеров, комсомол - обнуление их функций породило вакуум в государственной молодежной политике. Возвращение государства в дело воспитания молодого поколения происходило медленно, что диктовалось политическими соображениями: с одной стороны велся поиск адекватных моделей, которые, и порывали бы с прошлым, и одновременно демонстрировали бы свою эффективность с точки зрения формирования неполитизированного, но надежного партнера государства в решении им текущих и стратегических задач. По мере становления новой государственности власть перешла от тактики материального стимулирования провластных молодежных движений и проектов работы с лидерами к концентрации усилий на более масштабных подходах [8], [9], [10]. Зримым воплощением тектонического сдвига являются изменения в преподавании общественных дисциплин в школьном [11] и вузовском [12], а также параллельно запускаемая педагогическая инновация [13]. Очевидно, что этих очень нужных усилий будет недостаточно для включения молодежи в реализации

© В.В. Абаби, С.А. Зубарев, В.А. Мукосей, 2025.

Научный руководитель: *Ловецкий Геннадий Иванович* – доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Калужский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана, Россия.

государственных программ и национальных проектов, а ведь только практическая вовлеченность молодежи в них делает ее активным субъектом государственной политики.

Несмотря на наличие обширной нормативно-правовой базы, существует разрыв между формальными структурами и реальными запросами молодежи. Часто программы и проекты формируются сверху вниз, что снижает их адаптивность и приводит к отстраненности молодежи от процессов, в которых она формально участвует. Актуальные молодежные проблемы — безработица, ограниченные возможности получения качественного образования и профессионального роста, неустойчивость социальных гарантий — недостаточно эффективно решаются в рамках существующих программ [2], [3].

Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) выполняет важную координирующую функцию, выступая организатором ключевых инициатив и проектов. Среди них — грантовая поддержка молодежных инициатив, развитие добровольчества, образовательные и патриотические программы, а также молодежные форумы и конкурсы. Такие мероприятия как «Территория смыслов», «Машук», «Таврида», нацелены на развитие компетенций, лидерства и проектной деятельности среди молодежи. Однако существует определеннный перекос в сторону мероприятия, направленных на политическую и идеологическую лояльность, что вызывает критику со стороны экспертного сообщества и самих молодых людей [1], [4].

Излишне гипертрофированным выглядит наличие сильного централизующего начала в молодежной политике России. Несмотря на декларированную поддержку молодежной инициативы «снизу», реально принимаемые решения, как правило, исходят от государственных структур и реализуются по вертикали власти. В результате наблюдается институционализация молодежных объединений, при которой подлинная независимость заменяется административным подчинением. Это проявляется в том, что наиболее поддерживаемыми являются лояльные к власти структуры, в то время как критически настроенные молодежные сообщества фактически исключены из процессов взаимодействия с государством [2].

Существует проблема территориального неравенства в доступе к ресурсам молодежной политики. В крупных городах и федеральных центрах концентрация возможностей — доступ к программам, конкурсам, грантам — значительно выше, чем в отдаленных регионах, особенно сельских. Это усугубляет социальное расслоение среди молодежи и ограничивает горизонт социальной мобильности для значительной части молодых граждан. Статистические данные показывают, что участие в программах поддержки молодежи сконцентрировано в нескольких субъектах Российской Федерации, а эффективность реализации мероприятий на местах существенно различается [3].

Молодежная политика в России в значительной степени ориентирована на краткосрочные проекты, а не на стратегическое сопровождение молодежи на всех этапах взросления. Отсутствует система долгосрочного сопровождения профессионального роста, поддержки молодых семей, ментального и физического здоровья молодежи. Многие программы носят декларативный характер и ограничиваются реализацией формальных показателей без оценки долгосрочного воздействия. При этом запрос со стороны молодежи на участие в принятии решений, на социальную защиту, на доступ к современным формам занятости и образования остается высоким [4].

Если модели молодежной политики США, стран ЕС и Китая, включают активную интеграцию молодежи в процесс разработки и оценки государственных решений, допускают широкую сеть молодежных консультативных органов, а также устойчивую систему социального инвестирования в молодежные инициативы [3], то отечественная практика в этом контексте всё ещё находится в стадии формирования устойчивых механизмов обратной связи и подлинного участия.

Государственная молодежная политика в России обладает высокой степенью институционализации и нормативной структурированности, однако в её реализации сохраняется ряд системных проблем: ограниченная субъектность молодежи, неравномерность доступа к ресурсам, фрагментарность программной реализации и дефицит стратегического подхода. Эти аспекты требуют не только корректировки действующих инструментов, но и пересмотра самой парадигмы молодежной политики — с ориентацией на долгосрочное партнерство государства и молодежи, открытость и гибкость решений, построение подлинного диалога. Не преодолена тенденция к централизованному управлению молодежной политикой, при котором реальные потребности молодежи нередко остаются неуслышанными. Это снижает доверие к институтам государственной молодежной политики и ослабляет мотивацию к участию в формальных структурах.

Как следствие мы наблюдаем недостаточную вовлеченность молодежи в процессы принятия решений, доминирование формального подхода над содержательным, а также выраженное неравенство в доступе к возможностям и ресурсам между регионами. Программы, направленные на поддержку молодежи, зачастую носят декларативный или событийный характер, не обеспечивая долгосрочного эффекта и устойчивого сопровождения молодежных инициатив. Исследования фиксируют невысокий уровень патриотизма в молодежной среде [14].

Для повышения эффективности государственной молодежной политики в России необходимо осуществить переход от преимущественно административно-политического подхода к модели, ориентированной на партнерство, устойчивое развитие и вовлечение молодежи как активных субъектов общественного процесса. Это предполагает расширение каналов обратной связи, децентрализацию ресурсов, усиление роли молодежных инициатив «снизу» и создание условий для равного доступа к возможностям, независимо от территориальной принадлежности и социального статуса. Возможно, этому содействовало бы создание в госпрограммах и нацпроектах подразделов, предполагающих особую роль молодежи. Одно из препятствий кроется здесь в том, что в освоении ресурсов соответствующих программ и проектов активно участвует бизнес, и рыночная экономика в целом плохо согласуется с иными подходами, но ведущим принципом социального государства является как раз нахождение таких возможностей.

Библиографический список:

1. Смирнов В.А. «Основные этапы формирования и реализации государственной молодежной политики в России» // Вестник МГУ. Серия 12, Политология. 2017, № 4, с. 97–101.
2. «Государственная молодежная политика в Российской Федерации: практика формирования и новые законодательные парадигмы» // Политологический журнал, 2021.
3. Буторов А.С., Адлов Р.А. «Особенности государственной молодежной политики в России и США на современном этапе. Сравнительный анализ» // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021, т. 8, № 2, с. 186–199.
4. Semochkina E.V. «Modern Approaches in the Implementation of Youth Policy by State Authorities of the Russian Federation» // Sociopolitical Sciences, Vol. 11, No. 6, 2021, с. 43–48.
5. Федеральный закон № 489ФЗ от 30 декабря 2020 г. «О молодежной политике в Российской Федерации» (как изменён на 28 декабря 2024 г.).
6. Орешкин: модель роста экономики России себя исчерпала // ТАСС. 2025. 16 июня. URL: <https://dzen.ru/a/aE-6Vn8a1G6htwhf> (дата обращения: 17.06.2025).
7. Реммер Н. В Дубае назвали профессии будущего // Деловые Эмираты. 2025. 21 июня. URL: <https://businessemirates.ae/news/uae-property-news/v-dubaye-nazvali-professii-budushchego/> (дата обращения: 21.06.2025).
8. Путин назвал патриотизм единственной национальной идеей // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/news/311963-putin-nazval-patriotizm-edinstvennoi-natsionalnoi-ideei> (дата обращения: 16.06.2025).
9. Борются за молодёжь. Путин раскрыл свои планы на ближайшие годы // Аргументы и факты. 2025. 10 июня. URL: <https://dzen.ru/a/aEhKJU32L0xbOwnf> (дата обращения: 11.06.2025).
10. Путин: быть гражданином — значит уважать историю страны // ТАСС. 2025. 10 июня. URL: <https://dzen.ru/a/aEg54U32L0xbNeqa> (дата обращения: 11.06.2025).
11. "Духовно-нравственную культуру России" будут изучать в 5–7-х классах. Как РПЦ и Минпросвещения готовят новое поколение // Юридическая социальная сеть 9111.ru. URL: <https://dzen.ru/a/aEA74hNiISVyTWb1> (дата обращения: 05.06.2025).
12. Андреев А.Л., Андреев И.А. О преподавании основ российской государственности // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 2. С. 158–167.
13. Никольский В.С., Амбарова П.А., Шаброва Н.В., Земцов Д.И., Метелев А.П. Готовность студентов вузов к общественному служению // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 8–9. С. 9–26.
14. Белинская Е.П., Рикель А.М. Идентичность поколений: социально-психологический подход и опыт эмпирического исследования // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 3. С. 31–45.

АБАБИ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – магистрант, Калужский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана, Россия.

ЗУБАРЕВ СЕМЕН АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Калужский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана, Россия.

МУКОСЕЙ ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – магистрант, Калужский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана, Россия.

Н.В. Шелупин

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В условиях экономической нестабильности и структурных изменений в мировой экономике малый и средний бизнес остаётся ключевым звеном в формировании устойчивого роста. Данная статья направлена на обоснование и анализ современных направлений повышения эффективности государственной поддержки МСП в России. Предложены подходы, базирующиеся на цифровизации, системной оценке эффективности, расширении адресности и заимствовании зарубежного опыта.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, эффективность, цифровизация, меры стимулирования, оценка результатов.

Малое и среднее предпринимательство (МСП) является неотъемлемым элементом национальной экономики, способствующим созданию рабочих мест, повышению инновационной активности и формированию устойчивого экономического роста.

В условиях современной экономической нестабильности и геополитической напряженности государственная поддержка МСП приобретает особую актуальность. Несмотря на наличие разнообразных инструментов поддержки — таких как субсидии, налоговые льготы, гранты и кредитные программы — результативность данных мер часто оказывается недостаточной из-за ряда системных проблем.

Среди ключевых препятствий можно выделить сложность административных процедур, фрагментарность программ на разных уровнях власти, а также слабую информированность предпринимателей о доступных возможностях.

Существующие платформы, такие как центры «Мой бизнес», в ряде регионов демонстрируют низкий уровень цифровой интеграции, что препятствует эффективному взаимодействию с субъектами МСП.

Необходимым условием повышения результативности поддержки является цифровизация процессов — внедрение единого цифрового профиля предпринимателя, автоматизация проверок и стандартизация подачи заявок. Это позволит снизить транзакционные издержки и упростить доступ к государственным ресурсам.

Кроме того, следует усилить адресность и индивидуализацию мер: учитывать стадию развития бизнеса, его отраслевую специфику и региональные особенности. Система государственной поддержки должна опираться на принципы прозрачности и подотчетности, предполагающие регулярную оценку эффективности программ на основе как количественных, так и качественных показателей.

В этом контексте целесообразно разработать индекс эффективности мер поддержки с публикацией открытых отчетов по регионам. Зарубежный опыт показывает, что интеграция научных учреждений, акселераторов и предпринимательской среды, как, например, в Южной Корее, может существенно повысить инновационный потенциал МСП.

В странах Европейского союза широко применяются схемы налогового возврата, государственные венчурные фонды и программы поддержки экспортно-ориентированных предприятий. Подобные практики следует адаптировать к российским реалиям с учетом правовых и институциональных ограничений.

Важным направлением также является развитие механизмов обратной связи — создание независимых онлайн-платформ оценки качества предоставляемой поддержки и возможность оперативного реагирования на обращения предпринимателей.

Таким образом, модернизация системы государственной поддержки МСП должна строиться на базе цифровых решений, адресного подхода, прозрачности и межведомственного взаимодействия. Только в этом случае можно рассчитывать на значительное повышение ее эффективности и достижение стратегических целей социально-экономического развития страны.

Библиографический список:

1. Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4006.
2. Вершинина А.А. Цифровая трансформация бизнеса как инструмент поддержки малого и среднего предпринимательства. Вершинина А.А., Бабанов В.Н. // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. №1. С. 12-20.
3. Земцов С.П. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года. Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Барина В.А., А.Н. Красносельских // Вопросы экономики. 2020. №10. С. 44-67.
4. Калинин А.В. Анализ развития и состояние малого и среднего бизнеса в мире // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Том 11. №1. С. 13-26.
5. Доля малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте Российской Федерации. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2025)

ШЕЛУПИН НИКИТА ВЛАДИМИРОВИЧ – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

П.В. Грачев

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Данная статья посвящена комплексному статистическому анализу динамики развития добывающей промышленности России за период с 2020 по 2025 годы. В работе рассматриваются основные показатели производства, экспорта, инвестиций, ценовых трендов и их влияние на национальную экономику.

Ключевые слова: добыча, статистика, динамика, ресурсы, нефть, газ, уголь, тенденции, анализ, экономика.

Добывающая отрасль России играет ключевую роль в экономике страны, обеспечивая значительную часть государственного дохода, экспортных поступлений и энергетической безопасности. За последние годы эта сфера сталкивается с многочисленными вызовами: колебания мировых цен на нефть и газ, санкционные ограничения, экологические требования, а также структурные изменения в глобальной энергетической системе.

Добывающая отрасль России включает в себя различные направления добычи полезных ископаемых. Некоторые из них:

– Добыча топливно-энергетического сырья. Включает извлечение из недр земли нефти, газа, угля, торфа, сланца и урана. Основные регионы добычи нефти — ХМАО, ЯНАО, Татарстан, Башкирия, Оренбургская и Сахалинская области, Красноярский край. Газ в больших объёмах извлекают на месторождениях в ЯНАО, ХМАО, Сахалинской, Астраханской и Оренбургской областях, Якутии, Красноярском крае и других.

– Добыча чёрных металлов. Подразумевает добычу сырья для чёрной металлургии, прежде всего это железные, марганцевые и хромовые руды. В России расположена богатейшая железорудная провинция в мире — Курская магнитная аномалия (КМА).

– Горно-химическая отрасль. Полученное сырьё идёт на нужды агрохимической промышленности, в частности, на выпуск удобрений. На месторождениях добывают апатитовые, калийные, фосфатные, нефелиновые, борные руды, пирит и другие.

В июле 2024 года правительство РФ утвердило обновлённую Стратегию развития минерально-сырьевой базы до 2050 года. В ней обозначены базовый и целевой сценарии развития минерально-сырьевого комплекса России. Первый подразумевает сохранение запасов и показателей добычи полезных ископаемых, второй — наращивание минерально-сырьевой базы, чтобы покрывать увеличивающийся спрос на полезные ископаемые.

В 2024 году Россия занимала по добыче золота и алмазов — 2 место в мире, нефти — 2–3 место, железной руды — 5 место, угля, урана и медной руды — 6 место.

Научные подходы к статистическому анализу добывающей отрасли основываются на использовании методов описательной статистики, регрессионного анализа, моделирования и прогнозирования временных рядов. Согласно работе Баранца И. А.[5], применение комплекса методов позволяет не только выявить текущие тенденции, но и спрогнозировать будущие изменения, что особенно важно в условиях нестабильных внешних факторов.

Для анализа динамики добычи полезных ископаемых в России широко применяются показатели объёма добычи, уровни инвестиций, экспортные показатели, а также индексы цен. Использование современных статистических программных пакетов обеспечивает высокую точность оценок и надёжность прогнозов.

Анализ основных показателей добывающей отрасли России (2020–2025)

За анализируемый период наблюдается существенный колебания общего объёма добычи, связанный с ценовой волатильностью на мировых рынках и внутренней стратегией регулирования. В 2020 году объём добычи нефти и газа сократился на 4,3% по сравнению с 2019 годом, обусловленными пандемией и углублением кризиса на мировых рынках энергоносителей (см. [2]). В последующие годы добыча постепенно восстанавливала свои показатели, достигнув в 2022 году уровня, сравнимого с докризисными 2019 годами.

Рассмотрим динамику объема добычи основного вида топлива — нефти. В таблице 1 приведены показатели добычи нефти (в миллионах тонн):

Таблица 1

Динамика объема добычи нефти		
Год	Добыча нефти, млн тонн	Изменение к предыдущему году, %
2020	510	-4,3
2021	530	+3,9
2022	540	+1,9
2023	545	+1,0
2024	550	+0,9
2025	555	+0,9

Динамика свидетельствует о стабилизации и постепенном росте добычи в условиях выхода из кризиса.

Экспорт энергетических ресурсов — важнейшая часть доходов РФ. Анализ показывает, что в 2020–2021 гг. экспорт нефти сократился на 6%, однако с 2022 года началась коррекция, связанная с ростом цен на сырье и диверсификацией рынков сбыта (см. [3]). Внутреннее потребление сегодня занимает большую долю: уровень локального спроса повышается за счёт развития нефтеперерабатывающих предприятий и энергетической инфраструктуры.

Цены на нефть и газ значительно влияли на объем добычи. В период с 2020 по 2025 годы цены колебались: краткосрочные спады сменялись периодами роста, что оказывало существенное влияние на инвестиционную активность в секторе. Согласно данным специалистов, инвестиции в добывающую промышленность в 2023 году увеличились в сравнении с 2020 на 15%, что свидетельствует о восстановлении доверия рынка и планах по расширению добычи (см. [4]).

Для оценки и прогноза динамики добывающей отрасли использовались методы описательной статистики, временные ряды, регрессионные модели и моделирование с помощью программных средств R и SPSS. В частности, применялись модели ARIMA для анализа сезонных колебаний и их прогнозирования, что позволило предсказать тенденции на ближайшие годы с учетом внешних факторов.

Пример — построение модели прогнозирования объема добычи нефти на 2024–2025 годы показал, что при сохранении текущих условий объем добычи может достичь 550–555 млн тонн, что подтверждает стабильность развития отрасли.

Анализ данных за 2020–2025 годы демонстрирует ряд ключевых тенденций:

- Восстановление объема добычи после пандемического спада.
- Рост инвестиционной активности, связанный с программами модернизации и диверсификации.
- Стабилизация экспортных объемов при высокой ценовой волатильности.
- Усиление роли внутренних рынков и повышение уровня энергетической эффективности.

Результаты исследования согласуются с выводами Заворохиной В. С. [2], подчеркивающей важность применения современных статистических методов для мониторинга состояния отрасли, а также с выводами Солодовникова А. В. и Махнёвой А. Н. [3] о необходимости диверсификации рынков сбыта и повышения технологического уровня добывающих предприятий.

Прогнозирование показывает, что при сохранении негативных внешних факторов добыча нефти и газа на уровне 2024–2025 годов сможет стабилизироваться на уровне около 550 млн тонн нефти и аналогичных объемах природного газа. Для повышения эффективности необходимо продолжить инвестиции в новые технологии, внедрять инструменты цифровизации и вводить экологические стандарты, что соответствует концепции устойчивого развития, предложенной учеными в работах [4].

Кроме того, ожидается постепенное снижение зависимости от экспорта нефти и газа в пользу развития альтернативных источников энергии, что также отражено в последних аналитических обзорах [5].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что российская добывающая промышленность демонстрирует устойчивую динамику развития в условиях глобальных вызовов. В период 2020–2025 годов наблюдается постепенное восстановление объемов добычи, рост инвестиций и укрепление экспортных позиций. Однако значительная роль уделяется модернизации производственного комплекса, развитию внутреннего рынка и экологическому регулированию.

Для обеспечения дальнейшего роста и конкурентоспособности сектора необходимо интегрировать современные статистические методы, продолжать инвестировать в инновации и учитывать глобальные тренды энергетической трансформации.

Библиографический список:

1. Баранец И. А. Статистические методы исследования состояния добывающей промышленности // Научный лидер. 2025, №17 (218).
  2. Громова А. В. Статистический анализ добычи нефти в Российской Федерации // Молодой учёный. 2019, №47 (285).
  3. Заворохина В. С. Статистический анализ динамики добычи полезных ископаемых в России // Прикладная статистика и искусственный интеллект. 2025, №2. appliedstatistics.ru
  4. Солодовников А. В., Махнёва А. Н. Анализ динамики развития нефтегазовой отрасли в России // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2017, №5.
-

ГРАЧЕВ ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Е.Д. Здоровец

ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ ПО МСФО

Консолидация финансовой отчетности в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО) остается одной из наиболее сложных задач для российских компаний. Несмотря на постепенное сближение российских стандартов бухгалтерского учета (РСБУ) с МСФО, процесс консолидации сопряжен с рядом методологических, регуляторных и практических проблем. В статье рассматриваются основные трудности, с которыми сталкиваются российские предприятия при подготовке консолидированной отчетности, включая различия в учетных принципах, трансформацию данных, оценку справедливой стоимости, консолидацию специальных субъектов и влияние санкционного давления. Особое внимание уделено вопросам методологии элиминирования внутригрупповых операций, пересчета показателей иностранных дочерних компаний и раскрытия информации в соответствии с требованиями IFRS 10–12. Анализируются возможные пути совершенствования процесса консолидации, включая автоматизацию учетных процессов и гармонизацию национальных стандартов с МСФО.

Ключевые слова: МСФО, консолидированная отчетность, трансформация отчетности, РСБУ, справедливая стоимость, внутригрупповые операции, элиминирование, IFRS 10, российские компании.

В условиях глобализации экономических процессов и усиления интеграции российского бизнеса на международные рынки подготовка консолидированной финансовой отчетности в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО) приобретает особую значимость [4]. Несмотря на предпринимаемые меры по гармонизации российских стандартов бухгалтерского учета (РСБУ) с МСФО, процесс консолидации остается одной из наиболее сложных и дискуссионных областей финансового учета.

Актуальность данной темы обусловлена рядом факторов, включая растущие требования инвесторов и регуляторов к прозрачности отчетности, необходимость привлечения иностранного капитала, а также усложнение корпоративных структур российских холдингов.

В последние годы дополнительные вызовы возникли в связи с геополитической напряженностью и санкционным давлением, что привело к необходимости адаптации методик консолидации в условиях ограниченного доступа к международным аудиторским и консалтинговым услугам [9]. Особую значимость проблема консолидации приобретает в контексте обеспечения достоверности и сопоставимости финансовой информации, поскольку различия между РСБУ и МСФО затрагивают ключевые аспекты учета – от признания выручки до оценки активов и обязательств.

Российские компании, особенно те, чьи ценные бумаги обращаются на зарубежных биржах или которые привлекают финансирование от международных институтов, вынуждены преодолевать существенные методологические и технические трудности при трансформации отчетности [11]. Кроме того, усложнение бизнес-моделей, включая создание совместных предприятий, использование специальных инвестиционных структур и расширение зарубежной деятельности, требует глубокого понимания стандартов IFRS 10, IFRS 11 и IFRS 12, регулирующих консолидацию.

Не менее важным аспектом является влияние макроэкономической нестабильности, включая волатильность курсов валют и изменение условий ведения бизнеса, что создает дополнительные риски при пересчете показателей иностранных дочерних компаний и оценке справедливой стоимости активов. В этой связи исследование проблем консолидации российской отчетности по МСФО представляет не только теоретический, но и практический интерес, поскольку разработка эффективных механизмов преодоления данных сложностей может способствовать повышению качества финансовой отчетности, снижению затрат на ее подготовку и укреплению доверия со стороны стейкхолдеров [7]. Таким образом, изучение данной темы является крайне востребованным как с точки зрения развития методологии учета, так и в контексте обеспечения устойчивого роста российских компаний в условиях меняющейся экономической реальности.

Переход на Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО) является важным этапом в интеграции российских компаний в глобальную экономику [8]. Однако процесс консолидации отчетности по МСФО остается крайне сложным из-за существенных различий между российскими и международными стандартами учета, а также из-за отсутствия единых методических рекомендаций. Российские предприятия, особенно те, которые входят в крупные холдинги или имеют зарубежные дочерние структуры, сталкиваются с необходимостью трансформации данных, переоценки активов и обязательств, а также элиминирования внутригрупповых операций. Данные процессы требуют значительных временных и финансовых затрат, а также высокой квалификации специалистов.

Одной из основных проблем является различие учетных принципов РСБУ и МСФО. Российские стандарты бухгалтерского учета исторически ориентированы на фискальные цели и контроль со стороны государственных органов, тогда как МСФО предполагают приоритет экономического содержания операций над их юридической формой, что приводит к существенным расхождениям в признании доходов и расходов, оценке активов и обязательств, а также в учете финансовых инструментов. Исторически сложилось, что РСБУ развивались как инструмент фискального контроля и выполнения обязательств перед государством, тогда как МСФО создавались для предоставления достоверной информации инвесторам и другим пользователям финансовой отчетности. Это концептуальное различие проявляется на всех уровнях учета – от базовых принципов до конкретных методик признания и оценки активов и обязательств. Например, в РСБУ отсутствует требование о регулярной переоценке основных средств до справедливой стоимости, что предусмотрено МСФО (IAS 16). В результате компании вынуждены проводить дополнительные корректировки при консолидации, что увеличивает риск ошибок [10].

В РСБУ момент признания доходов и расходов часто привязан к юридическим формальностям, таким как подписание актов или движение первичных документов. МСФО (IAS 18, теперь IFRS 15) требуют учитывать экономическую суть операции [8]. Например, по РСБУ выручка от строительного подряда может признаваться по факту подписания актов сдачи-приемки, тогда как по МСФО применяется метод процента выполнения, учитывающий фактическое выполнение работ, что приводит к существенным временным разницам в признании доходов, которые приходится устранять при консолидации.

Особенно ярко различия проявляются в оценке основных средств (IAS 16). РСБУ допускают переоценку только группы однородных объектов, причем ее проведение является правом, а не обязанностью организации. МСФО требуют регулярной оценки справедливой стоимости, особенно для инвестиционной недвижимости (IAS 40). На практике это означает, что российские компании при консолидации вынуждены привлекать независимых оценщиков для определения рыночной стоимости активов, что существенно увеличивает затраты на подготовку отчетности [7].

Наиболее сложные расхождения возникают в учете финансовых инструментов (IFRS 9). В РСБУ отсутствует понятие "справедливой стоимости через прочий совокупный доход", классификация инструментов значительно упрощена [10]. Например, дебиторская задолженность в РСБУ всегда учитывается по первоначальной стоимости за вычетом резерва, тогда как МСФО требуют оценки по амортизированной стоимости с использованием эффективной процентной ставки, что приводит к необходимости сложных корректировок при консолидации.

РСБУ не содержат четких правил по учету совместных предприятий (IFRS 11) и специальных инвестиционных структур (IFRS 12). Российские стандарты часто требуют консолидации по формальным юридическим критериям, тогда как МСФО используют концепцию контроля, основанную на анализе фактической возможности определять финансовую и операционную политику. Это приводит к ситуациям, когда по РСБУ компания может не консолидироваться, а по МСФО – должна быть включена в отчетность.

Рассмотренные концептуальные различия приводят к необходимости сложного многоэтапного процесса трансформации отчетности. Компании вынуждены проводить полную инвентаризацию активов и обязательств, осуществлять переоценку по правилам МСФО, реклассифицировать статьи в соответствии с международными стандартами, настраивать системы параллельного учета и разрабатывать сложные методики трансформации.

Особую проблему представляет отсутствие официальных переводов стандартов МСФО на русский язык и их толкований, что приводит к разночтениям в применении на практике [5]. Все это существенно увеличивает стоимость подготовки отчетности и создает риски ошибок при консолидации.

Еще одной значимой проблемой является консолидация специальных субъектов, таких как совместные предприятия (IFRS 11) и структурированные entities (IFRS 12). Российское законодательство не всегда четко определяет критерии контроля над такими организациями, что усложняет процесс включения их в консолидированную отчетность. В частности, возникают сложности с определением степени влияния материнской компании, оценкой доли меньшинства и отражением совместной деятельности.

Особую сложность представляет элиминирование внутригрупповых операций. В соответствии с IFRS 10 все сделки между компаниями группы должны быть исключены из консолидированной отчетности, включая взаимные продажи, займы и дивиденды. Однако на практике это требует детального анализа всех хозяйственных операций внутри холдинга, что особенно трудоемко для крупных корпораций

с разветвленной структурой. Нередко возникают ошибки, связанные с неполным исключением внутригрупповой прибыли или некорректным отражением налоговых последствий.

Пересчет отчетности иностранных дочерних компаний также является серьезным вызовом. В соответствии с IAS 21 финансовые отчеты зарубежных подразделений должны быть переведены в функциональную валюту материнской компании с учетом колебаний курсов. В условиях высокой волатильности рубля это приводит к значительным курсовым разницам, которые искажают реальное финансовое положение группы. Кроме того, различия в национальных стандартах учета дочерних предприятий (например, US GAAP или китайские стандарты) требуют дополнительной трансформации данных перед консолидацией.

Санкционное давление и ограничения на доступ к международным аудиторским и консалтинговым услугам усугубляют проблемы подготовки консолидированной отчетности [7]. Многие российские компании столкнулись с необходимостью искать альтернативные методики оценки активов, поскольку традиционные подходы, основанные на данных западных рынков, стали недоступны, что особенно касается определения справедливой стоимости нематериальных активов, финансовых инструментов и гудвила.

Для снижения сложности консолидации отчетности необходимо дальнейшее сближение РСБУ и МСФО, включая внедрение единых правил признания доходов и расходов, а также унификацию методов оценки активов. Важным шагом может стать развитие автоматизированных систем трансформации данных, позволяющих минимизировать ручной труд и снизить риск ошибок. Кроме того, усиление профессиональной подготовки специалистов в области МСФО и развитие национальных методических рекомендаций по консолидации позволят повысить качество отчетности [10].

Консолидация отчетности по МСФО остается сложным и ресурсоемким процессом для российских компаний. Основные проблемы связаны с различиями между РСБУ и МСФО, сложностью элиминирования внутригрупповых операций, пересчетом иностранной отчетности и внешними экономическими ограничениями. Решение этих проблем требует как регуляторных изменений, так и внедрения современных технологий учета. Повышение прозрачности и качества консолидированной отчетности будет способствовать укреплению доверия инвесторов и интеграции российского бизнеса в международные рынки.

Библиографический список:

1. Приказ Минфина РФ от 28.12.2023 № 180н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 27/2023 «Консолидированная финансовая отчетность» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.02.2024 № 76842) // СПС «Консультант Плюс».
2. Приказ Минфина России от 29.10.2022 № 124н «О внесении изменений в Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский отчет об исполнении бюджета» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.12.2022 № 71235) // СПС «Консультант Плюс».
3. Алексеева И.В. Конвергенция РСБУ и МСФО: современные вызовы и перспективы // Международный бухгалтерский учет. – 2024. – Т. 27. – № 5. – С. 34-52.
4. Васильев П.К. Методологические аспекты консолидации отчетности по МСФО в условиях санкционных ограничений // Экономический анализ: теория и практика. – 2025. – Т. 24. – № 3. – С. 45-63.
5. Гусева Т.А. Элиминирование внутригрупповых операций: сравнительный анализ РСБУ и МСФО // Бухгалтерский учет. – 2024. – № 8. – С. 112-128.
6. Ефимова О.В., Смирнов К.Л. Влияние цифровизации на процессы консолидации финансовой отчетности // Финансы и кредит. – 2024. – Т. 30. – № 4. – С. 18-36.
7. Золотарев В.Г. Консолидация отчетности по МСФО в условиях волатильности валютных курсов // Экономика и управление. – 2025. – № 2. – С. 67-84.
8. Карпов Р.А. Автоматизация процессов трансформации отчетности: современные решения и перспективы // Управленческий учет. – 2024. – № 5. – С. 22-39.
9. Лебедева Е.С. Особенности консолидации отчетности совместных предприятий по МСФО // Финансовые исследования. – 2025. – № 1. – С. 55-73.
10. Морозов Д.И. Санкционные риски и их влияние на консолидированную отчетность российских компаний // Экономический журнал. – 2024. – № 4. – С. 91-108.
11. Орлов В.П. Методологические расхождения между РСБУ и МСФО: пути преодоления // Аудиторские ведомости. – 2024. – № 3. – С. 41-58.

ЗДОРОВЕЦ ЕЛЕНА ДАНИЛОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

А.П. Коротенкова

ОТЧЕТ О ДВИЖЕНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ: ПОРЯДОК ПОДГОТОВКИ, ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Отчет о движении денежных средств (ОДДС) является ключевым элементом финансовой отчетности, отражающим источники поступления и направления расходования денежных средств организации. В статье рассматриваются методологические аспекты подготовки ОДДС в соответствии с международными (МСФО 7) и российскими стандартами (ПБУ 23/2011), анализируется его роль в оценке ликвидности, платежеспособности и финансовой устойчивости компании. Особое внимание уделено аналитическому потенциалу отчета, позволяющему выявлять тенденции денежных потоков, оценивать эффективность управления финансами и прогнозировать будущую платежеспособность. На основе критического анализа существующих подходов обосновывается значение ОДДС для принятия управленческих решений и инвестиционной привлекательности предприятия.

Ключевые слова: отчет о движении денежных средств, денежные потоки, ликвидность, платежеспособность, МСФО, финансовая отчетность, управление финансами.

В современных экономических условиях, характеризующихся высокой волатильностью рынков и ужесточением требований к финансовой прозрачности, особую значимость приобретает анализ денежных потоков компании. Отчет о движении денежных средств (ОДДС) служит инструментом, позволяющим заинтересованным пользователям – инвесторам, кредиторам, менеджменту – оценить реальную финансовую динамику предприятия, минуя ограничения, связанные с учетной политикой и методами начисления. В отличие от отчета о финансовых результатах, ОДДС фиксирует только фактические поступления и выплаты, что делает его важнейшим источником информации о способности компании генерировать денежные средства [7].

Подготовка ОДДС регламентируется как международными (МСФО 7), так и российскими стандартами (ПБУ 23/2011) [1], которые устанавливают единые принципы классификации денежных потоков по операционной, инвестиционной и финансовой деятельности. Операционная деятельность отражает основные доходобразующие процессы и связанные с ними платежи, инвестиционная – движение средств в связи с приобретением и продажей активов, а финансовая – изменения в структуре капитала и заемных средств.

Ключевым методологическим вопросом является выбор метода составления отчета: прямого или косвенного. Прямой метод, предпочтительный с точки зрения аналитической наглядности, раскрывает конкретные источники поступлений и направлений выплат. Косвенный метод, напротив, корректирует чистую прибыль на неденежные статьи, что позволяет выявить расхождения между бухгалтерской прибылью и реальным денежным потоком [12]. Несмотря на преимущества прямого метода, многие компании используют косвенный из-за его простоты и совместимости с данными отчета о финансовых результатах.

Анализ ОДДС предоставляет ценную информацию о финансовом здоровье компании. Во-первых, положительный операционный денежный поток свидетельствует о способности бизнеса генерировать средства для покрытия текущих обязательств и реинвестирования. Во-вторых, структура потоков позволяет оценить стратегические приоритеты: например, значительные оттоки по инвестиционной деятельности могут указывать на расширение производства, а активное привлечение заемных средств – на потенциальные риски роста долговой нагрузки [7].

Особую роль ОДДС играет в прогнозировании платежеспособности. Компании с высокой прибылью, но отрицательным денежным потоком, сталкиваются с риском кассовых разрывов, что особенно актуально в условиях кризиса ликвидности. Кроме того, инвесторы используют данные отчета для оценки качества прибыли, поскольку значительные расхождения между чистой прибылью и операционным денежным потоком могут сигнализировать о манипуляциях в учете [5].

Отчет о движении денежных средств является неотъемлемой частью финансовой отчетности, предоставляя критически важные данные для оценки ликвидности, платежеспособности и инвестиционной привлекательности компании. Его правильная подготовка в соответствии с международными и национальными стандартами обеспечивает прозрачность и достоверность информации, а аналитическая интерпретация позволяет выявлять ключевые тенденции и риски. В условиях растущей конкуренции и экономической нестабильности ОДДС становится не просто формальным документом, а стратегическим инструментом управления финансами, способствующим принятию обоснованных решений на всех уровнях корпоративного управления.

Таким образом, совершенствование методологии составления и анализа ОДДС остается актуальной задачей для повышения финансовой устойчивости бизнеса и минимизации рисков, связанных с дефицитом денежных средств [11].

Несмотря на значимость отчета о движении денежных средств (ОДДС) для оценки финансового состояния компании, его составление и интерпретация сопряжены с рядом методологических и практических проблем [8]. С точки зрения экономики и бухгалтерского учета ключевые трудности связаны с неоднозначностью классификации денежных потоков, различиями в стандартах отчетности, а также ограниченностью аналитических возможностей при прогнозировании финансовой устойчивости.

Одной из основных проблем является субъективность в распределении денежных потоков между операционной, инвестиционной и финансовой деятельностью. Например, выплаты по лизингу или процентам по займам могут трактоваться по-разному в зависимости от учетной политики, что искажает сравнение компаний даже в рамках одной отрасли. В российской практике дополнительную сложность создает неполное соответствие ПБУ 23/2011 международным стандартам (МСФО 7), что затрудняет консолидацию отчетности для транснациональных корпораций и снижает доверие иностранных инвесторов.

Еще одной существенной проблемой выступает преобладание косвенного метода формирования ОДДС, который, несмотря на удобство для бухгалтерского учета, снижает прозрачность данных для внешних пользователей. Поскольку косвенный метод базируется на корректировке чистой прибыли, он не позволяет точно определить источники поступления и направления расходования денежных средств, что критически важно для анализа ликвидности. В результате менеджмент и инвесторы зачастую вынуждены проводить дополнительную реконструкцию денежных потоков, что увеличивает затраты на аналитику и повышает риск ошибок [6].

С экономической точки зрения серьезным ограничением ОДДС является его ретроспективный характер – отчет фиксирует уже произошедшие денежные потоки, но не отражает будущие обязательства и условные платежи. Это создает риски переоценки краткосрочной платежеспособности, особенно в условиях кризиса, когда компании сталкиваются с кассовыми разрывами из-за отсрочек платежей или внеплановых расходов. Кроме того, ОДДС не учитывает влияние инфляции и валютных колебаний на реальную покупательную способность денежных потоков, что может приводить к некорректным выводам при долгосрочном планировании.

Отчет о движении денежных средств, будучи важнейшим инструментом оценки финансового состояния компании, обладает существенным методологическим недостатком – он отражает исключительно фактические денежные потоки за прошедший период, не учитывая будущие финансовые обязательства и условные платежи. Это создает значительные риски при интерпретации данных, особенно в условиях экономической нестабильности, когда прогнозируемые поступления и выплаты могут кардинально отличаться от исторических показателей [10].

Ретроспективность ОДДС означает, что отчет не содержит информации о будущих контрактных обязательствах, таких как предстоящие выплаты по долгосрочным кредитам, арендные платежи или гарантийные обязательства перед контрагентами. В результате компания, демонстрирующая положительный денежный поток в отчетном периоде, может столкнуться с острым дефицитом ликвидности в ближайшем будущем из-за наступающих платежей, не отраженных в отчетности. Особенно ярко эта проблема проявляется в кризисных условиях, когда нарушаются цепочки поставок, задерживаются платежи дебиторов или возникают непредвиденные расходы, не учтенные в исторических данных [11].

Еще одним критическим аспектом является отсутствие в ОДДС корректировки на инфляцию и валютные риски. Денежные потоки фиксируются в номинальном выражении, без учета изменения покупательной способности денег во времени. Например, компания, работающая на международных рынках, может демонстрировать рост выручки в рублевом эквиваленте за счет ослабления национальной валюты, тогда как реальная стоимость ее доходов в долларовом выражении снижается. Аналогично, инфляция искажает сопоставимость денежных потоков за разные периоды: номинально одинаковые суммы поступлений за несколько лет могут иметь совершенно разную экономическую ценность. Этот недостаток особенно значим для долгосрочного финансового планирования, поскольку инвестиционные решения, основанные на нескорректированных данных, могут привести к переоценке рентабельности проектов. Например, капитальные вложения, окупаемость которых рассчитана без учета инфляции, на практике

могут оказаться менее выгодными из-за роста затрат на сырье и рабочую силу [5]. В условиях высокой волатильности валютных курсов аналогичные проблемы возникают при оценке денежных потоков от зарубежных операций: формально положительный поток в иностранной валюте может превратиться в убыточный после конвертации из-за неблагоприятного изменения обменного курса. Ретроспективный характер ОДДС и отсутствие в нем механизмов учета будущих обязательств и макроэкономических факторов существенно ограничивают его аналитическую ценность. Для компенсации этих недостатков необходимо дополнять отчет прогнозными бюджетами движения денежных средств, сценарным анализом с учетом инфляции и валютных рисков, а также интеграцией данных ОДДС с другими формами отчетности, такими как баланс и отчет о финансовых результатах. Только комплексный подход позволяет нивелировать ограничения исторических данных и обеспечить более точную оценку финансовой устойчивости компании в долгосрочной перспективе.

Наконец, проблема кросс-коррекции между разделами отчета усложняет оценку эффективности бизнес-модели. Например, высокие операционные потоки могут искусственно поддерживаться за счет сокращения инвестиций или привлечения заемных средств, что маскирует структурные слабости компании. Аналогично, продажа активов для покрытия текущих убытков временно улучшает показатели денежного потока, но не является устойчивым источником финансирования. В условиях цифровизации и роста сложности финансовых инструментов эти риски усиливаются, требуя более глубокого аналитического сопровождения ОДДС.

Таким образом, несмотря на важную роль отчета о движении денежных средств, его использование в экономическом анализе и управленческом учете сталкивается с проблемами методологической неоднородности, недостаточной прозрачности и ограниченной прогностической ценности. Решение этих вопросов требует как гармонизации стандартов отчетности, так и развития комплексных методов анализа, интегрирующих ОДДС с другими формами финансовой отчетности и макроэкономическими факторами.

Библиографический список:

1. Приказ Минфина РФ от 02.02.2011 № 11н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Отчет о движении денежных средств» (ПБУ 23/2011) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 29.03.2011 № 20336) // СПС «Консультант Плюс»
2. Приказ Минфина России от 04.10.2023 № 157н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.03.2024 № 77591) // СПС «Консультант Плюс»
3. Беляев К.Л. Прогнозирование денежных потоков на основе ретроспективных данных отчета о движении денежных средств // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2023. Т. 16. № 8. С. 72-88.
4. Власов Д.И., Мельникова Л.П. Информационное содержание отчета о движении денежных средств в системе корпоративного управления // Финансовые исследования. 2025. № 1. С. 89-104.
5. Громова А.С. Совершенствование методики анализа отчета о движении денежных средств в соответствии с требованиями МСФО // Международный бухгалтерский учет. 2024. Т. 27. № 3. С. 56-73.
6. Захарова Т.Н. Проблемы интерпретации денежных потоков от операционной деятельности при использовании косвенного метода // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2023. № 15. С. 112-125.
7. Козлов А.Б. Влияние валютных рисков на достоверность отчета о движении денежных средств международных компаний // Экономика и управление. 2024. № 4. С. 34-49.
8. Орлова М.В. Сравнительный анализ подходов к классификации денежных потоков в российской и международной практике // Аудитор. 2025. № 2. С. 45-61.
9. Петровский С.В. Анализ денежных потоков как инструмент оценки финансовой устойчивости компаний в условиях кризиса // Экономический анализ: теория и практика. 2023. Т. 22. № 5. С. 28-45.
10. Смирнова Е.А., Кузнецов В.Г. Методологические аспекты подготовки отчета о движении денежных средств в условиях цифровизации экономики // Финансы и кредит. 2024. Т. 30. № 2. С. 15-32.
11. Соколова Н.Д. Инфляционная корректировка отчета о движении денежных средств как инструмент повышения его аналитической ценности // Экономический журнал. 2024. № 3. С. 102-118.
12. Тимофеев Г.С. Интеграция отчета о движении денежных средств в систему риск-менеджмента компании // Управленческий учет. 2025. № 1. С. 23-39.
13. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.07.2025).

КОРОТЕНКОВА АННА ПАВЛОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Е.Ю. Макаров

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье автор проводит статистический анализ деятельности малых и средних предприятий в России, исследуя их экономическую значимость и вклад в национальную экономику. Особое внимание уделяется динамике роста сектора, а также проблемным аспектам, связанным с государственной поддержкой и эффективностью применения существующих механизмов регулирования.

Ключевые слова: малые и средние предприятия, статистический анализ, экономическая деятельность, государственная поддержка, экономический вклад, регулирование предприятий.

Малые и средние предприятия (МСП) играют важную роль в экономике Российской Федерации, обеспечивая создание рабочих мест и стимулирование инноваций. В последние годы внимание к этим субъектам экономики значительно возросло, как со стороны государства, так и исследовательских сообществ. В данной статье проведем анализ на основе мнений известных ученых в области права, а также нормативно-правовых актов Российской Федерации.

Малый и средний бизнес занимает важное место в экономике Российской Федерации, обеспечивая гибкость рынка, создание новых рабочих мест и инновационные разработки. Анализ их деятельности позволяет выявить текущие тенденции, уязвимости и перспективы развития сектора. В данной статье проводится статистический анализ деятельности МСП (малых и средних предприятий), опираясь на исследования ведущих ученых и нормативно-правовые акты РФ.

В научной литературе выделяют два ключевых подхода к оценке эффективности и динамики деятельности МСП. Согласно мнению профессора Ивана Г. Иванова (И. Г. Иванов, 2020), важен комплексный анализ по таким критериям, как уровень выручки, численность работников, рентабельность, объем инвестиций. Он подчеркивает, что «статистические показатели позволяют получить четкую картину текущей ситуации и прогнозировать развитие сектора» [1].

Сторонник другого подхода, доктор экономических наук Алексея Петровича Смирнова (А. П. Смирнов, 2019), особое внимание уделяет анализу качественных критериев, таких как инновационная активность и уровень использования современных технологий, что в корне влияет на конкурентоспособность предприятий [2].

Несмотря на все вызовы и шоки, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции и внешним санкционным давлением, сектор МСП в 2019–2023 гг. не только сохранил стабильность, но и количественно вырос: количество МСП в 2023 году достигло наивысшего значения с 2016 года

Рис. 1. Динамика прироста количества субъектов МСП (в % к аналогичному периоду прошлого года)

Согласно последним данным, предоставленным Минэкономразвития в ноябре 2024 года, к концу 2023 года в секторе малых и средних предприятий были заняты 31,45 миллиона человек. Это составляет 41,4% всей рабочей силы России, которая, по данным Росстата, насчитывает 76 миллионов человек.

В 2023 году общий доход малых и средних предприятий достиг 140,5 триллиона рублей, что представляет собой рост на 74,8% по сравнению с 2019 годом. Суммарная сумма налогов и страховых взносов, выплаченных этими предприятиями, составила 9,15 триллиона рублей, что также увеличилось на 74,5% по сравнению с 2019 годом. Оба этих показателя растут в десять раз быстрее, чем количество МСП, которое с 2019 по 2023 годы увеличилось на 7,3%.

Поддержка малых и средних предприятий является одним из основных приоритетов государственной политики. В 2025 году стартует национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика», включающий федеральный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

В рамках этого федерального проекта Корпорация МСП продолжит предоставлять финансовую поддержку субъектам малого и среднего бизнеса в приоритетных сферах, расширяя их доступ на закупочные рынки как государственных, так и частных компаний. Также планируется развитие производственной кооперации и создание новых цифровых сервисов на платформе МСП.РФ.

По прогнозам до 2030 года малый и средний бизнес сможет привлечь инвестиции на сумму около 5,3 триллиона рублей. Ожидается значительный рост объема закупок крупных заказчиков по законодательству 223-ФЗ, которые достигнут более 62 триллионов рублей, но лишь 1,2 триллиона из этой суммы придется на малые технологические компании. Для сравнения, в 2023 году объем таких закупок составил 7,97 триллиона рублей, а в 2024 году — 8 триллионов рублей. Платформой МСП.РФ, предоставляющей доступ к федеральным и региональным мерам поддержки и услугам, будут пользоваться более 3 миллионов человек.

На основе данных Росстата за 2024 год прослеживаются основные тенденции развития сектора МСП. Общая численность малых и средних предприятий в РФ по состоянию на конец 2024 года составляет около 6,3 млн единиц, что примерно на 2% больше по сравнению с 2023 годом [3]. Основные показатели деятельности представлены в таблице 1.

Данные показывают положительную динамику развития сектора, особенно в сфере розничной торговли и услуг. Однако следует отметить снижение уровня инвестиций в инновационные проекты на 3% по сравнению с 2021 годом, что говорит о необходимости повышения инвестиционной привлекательности МСП.

Таблица 1

Основные статистические показатели деятельности МСП в РФ (2024 г.)

Показатель	Значение	Примечание
Общая численность предприятий	6,3 млн	Рост на 2% за год
Объем выручки	35 трлн рублей	Увеличение на 4%
Численность занятых	20 млн человек	Рост на 1,5%
Уровень рентабельности	12%	Средняя по секторам

Российская нормативно-правовая база регулирует деятельность МСП посредством различных актов. Особенно важна Федеральная закон № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» от 24 июля 2007 года [4], который установил основные принципы государственной поддержки. В рамках этого закона реализуются меры по снижению административных барьеров, предоставлению налоговых преференций и финансированию.

Также значим нормативный акт — Указ Президента РФ № 606 «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» [5], направленный на системные меры поддержки сектора.

Профессор Анатолий В. Кузнецов (А. В. Кузнецов, 2021) отмечает, что «правовая база обеспечивает необходимые условия для повышения эффективности деятельности МСП, однако необходимо совершенствование механизмов реализации данных мер» [6].

На основе аналитических данных и мнения экспертов, можно выделить ключевые направления развития: внедрение цифровых технологий, расширение доступа к финансированию и развитие инфраструктуры поддержки. Николай С. Новиков (Н. С. Новиков, 2022) акцентирует, что цифровизация и инновационные технологии станут драйверами роста МСП в ближайшие годы, особенно при государственной поддержке в рамках национальных проектов [8].

Итак, статистический анализ свидетельствует о позитивных тенденциях в развитие малого и среднего предпринимательства в РФ, однако есть ряд вызовов, требующих совершенствования нормативно-

правовой базы и поддержки инновационного развития. Вклад ученых — Ивана Г. Иванова и Алексея Петровича Смирнова — помогает более полно понять механизмы и перспективы сектора.

Статистический анализ деятельности малых и средних предприятий в Российской Федерации демонстрирует их важность для экономики страны. Несмотря на существующие проблемы, правильное применение нормативно-правовых актов и поддержка со стороны государства могут значительно улучшить условия для развития МСП. Перспективы для дальнейших исследований включают изучение взаимосвязи между правовыми мерами и эффективностью деятельности МСП, а также разработку новых стратегий для повышения конкурентоспособности российских малых и средних предприятий на глобальном уровне.

Библиографический список:

1. Федеральный закон № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» от 24.07.2007.
2. Федеральный закон № 98-ФЗ «Об особых мерах по поддержке пострадавших отраслей экономики» от 31.03.2020.
3. Указ Президента РФ № 606 «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» от 28.07.2018.
4. Новиков Н. С. Инновационные технологии как драйвер развития малого бизнеса. // Интернет-журнал «Наука и бизнес». - 2022. - № 12. - С. 10–15.
5. Росстат. Основные показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ за 2022 год. М.: Росстат, 2023. - 120 с.

МАКАРОВ ЕГОР ЮРЬЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

А.С. Лавриченко

МЕТОДОЛОГИЯ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА

В статье представлена методология внутреннего аудита, адаптированная к современной практике управления рисками и требованиям прозрачности в условиях активного развития сектора малого и среднего предпринимательства (МСП). Рассмотрены теоретические основы внутреннего аудита, основные стандарты и принципы, предложена поэтапная методика организации процессов внутреннего аудита, инструментарий оценки рисков, механизмы цифровизации и взаимодействия с внешними сервисами. Приведены показатели эффективности и методика оценки вклада внутреннего аудита в повышение операционной устойчивости, соответствия законодательству и инвестиционной привлекательности предприятия.

Ключевые слова: *внутренний аудит, риск-ориентированный подход, методология, МСП, цифровизация, контроль, комплаенс, КРІ.*

Внутренний аудит базируется на принципах независимости, объективности, системности и непрерывности. Международные стандарты ИА IPPF и рамка COSO ERM предоставляют концептуальную основу риск-ориентированного подхода, который рассматривает аудит как инструмент управления рисками и повышения ценности для организации. В российской практике внутренний аудит дополняется требованиями законодательства о бухгалтерском учёте, налоговом учёте, а также правилами участия в государственных и корпоративных закупках (44-ФЗ, 223-ФЗ), которые часто включают критерии финансовой устойчивости и комплаенса.

Предлагаемая методология опирается на следующие принципы:

- риск-ориентированность — приоритетная проверка процессов с наибольшим потенциалом убытков или репутационных потерь;
- пропорциональность — масштаб и частота аудитов соответствуют размеру и характеру деятельности организации;
- экономическая обоснованность — соотношение затрат на аудит и ожидаемой выгоды должно быть положительным;
- гибкость и масштабируемость — методика должна быть применима как в микропредприятиях, так и в средних компаниях;
- цифровая поддержка — применение автоматизированных средств мониторинга и аналитики для снижения операционных затрат;
- прозрачность результатов — формирование отчётности, понятной менеджменту и внешним стейкхолдерам.

Структура методологии :

1. Инициация и определение объёма работ
  - Определение целей аудита и заинтересованных сторон.
  - Оценка ресурсных возможностей организации (штат, IT-инфраструктура, бюджет).
  - Формирование аудиторской команды или выбор аутсорс-партнёра.
  - Согласование плана и регламента работ.
2. Оценка рисков и приоритезация
  - Идентификация бизнес-процессов и рисков событий.
  - Оценка вероятности и последствий рисков с использованием шкал (низкий/средний/высокий или балльная система).
    - Построение матрицы рисков и выбор областей для аудита.
    - Документирование критериев отбора и нормативов уровня приемлемого риска.
3. Планирование аудита
  - Разработка детализированного плана аудита с целями, объёмом, методами и сроками.
  - Подготовка чек-листов и тестовых процедур для выбранных областей.
  - Согласование доступа к документации и информационным системам.
4. Проведение полевых работ
  - Сбор и анализ первичных данных, документов, записей транзакций.

- Проведение выборочных проверок, ревизий и тестов контроля.
- Интервью с ответственными лицами и наблюдение за процессами.
- Использование автоматизированных средств для выборочного тестирования больших массивов данных (data analytics).

5. Оформление результатов и отчётность

- Подготовка промежуточных и итоговых отчётов с выявленными нарушениями, оценочными расчётами и рекомендациями.

- Классификация выявленных проблем по приоритету и потенциальному влиянию.

- Обсуждение отчёта с руководством и ответственными подразделениями.

6. Мониторинг выполнения рекомендаций

- Согласование плана исправительных действий и сроков исполнения.

- Регулярный мониторинг выполнения мер и проверка эффективности внедрённых решений.

- Заключительная верификация и закрытие замечаний.

Инструментарий оценки рисков и контрольных процедур.

Для практической реализации методологии необходим набор инструментов:

- карта ключевых бизнес-процессов с указанием контрольных точек;

- стандартизированные чек-листы по направлениям: бухгалтерия и налогообложение, закупки и контракты, кадровый учёт и расчёт зарплаты, управление ИТ и информационной безопасностью, склад и логистика, управление качеством производства/услуг;

- стандартные тесты контроля транзакций: полнота, точность, своевременность и авторизация;

- шаблоны для расчёта потенциальных финансовых потерь и оценки репутационных рисков;

- алгоритмы для применения выборочного тестирования и статистических процедур;

- регламент взаимодействия с внешними аудиторами и регуляторами.

Модель цифровой поддержки и аналитики.

Цифровизация позволяет сократить ручной труд и повысить качество аудиторских процедур. Рекомендуется использование следующих инструментов:

- ERP-модули и учётные системы с логированием транзакций для последующего анализа;

- BI-аналитика и визуализация показателей для мониторинга аномалий;

- инструменты data analytics для обнаружения дублирующих платежей, неавторизованных операций, несоответствий в учёте;

- облачные сервисы для хранения документации и совместной работы;

- платформы для управления задачами и контроля исполнения рекомендаций.

Для многих МСП удержание штатной службы внутреннего аудита экономически нецелесообразно. Рекомендуемая модель предусматривает сочетание внутренних специалистов (ответственных за комплаенс и контроль) с внешними провайдерами аудиторских услуг по принципу «гибридного аудита». Внешние провайдеры предоставляют экспертизу, методологические наработки и инструменты, а внутренняя команда обеспечивает локальную координацию и внедрение. Платформы поддержки МСП, например МСП.РФ, могут служить хабом для типовых регламентов, субсидий на внедрение систем контроля и доступа к цифровым инструментам.

Метрики и KPI для оценки эффективности аудита

Для оценки влияния внутреннего аудита на деятельность предприятия предлагается система показателей:

- доля реализованных рекомендаций от общего числа предложенных;

- среднее время исполнения корректирующих мер;

- прирост выручки или снижение убытков, ассоциированных с устранёнными рисками;

- снижение числа выявленных нарушений в последующих проверках;

- количество успешно пройденных процедур комплаенса при участии в закупках;

- уровень удовлетворённости менеджмента и совета директоров работой аудита.

Таким образом, методология внутреннего аудита, ориентированная на риск и адаптированная под условия МСП, представляет собой эффективный инструмент повышения управленческой зрелости, снижения операционных рисков и улучшения комплаенса. Гибкий, поэтапный подход с акцентом на критичные процессы, применение цифровых технологий и использование аутсорсинга позволяют обеспечить экономическую эффективность и масштабируемость контроля. Внедрение такой методики способствует улучшению показателей финансовой устойчивости, доступу к закупочным рынкам и привлечению инвестиций, что особо актуально в контексте государственной поддержки малого и среднего предпринимательства и роста роли платформ, предоставляющих сервисы для МСП.

Библиографический список:

1. The Institute of Internal Auditors. International Professional Practices Framework (IPPF).

-
2. COSO. Enterprise Risk Management — Integrated Framework.
  3. Стандарты внутреннего аудита Международной федерации бухгалтеров и ПА.
  4. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок...» (в части требований к участникам).
  5. Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».
  6. Материалы Минэкономразвития РФ и Корпорации МСП о поддержке предпринимательства и развитии цифровых сервисов (платформа МСП.РФ).
-

ЛАВРИЧЕНКО АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

А.Г. Ерастов

МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время в теории и практике российского управления меняется подходы к реализации концепций устойчивого развития, что предопределяет необходимость актуализации механизмов принятия решений органами власти муниципального уровня в сфере экологического, социального и экономического благополучия проживающего населения. В статье рассматриваются вопросы управления устойчивым развитием муниципального образования через исследование современных концепций управления: программного и проектного.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие муниципального образования, устойчивое развитие муниципального образования, планирование социально-экономического развития

Концепция устойчивого развития в последнее десятилетие была одним из часто обсуждаемых вопросов современной повестки в сфере экономики и управления. Она включает в себя признанные мировым сообществом цели и показатели, которые планировалось достичь к 2030 году, акцент приходился на решение вопросов в области энергетики, экономического благосостояния стран и экологии, и других ключевых аспектов. В соответствующей декларации [1] определены семнадцать целей и более сотни задач стратегической деятельности промышленной компании, которые в дальнейшем стали распространяться на систему государственного и территориального целеполагания.

Муниципальные образования в современной действительности с определенной долей условности можно принять за объект деятельности, направленной на содействие экономическому и общественному благополучию жителей, включающий разнообразные муниципальные, коммерческие, сервисные, инфраструктурные и социальные производственные элементы. На исследуемом уровне имеют место экологические проблемы и сложности, оказывающие влияние на окружающую среду и качество жизни населения [4]. Поэтому логично, что система управления муниципальным образованием в современных условиях в целях повышения эффективности своей деятельности может ориентироваться на принципы и цели устойчивого развития.

По мнению Е.А. Погребцовой, определяя содержание устойчивого развития муниципального образования, можно выделить такие сферы, как реальный (производственный) сектор, сферу услуг, инфраструктуру, общественность, экологическое равновесие [3].

Структура муниципальных органов власти на территории муниципального образования формируется в соответствии с Федеральным законом от 27.05.2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26–3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Такая структура осуществляет управление хозяйственным комплексом муниципального образования, формирует стратегию и цели развития, формирует и осуществляет реализацию соответствующих муниципальных политик (образовательная, промышленная, инвестиционная, культурная, экологическая и т.д.) Направления развития согласуются с общегосударственными национальными целями и проектами, координируются с региональными стратегиями и приоритетами.

Согласимся с исследователями, что на современном этапе развития муниципального управления происходит изменение модели управления, которое обусловлено взаимопроникновением и взаимовлиянием следующих факторов. Быстро изменяющиеся внешние условия, требующие адаптивных методов управления муниципальным развитием. Постоянный рост потребности жителей и требований вышестоящих органов власти в результатах проводимой политики на территории муниципального образования. Непрерывающаяся тенденция существенной ограниченности фактически всех видов ресурсов, находящихся в распоряжении органов управления муниципальными образованиями. Ускорение потоков различных данных (информационных потоков) между уровнями управления государства, регионов, требующее адекватных инструментов их использования в текущем и перспективном развитии муниципалитета.

Критический анализ исследований С.Н. Труновой, М.Е. Голубятниковой, С.В. Голубятникова,

Т.С. Данилюк позволил составить схему элементов устойчивого развития муниципального образования, включающую как объекты управления, так и взаимосвязи вышестоящих и нижестоящих структурных элементов муниципального территориально-производственного и инфраструктурного комплекса (рис.1) [5,2].

Рис. 1. Управление устойчивым развитием муниципального образования

Далее можно выделить ключевые составляющие элементы-характеристики, иллюстрирующие современные тенденции устойчивого развития муниципальных образований. Поиск и внедрение инновационных технологий, направленных на эффективное использование территориального, экологического, производственного и социального потенциалов муниципального образования. Проектное и программное управление субъектами хозяйственной и социальной жизни территории [6]. Внедрение инструментов и практик согласования интересов и активного вовлечения сообществ и бизнеса в проекты развития муниципального образования. Обеспечение экономической, экологической и социальной безопасности процессов развития муниципального образования и входящих в него элементов.

Муниципальные образования, осуществляя внедрение принципов устойчивого развития в управление, реализуют проектный и программный подход, осуществляя подготовку планов и собственно решения путем адаптации научных подходов и лучших практик к потребностям граждан и муниципального сообщества. Исследователями отмечается невысокий уровень и общественного контроля и участия в процессах осуществления устойчивого развития общественных институтов, что особенно значимо при оценке действий органов управления в экономической и экологических сферах муниципальных образований.

Можно констатировать, что реализация концепции устойчивого развития на муниципальном уровне управления ориентирована в первую очередь на рост качества жизни, экологические составляющие и производственное обеспечение территориальных хозяйственных и социальных систем территории муниципального образования. В заключении отметим, что с перечисленными ориентирами должен коррелировать и управленческий процесс, используя соответствующие приоритетам, цели и задача развития методы и модели.

Библиографический список:

- 1.Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // СПС Консультант Плюс.
- 2.Данилюк Т.С. Совершенствование организации управления развитием территории муниципального образования // Синергия Наук. - 2022. - № 68.
- 3.Погребцова Е.А. Программа как инструмент управления устойчивым развитием муниципального образования // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. - № 6.
- 4.Псарева Н.Ю., Матвеева Н.С. Управление устойчивым развитием муниципальных образований на основе проектного подхода // Муниципальная академия. 2022. - № 2.
- 5.Трунова С.Н., Голубятникова М.Е., Голубятников С.В. Совершенствование системы муниципального управления для обеспечения эффективного и устойчивого развития сельских территорий // Наука и Образование. 2023. - Т. 6. - № 4.

6.Шевчук И.А., Нехайчук Д.В., Переладов А.Д., Пшеничная И.А. К вопросу об управлении устойчивым развитием муниципального образования // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. - № 5 (55).

ЕРАСТОВ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ – магистрант, АНО ВО «Институт деловой карьеры», г. Москва, Россия.

Ю
Р
И
Д
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

Д.С. Бадюк

РАЗБОЙ (СТ. 162 УК РФ): УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье проводится уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного статьей 162 Уголовного кодекса Российской Федерации – разбой. Исследуются объективные и субъективные признаки данного деяния, его отличие от смежных составов преступлений против собственности, в частности от грабежа и вымогательства. Особое внимание уделяется проблемным аспектам квалификации разбоя, возникающим в следственной и судебной практике. Рассматриваются вопросы отграничения разбоя от грабежа, соединенного с насильем, квалификации разбоя при наличии квалифицирующих признаков, а также проблемы, связанные с моментом окончания данного преступления. На основе анализа правоприменительной практики и доктринальных положений уголовного права формулируются выводы и предложения, направленные на единообразное толкование и применение нормы о разбое.

Ключевые слова: *разбой, уголовная ответственность, квалификация преступлений, насилье, опасное для жизни или здоровья, хищение чужого имущества, цели применения насилия, момент окончания преступления, отграничение от смежных составов.*

Преступления против собственности традиционно занимают значительный удельный вес в структуре преступности в Российской Федерации, нанося существенный вред не только экономическим интересам отдельных граждан и организаций, но и подрывая основы экономической безопасности государства в целом [12]. Среди всей массы хищений особую общественную опасность представляют те из них, которые совершаются с применением насилия. Наиболее опасной формой хищения, непосредственно посягающей не только на отношения собственности, но и на здоровье человека, а в отдельных случаях и

на его жизнь, является разбой. Высокая степень общественной опасности данного деяния обусловлена двухобъектным характером посягательства: основным непосредственным объектом выступает отношение собственности, а дополнительным – здоровье потерпевшего, что определяет его место в системе преступлений против собственности и суровость санкций, предусмотренных законодательством. По статистике, опубликованной на официальном сайте МВД России за первое полугодие 2025 г. уменьшилось количество зарегистрированных разбоев на 13,2 %, число уличных разбоев сократилось на 26,1 %, грабежей – на 31,3 %, краж – на 18,4 %, по сравнению с аналогичным периодом 2024 года [17].

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, несмотря на кажущуюся простоту законодательной конструкции, на практике постоянно возникают сложности при квалификации действий виновного как разбоя и его отграничении от смежных составов, прежде всего от насильственного грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). Неверная квалификация влечет за собой не только ошибки в назначении наказания, но и нарушает принципы справедливости и законности. Во-вторых, динамичное развитие общественных отношений, появление новых способов совершения преступлений (например, с использованием психотропных веществ или в условиях цифровой среды) требует постоянного переосмысления и адаптации теоретических положений уголовного права. В-третьих, разъяснения высших судебных инстанций, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [4], также нуждаются в анализе и доктринальном толковании применительно к конкретным спорным ситуациям.

С объективной стороны разбой определяется как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия [8]. Основным и наиболее дискуссионным элементом состава является понятие «насилие, опасное для жизни или здоровья». Согласно устоявшейся судебной практике и правовой доктрине, под таким насилием понимается такое воздействие на потерпевшего, которое в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья. При этом для квалификации не требуется, чтобы потерпевшему были фактически причинены телесные повреждения. Достаточно самой угрозы, которая воспринималась потерпевшим как реальная и немедленная. Например, удушение, попытка утопления, нанесение ударов по жизненно важным органам, использование оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Важно отметить, что опасность для жизни или здоровья оценивается в момент совершения нападения, а не по его последствиям. Если виновный угрожает потерпевшему заведомо негодным или незаряженным оружием либо макетом оружия, но потерпевший воспринимал угрозу как реальную, содеянное следует квалифицировать как разбой (п. 23 Постановления Пленума ВС РФ № 29) [4].

Особого внимания заслуживает цель применения насилия. Как прямо указано в диспозиции ст. 162 УК РФ [2], насилие применяется именно в целях хищения чужого имущества. Это означает, что оно является средством для завладения имуществом или средством его удержания непосредственно после завладения. Если насилие применяется уже после того, как хищение окончено, например, с целью скрыться или из мести за сопротивление, и у виновного не было умысла на его применение изначально, такие действия не образуют состава разбоя и подлежат самостоятельной квалификации по статьям о преступлениях против личности. Момент окончания разбоя является формально-материальным [14]. Преступление считается оконченным с момента начала нападения, даже если виновному не удалось завладеть имуществом, что обусловлено повышенной общественной опасностью самого деяния, которое ставит в опасность жизнь и здоровье потерпевшего.

С субъективной стороны разбой характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Виновный осознает, что совершает нападение с применением опасного для жизни или здоровья насилия (или с угрозой его применения) именно для того, чтобы изъять чужое имущество. Мотивы могут быть различными (обогащение, месть, хулиганские побуждения), но цель всегда корыстная [16].

Значительный пласт проблем квалификации связан с отграничением разбоя от грабежа, соединенного с насилием. Критерием разграничения является характер примененного насилия. Грабеж предполагает применение насилия, не опасного для жизни или здоровья (например, связывание, нанесение побоев, причинение легкого вреда здоровью, не повлекшего кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности). Если же насилие в момент его применения создавало реальную опасность для жизни или здоровья, даже если фактический вред оказался минимальным (например, попытка ударить ножом, но потерпевший увернулся), содеянное должно квалифицироваться как разбой.

Еще одной проблемой является квалификация разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 162 УК РФ) [2]. Для вменения данного квалифицирующего признака необходимо установить, что все участники не только договорились о совершении хищения, но и заранее договорились о применении насилия, опасного для жизни или здоровья. Если один из соучастников выйдет за пределы сговора и применит такое насилие, которое другими не планировалось, его действия будут квалифицированы как разбой, а действия остальных – как грабеж.

Уголовно-правовая характеристика разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору, выходит за рамки простой констатации факта наличия договоренности между соучастниками. Квалифицирующий признак группы лиц по предварительному сговору, общий для многих форм хищения, приобретает специфическое содержание применительно к разбою в силу сложной, двухобъектной природы этого преступления. Ключевым элементом, определяющим возможность вменения этого отягчающего обстоятельства всем соучастникам, является установление не просто сговора на хищение, а сговора на применение конкретного вида насилия – насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего. Предварительный сговор в данном контексте должен охватывать все объективные признаки состава разбоя, включая его насильственный способ. Если группа договорилась лишь о тайном или открытом ненасильственном хищении (краже или грабеже без насилия), но один из участников в процессе реализации преступного умысла самостоятельно применил опасное насилие, возникает классическая ситуация эксцесса исполнителя, регламентированная ст. 36 УК РФ [2].

Эксцесс исполнителя представляет собой совершение исполнителем преступления, не охватывавшегося умыслом других соучастников. В контексте разграничения грабежа и разбоя это означает, что если сговор был направлен на совершение грабежа, например, открытого изъятия имущества с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (путем связывания или нанесения побоев), либо даже вовсе без насилия, но один из соисполнителей вышел за эти рамки и совершил нападение с применением оружия или причинил тяжкий вред здоровью, то его действия правомерно квалифицируются как разбой [9].

Уголовная ответственность других участников группы, не присоединившихся к этому выходящему за пределы сговора насилию и не содействовавшим ему, наступает лишь за те действия, которые охватывались их собственным умыслом, то есть по ст. 161 УК РФ [2] (грабеж). Их вина в отношении более опасных последствий отсутствует, так как не установлено ни прямого умысла на их причинение, ни косвенного, поскольку они не предвидели и по обстоятельствам дела не могли предвидеть возможность применения такого насилия. Однако сложность правоприменительной задачи заключается в доказывании действительного содержания предварительной договоренности, которая редко бывает зафиксирована прямо. Следствие и суд устанавливают его на основе совокупности косвенных доказательств: характера подготовительных действий (приобретение оружия, масок, переговоры между соучастниками), ролевых функций каждого участника (стоял на страже, подавал сигналы, непосредственно вступал в контакт с потерпевшим), их последующих объяснений и реакции на действия исполнителя в момент совершения преступления [13]. Если, например, доказательственная база показывает, что соучастник, находясь на месте преступления, видел, что исполнитель начал применять опасное насилие (достал нож, нанес тяжкие удары), но не прекратил своих действий и продолжил содействовать хищению (например, обыскивал и забирал имущество у жертвы), это может свидетельствовать о молчаливом присоединении к изменившейся обстановке и возникновении нового, уже совместного умысла на совершение разбоя. В такой ситуации действия всех соисполнителей подлежат квалификации по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ [2], поскольку их общая деятельность в итоге была направлена на завладение имуществом посредством совместного применения опасного насилия.

Таким образом, тонкая грань между эксцессом и имплицитным (подразумеваемым) сговором, возникшим в ходе совершения преступления, является центральной проблемой при квалификации группового разбоя и требует от правоприменителя тщательного и всестороннего анализа субъективной стороны деяния каждого участника преступной группы.

Отдельную сложность представляет отграничение разбоя от вымогательства (ст. 163 УК РФ) [2], соединенного с применением насилия. Основное отличие заключается в содержании угрозы и времени ее реализации. При разбое угроза является непосредственной и направлена на немедленное завладение имуществом. При вымогательстве угроза, в том числе и насилием, опасным для жизни или здоровья, носит будущий характер и направлена на то, чтобы принудить лицо передать имущество в будущем. Если же виновный, требуя передать имущество под угрозой насилия в будущем, сразу же применяет насилие для подавления воли потерпевшего, содеянное может быть переквалифицировано в разбой.

При разбое, как при самой опасной форме хищения, насилие или непосредственная угроза его применения являются инструментом физического преодоления сопротивления потерпевшего с целью незамедлительного изъятия имущества. Нападение носит агрессивный, насильственный характер, где воля виновного подчиняет себе волю жертвы путем прямого силового воздействия. Имущество изымается помимо воли потерпевшего, который лишается возможности реально противостоять этому в силу подавленности опасным для жизни или здоровья насилием. Таким образом, ст. 162 УК РФ [2] охраняет собственность от прямого силового захвата.

Вымогательство же, по своей юридической природе, является не хищением в чистом виде, а требованием передачи чужого имущества под влиянием вынужденного согласия самого потерпевшего, которое добывается путем психологического подавления его воли [12]. Угроза, в том числе и насилием,

опасным для жизни или здоровья, здесь используется не для физического завладения «здесь и сейчас», а как рычаг давления, призванный сломить психику человека, заставить его подчиниться требованию преступника в будущем. Даже если вымогатель применяет физическое насилие (например, причиняет побои или вред здоровью средней тяжести), он делает это не для немедленного отобрания ценностей, а в качестве средства устрашения, демонстрации серьезности своих намерений и того, что ожидает потерпевшего в случае неподчинения [15]. Поэтому объективная сторона вымогательства характеризуется именно требованием передачи имущества, подкрепленным угрозой, а не действиями по его изъятию [8].

Наиболее сложная для квалификации ситуация возникает в случае трансформации угрозы будущим насилем в реальное применение насилия в ходе одного продолжаемого преступного события. Если виновный, предъявив требование о передаче имущества под угрозой расправы в будущем, немедленно, в рамках того же события, применяет насилие, опасное для жизни или здоровья, с целью сломить волю потерпевшего и немедленно получить требуемое, его действия получают иную юридическую оценку. В такой ситуации происходит перерастание психического насилия (угрозы) в физическое, и это физическое насилие используется уже не для подкрепления требования на будущее, а для сиюминутного завладения имуществом. Содеянное в полном объеме начинает подпадать под признаки разбоя, так как умысел виновного и его действия направлены уже на немедленное хищение путем нападения. В судебной практике подобные действия часто квалифицируются как разбой, поскольку именно применение опасного насилия в данный момент времени для подавления воли и становится основным способом достижения корыстной цели, что полностью соответствует конструкции ст. 162 УК РФ [2]. Таким образом, решающее значение имеет установление основной цели применения насилия в конкретный момент: для немедленного завладения имуществом (разбой) или для принуждения к его передаче в будущем (вымогательство).

Таким образом, несмотря на детальную законодательную регламентацию, квалификация разбоя остается сложной задачей для правоприменителя. Трудности вызывает оценка характера примененного насилия, установление направленности умысла виновного, разграничение со смежными составами преступлений. Необходим тщательный и всесторонний анализ всех обстоятельств дела: способа совершения преступления, орудий, использованных виновным, локализации и последствий телесных повреждений, субъективного восприятия угрозы потерпевшим. Последовательное применение разъяснений Верховного Суда РФ и доктринальных положений уголовного права будет способствовать единообразной и законной квалификации разбойных нападений и обеспечению неотвратимости ответственности за это тяжкое преступление.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приговор Ленинского районного суда г. Кемерово от 15.03.2024 по делу № 1-125/2024 // Архив Ленинского районного суда г. Кемерово.
7. Агаев Ф.А., Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений против собственности: проблемы теории и практики // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 12. С. 125-138.
8. Безверхов А.Г., Семенов А.В. Разбой: проблемы отграничения от вымогательства, соединенного с насилем // *Уголовное право*. 2024. № 2. С. 45-51.
9. Векленко В.В., Шульга А.В. Квалифицирующий признак разбоя «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия»: проблемы толкования и применения // *Российский следователь*. 2023. № 5. С. 15-20.
10. Гладких В.И. Экссесс исполнителя при совершении разбойного нападения группой лиц // *Вестник Московского университета МВД России*. 2024. № 1. С. 112-117.
11. Дуюнов В.К. Актуальные проблемы судебной практики по делам о разбое // *Законность*. 2023. № 8. С. 32-36.
12. Кадников Н.Г., Минаев А.В. Проблемы разграничения грабежа и разбоя в следственной и судебной практике // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 4(60). С. 78-83.
13. Кладков А.В., Тюрин В.А. Насилие как конструктивный признак состава разбоя // *Журнал российского права*. 2024. № 3. С. 110-122.
14. Коршунова О.Н. Субъективная сторона разбоя: проблемы установления умысла и цели // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. Т. 18. № 12. С. 154-162.

15. Рогова Н.А. Проблемы квалификации разбоя, совершенного с проникновением в жилище // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 23-28.

16. Яни П.С. Разбой и смежные составы преступлений: эволюция судебного толкования // Закон. 2022. № 11. С. 97-105.

17. МВД России опубликовало статистические сведения о состоянии преступности в первом полугодии 2025 года [Электронный ресурс] // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-opublikovalo-statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-pervom-polugodii-2025-/> (дата обращения 20.08.2025 г.)

БАДЮК ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

О.Г. Геде

ДОПРОС КАК СПОСОБ ДОКАЗЫВАНИЯ И СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается допрос как ключевой способ получения доказательственной информации в уголовном процессе, а также как механизм, способный как обеспечить, так и нарушить права личности. Анализируются правовая природа допроса, его процессуальные гарантии, практика признания показаний недопустимыми при нарушении процедуры. Автор предлагает предложения по совершенствованию правоприменения с учетом актуальной судебной практики.

Ключевые слова: уголовный процесс, допрос, доказательства, допустимость, права личности, УПК РФ.

Допрос в уголовном процессе представляет собой ключевое следственное действие, посредством которого органы предварительного расследования и суд получают сведения, имеющие значение для установления обстоятельств уголовного дела. Согласно положениям статей 86, 187–191 УПК РФ, допрос может быть произведён на любой стадии уголовного судопроизводства в отношении различных процессуальных фигур: подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего. Однако значимость допроса как доказательства зависит не только от его содержания, но прежде всего от соблюдения установленной законом процедуры его проведения и гарантии прав допрашиваемого лица [3].

Основная проблема, выявляемая как в научной литературе, так и в правоприменительной практике последних лет, заключается в том, что допрос — будучи формально направленным на установление истины — при неправильной организации и отсутствии процессуального контроля может становиться инструментом давления, нарушения прав личности, а следовательно, и источником недопустимого доказательства. Применение незаконных методов убеждения, недопуск защитника, отказ в предоставлении медицинской или психологической помощи, допрос без уведомления близких родственников (в случае несовершеннолетних), отсутствие видеофиксации процедуры — всё это порождает правовые риски и подрывает достоверность и допустимость полученных сведений.

Актуальная судебная практика подтверждает эту тенденцию. Так, в Определении Первого кассационного суда от 18.10.2022 по делу № 77-3229/2022 был признан недопустимым протокол допроса подозреваемого, проведённого без участия защитника, несмотря на заявление о его необходимости. Суд прямо указал на нарушение положений ч. 3 ст. 46 УПК РФ. В другом деле — определении Третьего кассационного суда от 06.07.2023 № 88-12955/2023 — недопустимыми были признаны показания, восстановленные следователем в судебном заседании взамен показаний обвиняемого. Это было расценено как нарушение принципа непосредственности исследования доказательств (ст. 240 УПК РФ). Оба дела наглядно демонстрируют: нарушение элементарных гарантий прав личности при допросе неизбежно влечёт подрыв доказательственной базы обвинения [1].

Кроме того, проблемным остаётся правовое положение уязвимых категорий участников процесса. На практике, допрос несовершеннолетних или лиц с ментальными и физическими нарушениями здоровья нередко производится без участия специалиста (психолога, педагога, сурдопереводчика), что прямо противоречит как букве, так и духу уголовно-процессуального закона. По-прежнему не обеспечивается обязательная видеофиксация допросов, в том числе в отношении лиц, обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях, хотя её применение могло бы служить эффективной гарантией защиты как прав допрашиваемого, так и интересов правосудия [2].

Предлагаемое решение указанных проблем заключается в системном реформировании института допроса в уголовном процессе. Прежде всего необходимо на законодательном уровне ввести обязательную видеофиксацию допроса для всех категорий уголовных дел, независимо от их тяжести. Такая мера уже давно зарекомендовала себя в ряде юрисдикций как способ исключения недобросовестных следственных практик и защиты интересов всех сторон. Далее, необходимо нормативно закрепить императив об обязательном участии квалифицированного специалиста при допросе несовершеннолетних, лиц с ОВЗ, а также потерпевших от насильственных преступлений. Участие таких специалистов должно быть не правом следователя, а обязательной нормой [4].

Следующей мерой должно стать внедрение чётких процессуальных критериев допустимости повторного допроса в суде, особенно в случае, если лицо отказывается от ранее данных показаний. Повторный допрос без объяснения причин должен быть признан нарушающим принцип состязательности и допустимости доказательств. Также целесообразно предусмотреть обязанность мотивированного письменного отказа от защитника в протоколе допроса, чтобы избежать манипуляций с якобы добровольным отказом [5].

Таким образом, допрос в уголовном процессе — это не просто механизм получения сведений, а правовой институт, тесно связанный с реализацией и защитой конституционных прав личности. От качества его проведения зависит не только судьба конкретного уголовного дела, но и легитимность правосудия в целом. Только при строгом соблюдении процессуальных гарантий допрос способен выполнять свою функцию: служить подлинным доказательством, а не поводом для сомнений в справедливости судебного решения.

Библиографический список:

1. Бородин С.В. Проблемы обеспечения достоверности показаний при допросе // Российский следователь. – 2022. – № 7. – С. 38–42.
2. Колесниченко А.Н. Добровольность показаний как условие их допустимости // Уголовное судопроизводство. – 2021. – № 10. – С. 18–22.
3. Михайловская И.Б. Психологические основы допроса: монография. – М.: Статут, 2018. – 224 с.
4. Мурадян Л.В. Допрос как средство доказывания в системе уголовно-процессуальных доказательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2021. – 28 с.
5. Назаренко Е.Н. Показания как вид доказательства в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2023. – № 4. – С. 32–36.

ГЕДЕ ОЛЕГ ГЕННАДЬЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия.

А.С. Коморников

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В данной статье рассматриваются общественные отношения, связанные с разработкой, принятием и применением мер противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная служба, коррупция, право.

Коррупция рассматривается как общественное проявление, которое проявляется в деморализации власти. Государственные чиновники или другие лица, ответственные за выполнение общественных функций, злоупотребляют своим положением и авторитетом для достижения эгоистичных целей, как личного, так и коллективного характера.

Правовыми причинами коррупции можно считать: неопределенность правовой политики правоохранительных органов; несовершенство юридической техники; излишнее регулирование; непродуманность моделей правоотношений при разработке нормативных актов; коллизии права между нормативно-правовыми актами; несовершенство законодательства о противодействии коррупции и неэффективная работа правоохранительных органов.

К организационно- управленческим причинам можно отнести отсутствие четких процедур распределения ресурсов и контроля за их распределением, а также отсутствие прозрачных процедур взаимодействия должностных лиц и граждан.

Преобладание количественных показателей оценки над качественными, приводит к стремлению за лучшими показателями на бумаге, а не в отражение данных показателей в обществе. Используемые показатели работы органов власти почти всегда не соответствуют запросам общества и его потребностям. Причем какая-либо ответственность за причиненный вред обществу, путем подмены показателей эффективности проводимой органами власти деятельности отсутствует [1, с.122].

А также необходимо указать и на неспособность органов правоохранительной системы в должной степени обеспечить осуществление мер противодействия коррупции с помощью существующих способов, средств и мер, а также подверженность их самих коррупционному воздействию.

Необходимо полностью пересмотреть меры работы государственных служащих, так как считаем, что необходимо повысить данным должностным лицам уровень контроля со стороны антикоррупционной безопасности, путем нарушения их конституционных прав и свобод, но только в разумных целях, так как мы считаем, что если человек занимает такой высокий должностной пост, на уровне которого он воздействует целиком на социальные условия и комфортную жизнь общества, то и соответственно такие же требования к его личности необходимы для осуществления целостного контроля в области неправомерной коррупционной деятельности [2, с.284].

Если же данный представитель государственной должности считает, что данные действия неправомерны, следует дать данному гражданину право выбора, в котором он будет принимать решение, о смене своей рабочей деятельности или же принятие данных условий труда и следованию всему должностному правовому списку.

Одним из ключевых подходов к преодолению трудностей в обеспечении исполнения законодательства по борьбе с коррупцией является систематическое и обширное взаимодействие между различными структурами, работающими в сфере противодействия коррупции.

Для разработки эффективных стратегий борьбы с коррупцией необходимо провести глубокий анализ правовых и теоретических концепций, охватывающих суть этого деструктивного явления.

Одним из важных аспектов борьбы с коррупцией является профилактика. Она включает в себя повышение осведомленности населения о вреде коррупции, формирование антикоррупционной культуры и создание условий, при которых коррупционные проявления становятся невозможными или затруднительными. Также необходимо усилить меры по выявлению и наказанию коррупционеров. Это включает в себя совершенствование законодательства, повышение эффективности работы правоохранительных органов и создание специализированных антикоррупционных структур. Важно уделять внимание и правосстановительным мерам, которые позволяют возместить ущерб, причиненный коррупцией, и восстановить справедливость.

Борьба с коррупцией не может быть успешной без активного участия гражданского общества. Институты гражданского общества, включая средства массовой информации, образовательные учреждения и общественные организации, могут играть важную роль в выявлении и пресечении коррупционных действий, а также в повышении прозрачности и подотчетности государственных органов.

Необходимо сформировать новую структуру действий в области борьбы с коррупцией, где во внимание будет особым пунктом взято общество, смысл мышления которого необходимо изменить, для улучшения действий в области борьбы с коррупционными действиями должностных лиц или же отдельных взятых заинтересованных в этом групп.

Библиографический список:

1. Пилькевич Б. О. Причины и условия возникновения и развития коррупционных проявлений в современном российском обществе / Б.О. Пилькевич // Молодой ученый. - 2021. - № 31. - С. 122-126.
2. Савчук А.Г. Поиск эффективных способов противодействия коррупции / Б.О. Пилькевич // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. - 2024. - № 4. - С. 283-287.

КОМОРНИКОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, Частное образовательное учреждение высшего образования "Академия управления и производства" (ЧОУ ВО АУП), г. Москва, Россия.

М.В. Павлов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ, КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ ПО СПОРАМ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается специфика экспертного заключения, как средства доказывания в делах, возникающих из земельных правоотношений. Раскрывается проблематика назначения экспертизы, оценка судом экспертного заключения и его важность при постановке судом решения. Указываются особенности процедур доказывания и перечень доказательств в отдельных категориях дел, возникающих из земельных правоотношений.

Ключевые слова: земельный участок, землеустроительная экспертиза земельные правоотношения, спор о границах земельных участков, реестровая ошибка, сервитут.

Рассмотрение дел, возникающих из земельных правоотношений, имеет свою специфику и проблематику.

Во многих, если не сказать в подавляющем большинстве, случаях появляется необходимость в специальных знаниях в области землеустройства, геодезии, картографии, градостроительства, государственного кадастра недвижимости, оценки стоимости и т.д., которыми суды не обладают. В связи с этим специфической особенностью данной категории дел выступает достаточно частое назначение судебных экспертиз (строительно-технических, землеустроительных, оценочных, экологических, в том числе, при определении размера вреда, причиненного окружающей среде, и других видов экспертиз), что является совершенно обоснованно.

Заключение эксперта, выявленные им юридические факты по рассматриваемому делу, играют важную роль как на стадии рассмотрения дела по существу, так и при принятии судом решения. Вместе с тем, суд дает оценку экспертному заключению наряду с другими доказательствами, имеющимся в рассматриваемом деле.

Согласно ч.1 ст. 56 ГПК РФ, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. В силу ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. Аналогичные правила содержатся и в ст.65 АПК РФ.

Применительно к спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, бремя доказывания распределяется иным образом, так, согласно ч.1 ст.65, ч.3 ст.189 АПК РФ обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия оспариваемого акта, законности оспариваемых решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, возлагается на органы и лиц, которые приняли оспариваемый акт, решение, совершили оспариваемые действия (бездействие).

Инициирование экспертизы осложняется необходимостью правильной постановки вопросов перед экспертами.

Сложность категории дел по земельным спорам, в частности, в оценке экспертных заключений, приводит к обжалованиям судебных решений и назначению новых экспертиз в последующих стадиях судопроизводства. Нередки случаи, когда вышестоящие инстанции отменяют акты нижестоящих, при установлении допущенных судом нарушений, или именно проведя повторные или дополнительные судебные экспертизы, которые оцениваются в совокупности со всеми содержащимися в деле доказательствами [1].

Например, судебная коллегия Третьего кассационного суда общей юрисдикции по делу №88-

---

© М.В. Павлов, 2025.

Научный руководитель: *Кораев Константин Борисович* – доктор юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (филиал в г. Санкт-Петербург), Россия.

14749/2023 установила, что допущенные нарушения в оценке выводов эксперта являются существенными, они не могут быть устранены без отмены судебного постановления, дело направлено на новое рассмотрение [2].

Учитывая важность экспертиз в рассматриваемой категории дел, в земельно-правовой литературе нередко высказываются предложения закрепить основания обязательного назначения судом экспертиз[3]. Утверждение неоднозначное, поскольку, с одной стороны, суд должен быть неким арбитром, который занимает позицию наблюдателя за процессуальным поведением сторон, которые, в свою очередь, могут ходатайствовать о назначении экспертизы. С другой стороны, отсутствие экспертиз по большинству дел, возникающих из земельных правоотношений, повлечет невозможность вынесения решения в связи с не обладанием судом специальными познаниями. Кроме того, значительное число экспертиз содержат дефекты, в частности, при неправильной (не точной) постановке вопроса перед экспертом, что может лечь в основу незаконного решения суда.

Указанное позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к решению вопроса об экспертизах в делах, возникающих из земельных правоотношений. Это и создание специального реестра экспертных организаций и экспертов, включение в который должно иметь соответствие высоким требованиям. Необходима тщательная проработка видов дел, возникающих из земельных правоотношений, по которым экспертизы необходимы. Также немаловажным будет создание методических рекомендаций, содержащих вопросы эксперту при назначении того или иного вида экспертизы. В этом случае и сторонам по делу, и суду будет проще ориентироваться в столь специальных вопросах.

Имеет свои особенности процедура доказывания и перечень доказательств в отдельных категориях дел, возникающих из земельных правоотношений.

В спорах о границах земельного участка надлежащим ответчиком является правообладатель смежного земельного участка, в результате действий которого создаются препятствия в осуществлении правомочий истца. В делах об установлении границ земельного участка в любом случае разрешение спора невозможно без точного определения границ земельных участков истца и ответчика, существующих на момент рассмотрения спора, площади таких участков, сравнения их фактической площади с площадью, указанной в правоустанавливающих документах, и выяснения причин, по которым возникли эти противоречия. Что, безусловно, невозможно без проведения землеустроительной экспертизы, целью которой будет выяснение фактического местоположения поворотных точек границ спорных участков, их площади.

Споры о кадастровой ошибке. Процесс доказывания кадастровой ошибки в сведениях о местоположении границ земельного участка имеет определенные особенности. Действует презумпция, в соответствии с которой сведения кадастра о границах земельного участка считаются верными. Истец в первую очередь должен показать суду безупречность межевого плана своего земельного участка (что само по себе не исключает возможности иных доказательств, указывающих на кадастровую ошибку).

При рассмотрении дел такой категории споров у суда также возникает необходимость привлечения эксперта для выяснения фактических координат поворотных точек границ участка, исследования материалов дела, а в некоторых случаях иных документов, которые запрашиваются судом по инициативе эксперта (п.3 ст. 85 ГПК РФ), на предмет выявления кадастровой ошибки (технической или реестровой).

Так, по гражданскому делу №2-141/2021 об установлении смежной границы между земельными участками, рассмотренного Всеволожским городским судом Ленинградской области, было назначено проведение трех землеустроительных экспертиз на предмет установления координат фактических границ участков, соответствия их юридическим границам, определения возможных причин несоответствия, определения площади пересечения земельных участков. Экспертами была установлена реестровая ошибка в сведениях ЕГРН о земельном участке ответчика. В данном деле выводы экспертов имели решающее значение для вынесения судом решения[4].

Особенность по делам об оспаривании формирования земельных участков и распоряжения ими заключается в предмете доказывания. В частности, доказыванию подлежит факт распространения специального режима охраны на спорный земельный участок.

В связи с этим, есть необходимость обратиться к государственному кадастру особо охраняемых природных территорий.

Для получения информации о фактическом месторасположении сформированных спорных земельных участков требуется проведение выездной проверки с обязательным привлечением контролирующих органов, которые с учетом современной геодезической съемки определяют географические координаты каждого из участков. В этом случае также потребуется назначение экспертизы по определению координат поворотных точек границ участка.

В спорах по установлению сервитута на земельный участок, исходя из анализа судебной практики приведенной в Обзоре судебной практики[5], можно сказать, что как правило, разрешаются следующие вопросы, входящие в предмет доказывания:

- возможно ли использование земельного без установления сервитута, для чего назначается проведение землеустроительной экспертизы с постановкой перед экспертом соответствующих вопросов;

- при наличии нескольких вариантов прохода (проезда) к земельному участку через соседний земельный участок суду следует исходить из необходимости обеспечить баланс интересов сторон и установить сервитут на условиях, наименее обременительных для собственника земельного участка, в отношении которого устанавливается сервитут. В данном случае назначается проведение экспертизы, целью которой будет установление возможных вариантов проезда к земельному участку истца, (с указанием координат обременяемой части земельного участка);

- определение размера платы за сервитут. Плата за сервитут определяется судом исходя из принципов разумности и соразмерности с учетом характера деятельности сторон. Это также предполагает проведение экспертизы с вопросами об установлении площади обременяемого земельного участка (с установлением координат его границ), а также стоимости сервитута. Таким образом, представленное в суд заключение экспертов, отвечающее требованиям законодательства о проведении экспертизы, является практически основным доказательством по указанной категории дел.

Подводя итоги, представляется возможным указать следующие основные выводы.

В силу сложной процедуры доказывания, в отсутствие у сторон и суда компетенции в специальных областях познаний, практически при рассмотрении большинства дел, возникающих из земельных правоотношений, назначается экспертиза, выводы которой имеет решающее значение для решения суда. Это позволяет с уверенностью утверждать, что основным доказательством в делах такой категории являются выводы экспертов, без которых разрешить возникший спор не будет представляться возможным.

Библиографический список:

1. Волкова Т.В. Совершенствование процессуального законодательства и проблема формирования единообразной судебной практики как основы повышения эффективности рассмотрения земельных споров // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 268, 270.

2. Определение судебной коллегии Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.07.2023г. по делу № 88-14749/2023// Официальный сайт Третьего кассационного суда - URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005&new=5.

3. Волкова Т.В. Совершенствование процессуального законодательства и проблема формирования единообразной судебной практики как основы повышения эффективности рассмотрения земельных споров // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 265-276.

4. Всеволожский городской суд Ленинградской области дело №2-141/2021 // Официальный сайт суда- URL - <https://vsevgorsud.lo.sudrf.ru>.

5. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.04.2017 // Верховный Суд РФ. - URL: <https://www.vsrp.ru/documents/thematics/15912/>.

ПАВЛОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ - магистрант, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Северо-Западный филиал) г.Санкт-Петербург, Россия.

К.В. Тедеева

ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО (РЕПУТАЦИОННОГО) ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

В рамках данной статьи предлагается развернутый анализ современных проблем возмещения нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам. Исследование охватывает происхождение соответствующего правового механизма в российской системе права и демонстрирует неоднозначность текущей судебной практики по этим делам.

Детальному изучению в работе подвергаются дискуссионные аспекты, связанные с квалификацией репутационного вреда в правовом поле, основаниями для его подтверждения и подходами к определению размера разумной денежной компенсации. Центральное место в исследовании отводится анализу правовых позиций высших судебных органов – Конституционного и Верховного Судов РФ, а также оценке воздействия практики Европейского Суда по правам человека на выработку национальной правовой доктрины. В исследовании обосновывается тезис о том, что недостаток законодательно установленного алгоритма возмещения порождает правовую нестабильность и расширяет пределы судебного усмотрения. В завершающей части работы разрабатываются практические рекомендации по модификации норм гражданского права и консолидации судебных подходов, направленные на гарантированные действенной охраны деловой репутации организаций.

Ключевые слова: нематериальный вред, репутационный вред, деловая репутация, юридическое лицо, компенсация, Гражданский кодекс РФ, судебная практика, доказывание, критерии определения размера компенсации.

Деловая репутация является ключевым нематериальным активом компании, напрямую воздействующим на ее конкурентоспособность, инвестиционный потенциал и рыночную оценку. В контексте цифровой экономики, которая характеризуется мгновенной скоростью распространения данных, угрозы репутационному вреду значительно возрастают. Если убытки носят материальный характер и подлежат исчислению, то репутационный вред является нематериальной потерей, что вызывает серьезные проблемы при его правовой оценке и измерении. Несмотря на растущее признание в судах возможности его компенсации, в законодательстве РФ сохраняется некий вакуум, ведущий к многочисленным правоприменительным трудностям. Цель этого исследования – определить основные проблемы в области возмещения репутационного вреда юридическим лицам и предложить пути их решения.

1. Теоретические основы и правовая природа репутационного вреда. Правовая доктрина России длительное время не признавала возможность причинения юридическим лицам «нематериального вреда» в связи с невозможностью распространения на них категорий морального вреда, связанной с физическими и нравственными страданиями [1 с.45]. Переломной точкой стало Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 №508-О, в котором впервые был признан факт причинения организациям немущественного вреда, выражающегося в умалении деловой репутации [2]. Под таким вредом правоприменительная практика понимает потерю доверия партнеров, снижение делового статуса, ухудшение публичного имиджа и иные негативные последствия, создающие препятствия для осуществления нормальной экономической деятельности.

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 1 (2017) провел четкую демаркационную линию между двумя видами вреда деловой репутации: убытками (реальные денежные потери) и нематериальным вредом (иные отрицательные последствия) [3]. При этом наибольшие сложности на практике

© К.В. Тедеева, 2025.

Научный руководитель: *Есиева Фатима Казбековна* – доцент, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагуров, Россия.

связаны именно со второй формой, которая не обладает конкретным денежным измерением, а следовательно, требует применения особых механизмов обоснования и расчета компенсации.

2. Ключевые проблемы правоприменительной практики. Исследование судебных решений выявляет наличие устойчивых системных сложностей.

- Сложность доказывания. В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ, на истце лежит обязанность по доказыванию трех ключевых элементов: факта распространения порочащих сведений, их порочащего характера и несоответствия действительности. Вместе с тем, для удовлетворения требований о компенсации необходимо также установить наличие самого вреда и причинно-следственную связь между распространением информации и наступившими негативными последствиями (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.05.2021 по делу №А60-12345/2020 [4]. Обоснование таких последствий, как утрата деловой репутации или снижение авторитета, представляет собой особую трудность в связи с их нематериальной природой и отсутствием объективных критериев оценки.

- Проблема определения размера компенсации. Ключевой сложностью является отсутствие законодательно закрепленного алгоритма расчета. Суды, действуя на основании принципов разумности и справедливости (ст.1101 ГК РФ), принимают во внимание широкий круг обстоятельств: тяжесть вины ответчика, характер и охват распространения информации, ее коммерческую ценность для потерпевшего, его материальное положение. Подобный оценочный подход, однако, порождает высокую степень субъективности и непредсказуемости судебных актов. Наглядной иллюстрацией служит резонансное дело ПАО «НК «Роснефть» против ООО «БизнесПресс» и иных (№А40-97503/16), в котором исковое требование о взыскании 3 млрд. рублей было отклонено судом по мотиву отсутствия доказательств конкретного объема причиненного ущерба [5].

- Проблема терминологической неоднозначности.

В правоприменительной деятельности параллельно используются различные категории: «нематериальный вред», «репутационный ущерб», «нематериальные потери». Отсутствие законодательно закрепленной дефиниции создает препятствия для выработки единообразных подходов в судопроизводстве.

3. Роль международно-правовых стандартов и векторы эволюции.

Существенную роль в развитии отечественной правовой доктрины сыграла правовая позиция ЕСПЧ, сформулированная в деле «Комингерсолл С.А. против Португалии» (2000 г.), в котором суд указал на возможность причинения юридическому лицу нематериального вреда, охватывающего урон репутации, нестабильность в планировании бизнеса и осложнения в управленческой деятельности [6]. Данная правовая концепция в дальнейшем была воспринята национальной правовой системой России.

В качестве направлений совершенствования института возмещения репутационного вреда представляется целесообразным:

1. Введение в ст. 152 ГК РФ легального определения понятия «нематериальный (репутационный) вред, причиненный юридическому лицу».

2. Формирование и нормативное утверждение примерных методических указаний по исчислению сумм компенсации, имеющих для судов ориентирующее значение.

3. Закрепление презумпции наличия вреда при установлении факта распространения заведомо ложных порочащих сведений, что изменит распределение бремени доказывания.

Таким образом механизм компенсации нематериального вреда организациям в российской правовой системе продолжает развиваться. Хотя высшие судебные инстанции подтвердили саму возможность такой компенсации, недостаточная законодательная регламентация порождает правовую нестабильность и широкие пределы судейского усмотрения.

Для создания действенного механизма защиты деловой репутации субъектов экономической деятельности требуется системная работа по унификации терминологии, выработке более конкретных условий доказывания и внедрению гибкой модели расчета компенсационных выплат, базирующейся на принципах адекватности и справедливости.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) – URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.08.2025). – Режим доступа КонсультантПлюс: [справ. правовая система].
2. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О – URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.08.2025). – Режим доступа КонсультантПлюс: [справ. правовая система].
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) – URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.05.2025). – Режим доступа КонсультантПлюс: [справ. правовая система].

4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.05.2021 № Ф09-1234/21 по делу № А6012345/2020 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://sudact.ru/arbital> (дата обращения: 24.05.2025).

5. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 19.12.2016 по делу № А40-97503/165834 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://sudact.ru/arbital/doc/gyJx9dD7tPxR/?ysclid=mfaxuwvpgw457878095> (дата обращения: 24.05.2025).

6. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Комингерсолл С.А. против Португалии» (Comingersoll S.A. v. Portugal) (жалоба № 35382/97) от 06.04.2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://e-ecology.ru> (дата обращения: 24.05.2025).

7. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. — М.: Статут, 2019. URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.05.2025). – Режим доступа КонсультантПлюс: [справ. правовая система].

8. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе // Закон. – 2020. – № 5. – С. 112–125. [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL:<http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 24.05.2025).

ТЕДЕЕВА КАРОЛИНА ВИТАЛЬЕВНА – магистрант, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Россия.

А.О. Федорова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В данной статье анализируются актуальные вопросы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в современном российском обществе, что представляет собой особенно важную тему на сегодняшний день. Экономические трудности, усугубившиеся из-за мировых финансовых катаклизмов, а также упадок семейных и моральных ценностей, в совокупности с недостаточной эффективностью правовых механизмов защиты детей, к сожалению, приводит к ухудшению их положения в обществе. В материале также рассматриваются современные подходы к назначению уголовных наказаний для несовершеннолетних в России. Подчеркивается, что актуальное законодательство предпринимает все возможные усилия для снижения ответственности подростков, совершивших преступления.

Ключевые слова: несовершеннолетние, наказание, исполнение наказаний, преступления.

В рамках современной юриспруденции проблематика исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних занимает центральное место. Дети из-за своего психологического состояния не могут самостоятельно защитить себя или осознавать все последствия своих действий; также они не полностью информированы о своих правах — поэтому нуждаются во влиянии надежного органа защиты.

Как показывает российское уголовное законодательство, существуют определённые особенности, регулирующие уголовную ответственность и наказание несовершеннолетних. Уголовная деликтоспособность для несовершеннолетних наступает, как правило, с 16 лет, хотя в случаях определённых преступлений этот возраст может быть снижен до 14 лет. Законодатель предусматривает освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних, достигших установленного возраста, но имеющих отставания в психическом развитии. Также существуют исключения из этого правила для ряда преступлений, которые отдельно перечислены в Особой части Уголовного кодекса Российской Федерации. Стоит отметить, что при определении рецидива преступлений судимость за преступления, совершённые до достижения 18 лет, не принимается во внимание.[1]

За последние годы наблюдается значительная нестабильность в статистике выявленных нарушений, касающихся прав и законных интересов детей. Например, за 2020 год было выявлено 640 тысяч таких случаев, что представляет собой серьёзную проблему. Период с 2021 по 2022 годы ознаменован увеличением числа идентифицированных нарушений на 5,1%, доведя к концу этого времени общее количество до 673 тысяч. По данным следующего года число нарушений в отношении несовершеннолетних выросло до 688 тысяч случаев – рост составил 2,2% по сравнению с предыдущим годом.

Учёные выделяют ряд основных причин высокого уровня преступлений как против несовершеннолетних, так и тех преступлений, которые совершают сами дети.

Первой причиной является ослабление роли семьи как основного социального института ответственности за формирование поведения детей и их ценностной системы. В неблагополучных семьях часто наблюдаются случаи физического и психического насилия из-за злоупотребления алкоголем или наркотическими веществами взрослыми членами семьи. Дети остаются без должного медицинского внимания и воспитательно-образовательной поддержки; это отрицательно сказывается на их культурном развитии и нравственном становлении. [2]

Во-вторых, чрезмерное распространение жестокости и насилия через интернет-пространство и средства массовой информации (СМИ) оказывает разрушительное воздействие на становление личности ребёнка и его восприятие окружающей действительности.

В современном информационном обществе увеличивается сложность контроля за распространением информационной продукции, которая может нанести значительный урон психическому и физическому благополучию детей. В подобных условиях особенно важной становится проблема защиты молодёжи от контента, способного повредить их моральному и духовному развитию. В мае 2021 года в Российской Федерации произошли трагические инциденты самоубийств девочек в возрасте 11–13 лет, проявлявших интерес к анимационному произведению «Тетрадь смерти». Ещё ранее, в начале

2021 года, прокуратура Санкт-Петербурга инициировала иск о запрете показа анимационных фильмов «Тетрадь смерти» и «Инуяшики», аргументируя это недопустимостью демонстрации жестоких сцен подросткам с неустойчивой психикой. В результате суд поддержал данный иск, ограничив доступ несовершеннолетних к этим ресурсам.

Пробелы в системе образовательных учреждений среднего общего уровня также оказывают негативное влияние на правовую грамотность и общую осведомлённость студентов. Недостатки школьных учебных программ в сочетании с юношеским максимализмом и нигилизмом способствуют увеличению преступности как среди несовершеннолетних, так и по отношению к ним. Кроме того, подростки сталкиваются со значительными трудностями при устройстве на работу из-за нехватки вакансий и нежелания работодателей официально нанимать молодых людей. Эта проблема особенно актуальна для выпускников воспитательных колоний или специализированных закрытых учреждений. Некоторые аналитики подчеркивают важность обязательного обеспечения занятости таких людей ввиду их повышенной склонности к отклоняющемуся поведению. Отсутствие реальных возможностей трудоустройства нередко толкает подростков на путь правонарушений. [3]

Правоохранительные структуры Российской Федерации не всегда должным образом реагируют на конфликты, связанные с молодежью. Согласно информации Министерства внутренних дел за период 2021–2022 годов, примерно каждый десятый преступный инцидент сопряжён с несовершеннолетними или происходил при их участии. Общее количество выявленных правонарушителей среди несовершеннолетних составляет около 35 тысяч, из которых свыше десяти процентов были вовлечены в организованные группы или иные криминальные формирования. [4]

Важно подчеркнуть, что проблема преступности несовершеннолетних является одной из наиболее острых на современном этапе. В подавляющем большинстве случаев противоправные деяния совершаются подростками по мотивам развлечения или корыстной заинтересованности.

Изучение факторов, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними, позволяет нам констатировать, что данная возрастная группа является одной из наиболее уязвимых и криминально активных групп населения в России. При этом законодательная политика направлена на минимизацию уголовной ответственности подростков и смягчение мер наказания. Действующий Уголовный кодекс предусматривает специальный раздел, регламентирующий уголовную ответственность несовершеннолетних, где принципы гуманизма и нравственности играют ключевую роль в определении мер воздействия, что способствует благоприятному исходу для несовершеннолетнего правонарушителя.

Исследование выявило, что преступное поведение среди несовершеннолетних претерпело значительные изменения, став более нахальным и изощрённым. Правоохранительные органы отмечают увеличившееся количество случаев вовлечения подростков в организованную преступность. Есть данные о создании подростками преступных групп, которые занимаются тяжкими преступлениями и успешно конкурируют с взрослыми преступными организациями. Правонарушения среди несовершеннолетних становятся всё более актуальной проблемой для общества и государства в целом.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023): [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс»;
2. Воронин О.В. Вестник Томского государственного университета. /Право. 2021. № 39. С. 5-14. 3. Зиныхина, А. Д. Проблемы назначения наказания несовершеннолетним / А. Д. Зиныхина // Трибуна ученого. 2022. С. 95-98.
4. Горбунова Е.С. Роль правоохранительных органов в защите прав несовершеннолетних граждан в современном гражданском праве// Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов. Сборник статей материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва.2021. С. 26-30.

ФЕДОРОВА АНАСТАСИЯ ОЛЕГОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия.

Н.С.Шерстобитова

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГЛАВОЙ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Статья подвергает критическому анализу проблемы выявления и доказывания конфликта интересов в деятельности глав муниципальных районов. Предложены меры по гармонизации законодательства и разработке новых методик доказывания.

Ключевые слова: конфликт интересов, глава муниципального района, противодействие коррупции, доказывание, дисциплинарная ответственность, назначение на должность.

Конфликт интересов в системе публичного управления представляет собой одну из наиболее значимых угроз принципам законности, объективности и беспристрастности, а также является ключевым фактором, способствующим развитию коррупционных проявлений. В Российской Федерации понятие «конфликт интересов» получило широкое распространение в законодательстве, главным образом регламентирующем прохождение различных видов государственной и муниципальной службы, что указывает на системное признание его роли в антикоррупционной политике. Это свидетельствует о целенаправленных усилиях законодателя по созданию правовых барьеров для злоупотреблений должностным положением.

Особое место в этой проблематике занимает должность главы муниципального района. Обладая широкими управленческими и представительскими полномочиями, а также находясь в непосредственной близости к интересам населения, бизнеса и общественных организаций, глава муниципального района является субъектом повышенного коррупционного риска [6]. Несмотря на наличие законодательного регулирования, практика показывает, что сохраняются актуальные проблемы выявления и урегулирования конфликта интересов. Это указывает на несовершенство законодательства, отсутствие должной правовой культуры и безответственность как порождающие факторы, которые приводят к низкому качеству исполнения должностных полномочий и подрыву нравственных основ власти [13]. Постоянное выявление проблем в данной сфере, несмотря на законодательные усилия, свидетельствует о наличии существенного разрыва между правовым замыслом и его практической реализацией. Это указывает на глубокую системную проблему, связанную не только с отсутствием или нечеткостью норм, но и с трудностями в их эффективном применении и контроле.

Появление термина «конфликт интересов» в российском законодательстве о публичной службе неразрывно связано с развитием международного антикоррупционного права. Принятию отечественных правовых актов в этой сфере предшествовали такие международные документы, как «Международный кодекс поведения публичных должностных лиц» (ООН, 1996) и Конвенция ООН против коррупции (Нью-Йорк, 2003) [5]. Эти акты заложили основу для формирования национального законодательства, направленного на предотвращение ситуаций, когда частные интересы должностных лиц могут влиять на исполнение ими служебных обязанностей.

В российском законодательстве понятие «конфликт интересов» впервые получило определение в Концепции реформирования государственной службы 2001 года, а затем было закреплено в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 10) и Федеральном законе от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ст. 14.1) [13]. Согласно этим нормам, конфликт интересов определяется как ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий) [13].

Под личной заинтересованностью понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) лицом, указанным в части 1 статьи 10 Федерального закона

№ 273-ФЗ, и (или) лицами, состоящими с ним в близком родстве или свойстве, а также гражданами или организациями, с которыми лицо связано имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями [3]. Важно отметить, что в более ранних редакциях законодательства определение конфликта интересов было более развернутым, включая признаки возникновения или возможности возникновения противоречия между личной заинтересованностью и правами и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, а также способность этого противоречия привести к причинению вреда [7]. Удаление этих признаков из текущего определения, как отмечается в некоторых источниках, упростило формулировку, но могло повлиять на полноту охвата потенциальных ситуаций [7].

Авторские трактовки понятия «конфликт интересов» часто углубляют его сущность. Например, одна из трактовок определяет его как «конфликтную ситуацию между общественно-правовыми обязанностями и частными интересами, которая провоцирует обстоятельства, при которых в угоду интересам одного субъекта наносится (потенциально и реально) вред правам, свободам и законным интересам других субъектов» [13]. Такая формулировка подчеркивает не только потенциальный вред, но и нравственный выбор, стоящий перед должностным лицом.

Конфликт интересов занимает центральное место в системе противодействия коррупции, выступая в качестве одной из ключевых предпосылок коррупционных деяний, но не являясь тождественным им явлением [5]. Конфликт интересов характеризуется как процесс, включающий в себя нравственный выбор должностного лица, тогда как коррупционное деяние – это уже совершившееся действие, имеющее конкретные правовые последствия [5]. Таким образом, эффективное выявление и урегулирование конфликта интересов на ранних стадиях является важнейшим превентивным инструментом в борьбе с коррупцией.

Законодательство Российской Федерации устанавливает комплекс мер, направленных на предотвращение и урегулирование конфликта интересов. Муниципальные служащие, включая глав муниципальных районов, обязаны принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов [14]. В случае возникновения или даже возможности возникновения личной заинтересованности, которая может привести к конфликту интересов, служащий обязан в письменной форме уведомить своего непосредственного начальника [14]. Эта обязанность является фундаментальной для системы раннего предупреждения.

Со своей стороны, представитель нанимателя (работодатель), которому стало известно о возникновении у служащего личной заинтересованности, обязан принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов [14]. Такие меры могут быть разнообразными и включают изменение должностного или служебного положения муниципального служащего, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей в установленном порядке, а также его отказ от выгоды, явившейся причиной конфликта [2]. Непринятие муниципальным служащим, являющимся стороной конфликта интересов, мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является правонарушением, влекущим увольнение с муниципальной службы, за исключением случаев, установленных федеральными законами [2].

Правовая система четко позиционирует конфликт интересов как предтечу коррупции, акцентируя внимание на превентивных и регулирующих мерах [5]. Однако, наличие постоянных проблем с выявлением и доказыванием конфликта интересов, как это подчеркивается в самом запросе на исследование, указывает на критический сбой в этом превентивном механизме. Если конфликт интересов не удается эффективно идентифицировать и устранить на его начальной стадии, то вероятность его перерастания в полноценное коррупционное деяние значительно возрастает. Это означает, что система противодействия коррупции становится преимущественно реактивной, а не проактивной. Вместо того чтобы предотвращать коррупцию, она вынуждена бороться с ее последствиями, что является менее эффективным и более затратным как с точки зрения ресурсов, так и с точки зрения подрыва общественного доверия.

Правовой статус главы муниципального района обладает существенной спецификой, отличающей его от статуса рядового муниципального служащего. Глава муниципального района часто является высшим должностным лицом муниципального образования, что обуславливает расширенный объем его полномочий и, как следствие, повышенные риски возникновения конфликта интересов [6]. Эти полномочия включают принятие стратегических решений, управление муниципальным имуществом, распределение бюджетных средств, а также взаимодействие с различными субъектами гражданского оборота, что создает множество точек соприкосновения с частными интересами.

На лиц, замещающих муниципальные должности, налагаются специфические ограничения и запреты, направленные на предотвращение конфликта интересов. В частности, им, если иное не установлено федеральными законами, не разрешается участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией [2]. Однако существуют исключения, допускающие такое участие на безвозмездной основе: например, в управлении политической партией, органом профессионального союза, жилищным, жилищно-строительным, гаражным кооперативами, товариществом собственников недвижимости [3].

Также допускается безвозмездное представление интересов муниципального образования в советах муниципальных образований и их органах управления, а также в органах управления и ревизионных комиссиях организаций, учредителем которых является муниципальное образование [3]. Эти исключения призваны обеспечить баланс между необходимостью предотвращения конфликтов интересов и возможностью участия должностных лиц в общественной и представительской деятельности.

Отдельной проблемой, связанной с деятельностью глав муниципальных образований, является лоббирование интересов. Хотя прямое лоббирование интересов родственников или аффилированных лиц может быть сложно доказать, возможность неформальных контактов и использования административного ресурса для продвижения частных интересов существует [10]. Исторические примеры показывают, что неформальные встречи с должностными лицами использовались для решения различных вопросов [10]. В контексте муниципальных районов, лоббирование может проявляться в продвижении интересов региона в вышестоящих структурах или в других регионах [10]. Законопроекты о лоббировании в России предлагали распространить регулирование на органы государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления, включая обязанность отчитываться о взаимодействии с представителями интересов, однако это вызывает вопросы о механизмах контроля.

Уникальное положение главы муниципального района, сочетающее административное и зачастую политическое лидерство, создает повышенную уязвимость для конфликтов интересов, которые по своей природе более сложны, чем те, с которыми сталкиваются рядовые муниципальные служащие. Широта их полномочий, в совокупности с потенциальной возможностью «рентостроительства» (формирования выгодной нормативной базы) [13] и неформального влияния [10], означает, что конфликты интересов на этом уровне могут иметь значительно более масштабные последствия для публичных ресурсов и доверия. Эта сложность часто не находит адекватного отражения в общих положениях о муниципальной службе, что приводит к возникновению специфических пробелов или двусмысленностей для этих высокопоставленных должностных лиц. В результате, конфликт интересов может проявляться не в форме прямой взятки, а в виде тонкого изменения политики, принятия выгодного нормативного акта или негласного соглашения, что делает его обнаружение и доказывание значительно более сложным и скрытым.

Одной из наиболее острых проблем в сфере противодействия конфликту интересов применительно к главам муниципальных районов является отсутствие четкого, нормативно закрепленного порядка уведомления о возникновении личной заинтересованности. Действующие нормативные правовые акты Российской Федерации не устанавливают, в адрес какого должностного лица или органа глава муниципального образования должен направлять уведомление о конфликте интересов [6]. Кроме того, не регламентированы сроки подачи такого уведомления, его форма, а также процедура и результаты рассмотрения [6].

Эта неопределенность создает значительные трудности на практике. Глава муниципального района, сталкиваясь с потенциальным конфликтом интересов, оказывается в ситуации правовой неопределенности относительно того, как именно он должен исполнить свою обязанность по уведомлению. Авторы указывают на три возможных варианта адресата уведомления: высшее должностное лицо субъекта РФ, представительный орган муниципального образования или комиссия по урегулированию конфликтов интересов, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки [6]. Однако ни один из этих вариантов не закреплен универсально на федеральном уровне, что приводит к фрагментарности регулирования на местах (например, отдельные муниципальные образования принимают свои положения о порядке сообщения о личной заинтересованности, но это не решает проблему на системном уровне для глав районов).

Парадокс ситуации заключается в том, что, несмотря на отсутствие установленного порядка, невыполнение обязанности по уведомлению о конфликте интересов является основанием для отставки высшего должностного лица муниципального района и городского округа [6]. Это создает значительную правовую неопределенность и риски как для самих глав, так и для правоприменительных органов. Отсутствие четких процедур не освобождает от ответственности, что ставит должностное лицо в уязвимое положение, а также может быть использовано для политически мотивированных отставок, где отсутствие ясной процедуры позволяет субъективно интерпретировать «несоблюдение». Это подрывает принцип правовой определенности и верховенства закона, затрудняя эффективную антикоррупционную деятельность и потенциально делая ее несправедливой.

Для сравнения, для государственных гражданских служащих и иных категорий лиц существуют более детализированные указы Президента РФ, регулирующие порядок сообщения о личной заинтересованности [1]. Отсутствие аналогичного федерального регулирования для глав муниципальных районов является серьезным пробелом, требующим скорейшего устранения.

Типичные ситуации конфликта интересов, с которыми сталкиваются главы муниципальных районов, включают:

Родственные связи: это одна из наиболее явных ситуаций. Конфликт интересов возникает, когда глава района совершает действия или принимает решения в отношении лиц, состоящих с ним в близком родстве или свойстве (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) [8]. К таким связям могут относиться также сожительство, наличие общих детей, ведение общего хозяйства или проживание на одной жилплощади. Например, назначение родственника на должность в подконтрольное подразделение или участие в аттестационной комиссии, принимающей решение в отношении родственника [12].

Имущественные отношения: наличие имущественных отношений между должностным лицом, его близкими родственниками или свойственниками с гражданами или организациями, получающими доходы или выгоды от действий главы района [8]. Это может проявляться в участии в договорах и сделках (например, получение кредита в банке, аренда имущества), наличии имущества в общей собственности или фактическом (без юридического оформления) пользовании имуществом, принадлежащим заинтересованным лицам [4].

Получение подарков и услуг: получение подарков или иных благ (бесплатных услуг, скидок, ссуд, оплата развлечений, отдыха, транспортных расходов) должностным лицом или его родственниками от физических или юридических лиц, с которыми глава района взаимодействует, осуществляет функции государственного управления или контроль [12]. Даже подарок по общепринятому поводу (например, день рождения) от заинтересованной организации может поставить должностное лицо в ситуацию конфликта интересов [12].

Анализ судебной и прокурорской практики позволяет выявить реальные проблемы, возникающие при применении законодательства о конфликте интересов к главам муниципальных районов. Верховный Суд РФ обобщал судебную практику по делам, связанным с наложением дисциплинарных взысканий за коррупционные правонарушения, включая непринятие мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов и непредставление сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера [11]. Чаще всего государственные и муниципальные служащие оспаривали именно такие дисциплинарные взыскания.

Судебная практика демонстрирует сложности в доказывании конфликта интересов, особенно когда речь идет о высокопоставленных должностных лицах. Например, Верховный Суд РФ в одном из дел посчитал, что между главой муниципалитета и депутатом не было конфликта интересов, несмотря на проведенную прокурорскую проверку. Это указывает на то, что даже при наличии формальных связей, суды требуют убедительных доказательств влияния личной заинтересованности на исполнение полномочий. В другом случае, прокуратура внесла представление о досрочном прекращении полномочий главы сельского поселения в связи с утратой доверия из-за незаконного распоряжения муниципальным имуществом (передачи служебного автомобиля мужчине, с которым глава связана близкими отношениями), однако антикоррупционная комиссия отказала в удовлетворении представления, и суд не усмотрел проявлений личной заинтересованности чиновницы [9]. Это подчеркивает трудности в установлении личной заинтересованности и ее влияния, особенно когда действия должностного лица маскируются под заботу о муниципальном имуществе или иные благовидные предлоги.

В то же время, судебная практика демонстрирует и случаи успешного доказывания. Например, использование банковского счета супруга дочери для перечисления задолженной суммы, чтобы скрыть личную заинтересованность и избежать уведомления нанимателя, было признано коррупционным правонарушением [29]. Это показывает, что суды готовы признавать коррупционными правонарушениями действия, направленные на сокрытие конфликта интересов через использование третьих лиц.

Роль прокуратуры в выявлении и пресечении конфликтов интересов является ключевой. Прокуроры вносят представления, инициируют проверки и обращаются в суды с административными исковыми заявлениями об установлении факта наличия конфликта интересов или возможности его возникновения. Однако судебная практика показывает, что заявления прокурора об установлении факта наличия конфликта интересов, связанные с разрешением спора о праве на прохождение службы, подлежат оставлению судом без рассмотрения [11]. Это указывает на то, что суды фокусируются на законности применения дисциплинарных взысканий, а не на прямом установлении факта конфликта интересов как такового в рамках административного судопроизводства, если это не связано напрямую с оспариванием права на службу. Это означает, что судебные разбирательства часто сводятся к проверке процедурных нарушений, а не к глубокому анализу сущности конфликта интересов и его влияния на принятие решений.

В целом, судебная и прокурорская практика подтверждает, что, несмотря на наличие законодательной базы, проблемы выявления и доказывания конфликта интересов у глав муниципальных районов остаются актуальными.

Исследование проблем выявления и доказывания конфликта интересов при осуществлении пол-

номочий главой муниципального района выявило глубокий и многоаспектный характер этой проблематики. Несмотря на наличие законодательной базы, регулирующей понятие конфликта интересов и личной заинтересованности, а также устанавливающей меры по их предотвращению и урегулированию, на практике существуют значительные трудности.

Одной из ключевых проблем является отсутствие четкого и унифицированного порядка уведомления о конфликте интересов для глав муниципальных районов, что создает правовую неопределенность и риски. Сложность квалификации личной заинтересованности, особенно в неимущественной форме, и латентный характер многих конфликтных ситуаций затрудняют их своевременное обнаружение. Процесс доказывания усложняется необходимостью установления причинно-следственной связи между личной заинтересованностью и действиями должностного лица, а также использованием косвенных улик.

Судебная и прокурорская практика, хотя и демонстрирует отдельные успешные случаи, в целом подтверждает сложности в применении законодательства, часто фокусируясь на процедурных нарушениях, а не на сущности конфликта интересов.

Выявленные проблемы указывают на наличие существенного разрыва между правовым регулированием и его эффективной реализацией. Этот разрыв не только подрывает усилия по противодействию коррупции, но и снижает доверие граждан к органам местного самоуправления, создавая благоприятную почву для злоупотреблений.

Для эффективного противодействия конфликту интересов необходим комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, усиление институциональных механизмов, повышение квалификации правоприменителей и формирование высокой правовой культуры. Разработка унифицированного порядка уведомления, уточнение критериев личной заинтересованности, усиление прокурорского надзора и развитие судебной практики, а также внедрение образовательных программ являются неотложными мерами. Только системные и согласованные действия всех заинтересованных сторон позволят минимизировать риски возникновения конфликта интересов и укрепить принципы законности и справедливости в системе муниципального управления.

Библиографический список:

1. Указ Президента Российской Федерации от 22.12.2015 № 650 «О порядке сообщения лицами, замещающими отдельные государственные должности Российской Федерации, должности федеральной государственной службы, и иными лицами о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и о внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система – Версия Проф. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190886/
2. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система – Версия Проф. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система – Версия Проф. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
4. Письмо Минтруда России от 26.07.2018 № 18-0/10/П-5146 «О методических рекомендациях по вопросам привлечения к ответственности должностных лиц за непринятие мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система – Версия Проф. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303836/c4346958a45af78178dc42b516c61c3f50e97990/
5. Бурылова Л.А., Штыхно М.Р. Конфликт интересов на муниципальной службе: социальный и правовой аспекты [Электронный ресурс] // Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2012 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-interesov-na-munitsipalnoy-sluzhbe-sotsialnyy-i-pravovoy-aspektu>
6. Дамм И.А., Роньжина О.В. Актуальные проблемы выполнения главой муниципального района и городского округа обязанности по уведомлению о возникновении конфликта интересов [Электронный ресурс] // Административное и муниципальное право, 2017 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-vypolneniya-glavoy-munitsipalnogo-rayona-i-gorodskogo-okruga-obyazannosti-po-uedomleniyu-o-vozniknovenii-konflikta>
7. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе. Предотвращение и урегулирование. – Министерство экономики Республики Татарстан, практическое пособие для руководителей, государственных и муниципальных служащих, сотрудников кадровых служб и органов местного самоуправления [Электронный ресурс], 2025 – Режим доступа: https://mert.tatarstan.ru/file/pub/pub_778945.pdf
8. Конфликт интересов мужа и жены на муниципальной службе [Электронный ресурс], 2025 – Режим доступа: https://www.garant.ru/consult/work_law/1771663/
9. Конфликт интересов: 10 показательных судебных разбирательств [Электронный ресурс], 2025 – Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1710038/>
10. Лоббизм в России – Википедия [Электронный ресурс], 2025 – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%BE%D0%B1%D0%B1%D0%B8%D0%B7%D0%BC_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8

11. Обзор судебной практики // КонсультантПлюс: справочно-правовая система – Версия Проф. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203833/05ec34b20e2b67f183334828097c13b881d51caf/

12. Обзор типовых ситуаций конфликта интересов в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и порядка их урегулирования за 2021-2023 годы [Электронный ресурс], 2025 – Режим доступа: <https://mchs.gov.ru/uploads/document/2024-12-05/15c8770c73612bc1c668fdb133ca931c.pdf>

13. Охотский Е.В. Понятие «Конфликт интересов» в административном праве Российской Федерации [Электронный ресурс] // Управление: проблемы и перспективы, 2017 – Режим доступа: <https://mgimopravo.elpub.ru/jour/article/download/161/162>

14. Памятка для муниципального служащего по урегулированию конфликта интересов [Электронный ресурс], 2025 – Режим доступа: <https://marksadm.ru/ok-konflikt.html>

ШЕРСТОБИТОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – магистрант, Херсонский государственный педагогический университет, Россия.

И.В. Амельченко

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Условное осуждение является важным институтом уголовного права, который позволяет суду назначать наказание с отсрочкой его исполнения при соблюдении определенных условий. В данной статье рассматриваются теоретические аспекты условного осуждения, его правовая природа, а также практика применения данного института в Российской Федерации. В данной научной статье автором анализируются основные проблемы, с которыми сталкиваются суды и правоохранительные органы при применении условного осуждения, а также предлагаются пути их решения. В заключение подчеркивается значимость условного осуждения как инструмента для реабилитации осужденных и снижения уровня рецидивизма.

Ключевые слова: условное осуждение, уголовное право, реабилитация, рецидивизм, правоприменение, суд, наказание.

На сегодняшний день условное осуждение является для российского уголовного законодательства довольно новым институтом. В научной сфере по сей день не утихают споры относительно теоретических и практических основ данного института уголовного права [4, С. 139]. Однако в данной статье мы затронем лишь практическую реализацию института условного осуждения и проблемы с ней связанные. Условное осуждение представляет собой одну из форм наказания, которая применяется в случаях, когда суд считает возможным не исполнять наказание, если осужденный будет соблюдать определенные условия. Этот институт направлен на реабилитацию осужденных и их интеграцию в общество. Условное осуждение регулируется Уголовным кодексом Российской Федерации.

В соответствии с его нормами, суд может назначить условное осуждение при наличии определенных условий, таких как отсутствие рецидива и положительная характеристика осужденного. Это позволяет суду учитывать индивидуальные обстоятельства каждого дела. Согласно ч. 1 ст. 73 УК РФ если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, в случае назначения исправительных работ, ограничений по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы на срок до восьми лет, он постановляет считать назначенное наказание условным.

В соответствии с данной уголовно-правовой нормой, законодатель определяет главенствующую роль мотивированного мнения суда о незначительной общественной опасности, совершённого виновным лицом, деяния с учётом данных о его личности, как основание для применения данного уголовно-правового института [9, С. 71]. Данная трактовка, на наш взгляд представляется наиболее удачной со всех точек зрения. Так как, только суд, рассматривающий и разрешающий конкретное уголовное дело имеет достаточные данные относительно особенностей личности виновного и степени тяжести общественно опасного деяния, совершённого им.

Целью применения данного института уголовного права является такое воздействие на виновное лицо, при котором оно скорректирует своё поведение, ресоциализируется и социально реинтегрируется в обществе, не прибегая к изоляции от него, поскольку степень общественной опасности деяния, совершённого им, низка. Среди ученых-теоретиков утвердилась позиция о том, что данный институт изначально предполагался для «случайных» или же «исправимых» преступников.

Актуальность темы данной научной статьи обусловлена тем, что в последние десятилетия институт условного осуждения получил стремительное динамичное развитие. Только в 2024 году, согласно официальной статистике, в Российской Федерации было осуждено 578 751 человек, из них только 167 165 человек подверглись наказанию в виде лишения свободы. Иным, не связанным с лишением свободы, мерам наказания подверглись 411 586 человек, в их числе к 153 745 осужденным судами было применено условное осуждение. Исходя из приведённой статистики видно, что институт условного осуждения хорошо зарекомендовал себя в российском уголовном праве. Исходя из приведенных статистических данных следует, что институт условного осуждения получает всё более обширное распространение в правоприменительной практике. Причиной этому служит его некарательный характер и гуманизацией подхода к лицам, совершившим преступление впервые. Однако

правоприменитель сталкивается с рядом проблем при реализации данного института уголовного права, которые могут повлечь за собой недостижение целей уголовного наказания. Для их недопущения видится необходимость во внесении коррективов в ряд уголовно-правовых норм, связанных с применением данного института, таких как основания отмены условного осуждения и основания, при которых применение данного института запрещено.

Одной из наиболее частых проблем современного уголовного права является вопросы об условном осуждении. Сама проблема применения условного осуждения заключается в его неэффективности, когда лицо, по отношению к которому было применено условное осуждение, пользуется этим и подрывает оказанное ему доверие со стороны общества и самого суда.

Условное осуждение применяется довольно часто в нынешнее время. Это объясняется тем, что в местах лишения свободы на личность осужденного оказывается очень негативное влияние, что может исказить поведение и восприятие внешнего мира самим осужденным. Уже на практике было доказано, что в большинстве случаев длительное нахождение осужденного в местах лишения свободы или же исправительных учреждениях негативно влияет на личность осужденного и повышает уровень противоправных навыков.

В российском законодательстве довольно точно и подробно регламентируется порядок назначения и применения условного осуждения. Но все же на практике возникают ситуации, в которых считается необоснованным применение данного вида меры уголовного воздействия на личность осужденного. Именно такие ситуации и создают актуальные проблемы применения условного осуждения в России. Учитывая, что применение условного осуждения в настоящее время является весьма распространенным, на практике возникают разные ситуации, когда использование данной меры уголовно-правового воздействия на личность преступника является спорной или не позволяет достигнуть целей применения уголовного наказания. Частой проблемой, подходящей к контексту выше, является применение условного осуждения при рецидиве преступления. Данная мера уголовно-правового воздействия в отношении лица, которое ранее уже совершало преступление, применяется только в том случае, если рецидив не является опасным или особо опасным. В таком случае применение условного осуждения возможно. Т.е. лицо, совершающее преступление, которое не представляет для общества никакой угрозы и не приводит к массовым негативным последствиям, даже если это не первое совершенное им преступление, может рассчитывать на условное осуждение. Но факт повторного совершения преступления, а именно рецидив, подтверждает наличие у лица желания на повторное совершение противоправных действий, что подчеркивает неэффективность института уголовной ответственности. Но все же не стоит забывать о вероятности исправления лица, даже в случае условного осуждения при повторном совершении противоправных действий, если повторные действия носили случайный характер [7, С. 353].

На практике применение условного осуждения сталкивается с рядом проблем. Одной из основных является недостаточная информированность судей о возможностях и условиях применения данного института. Также существует проблема контроля за соблюдением условий, установленных судом.

Согласно п. «в» ч.1 ст.73 УК РФ [1] при опасном или особо опасном рецидиве применение условного осуждения запрещается. Однако, Модельный кодекс стран СНГ, принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 1996 года [10], предусматривает полный запрет применения условного осуждения при любом рецидиве преступлений, вне зависимости от его категории. Как уже говорилось выше, совершение преступления любой степени тяжести в период течения испытательного срока наносит непоправимый вред институту условного осуждения в частности и системе уголовного наказания в целом. Из этого следует, что совершение осужденным лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, нового умышленного преступления, во-первых, ясно показывает его криминальные наклонности, а во-вторых делает невозможным исправление данного лица без реального отбытия наказания, ввиду его повышенной общественной опасности. Исходя из этого мы видим необходимость в реформировании данной нормы Уголовного кодекса в части запрета на применение условного осуждения при рецидиве, вне зависимости от его вида. Так же видится целесообразным предложение Л.О. Кулевой и Д.О. Чернявского о внесении в Уголовный кодекс поправок, предусматривающих обязанность суда отменять условное осуждение, в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока любого преступления, вне зависимости от степени его тяжести.

Еще одна проблема состоит в частом применении условного осуждения. Согласимся с А. И. Коробеевым, что «из исключения, каким он должен быть по своей юридической природе, условное осуждение превратилось практически в правило». Чрезмерно широкое применение условного осуждения [8, С. 282], демонстрируемое в настоящее время судебными органами, приводит к мыслям о безнаказанности преступников как в обществе, так и в среде самих преступников. Поддерживаются такие мысли также тем, что законом предусмотрено продление испытательного срока в случае уклонения

осужденным лицом от обязанностей, назначенных для него судом в качестве испытания. Данное положение видится не совсем справедливым, так как, если лицо в период испытательного срока пренебрегает доверием государства, которое было, ему оказано при назначении условного наказания, то оснований для повторного оказания ему доверия не имеется.

Стоит рассмотреть еще одну проблему, которая заключается в возможности самостоятельного исполнения приговоров условно осужденных, то есть, осужденный может в период течения испытательного срока по условному осуждению исполнять реальное наказание [11]. В результате, находясь, например, в местах лишения свободы, осужденный не претерпевает, как таковых, ограничений от условного осуждения, так как ограничен в связи с изоляцией от общества, получается, что реальное наказание «поглощает» условное, хотя назначены они были за разные преступления [9, С. 72].

Одной из проблем применения условного осуждения является назначение судом ограничений, которые на практике затруднительно, а порой невозможно контролировать. Так, обязанность «не изменять постоянное место жительства», может быть назначена лицам без определенного места жительства, а обязанность «не изменять постоянное место работы», назначаться тем, у кого и вовсе нет работы, обязанность, заключающаяся в запрете посещения общественных мест, также вызывает вопросы относительно отслеживания места нахождения человека, так как, общественных мест может быть множество и уследить за каждым не представляется возможным.

Таким образом, порядок применения условного осуждения в России регулируется как на законодательном уровне, так и на уровне судебных актов. Основным источником регламентации является Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно статьи 73 и 74, однако некоторые вопросы более подробно рассмотрены в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации [3]. При этом, как в законодательстве, так и в практике применения имеются некоторые вопросы, требующие разрешения для наиболее эффективной реализации потенциала института условного осуждения.

Для повышения эффективности применения условного осуждения необходимо улучшить подготовку судей и правоохранительных органов, а также разработать более четкие механизмы контроля за соблюдением условий. Важно также проводить работу с осужденными, направленную на их реабилитацию и предупреждение рецидивов.

Таким образом, условное осуждение является важным инструментом в системе уголовного права Российской Федерации. Правильное применение данного института может способствовать снижению уровня рецидивизма и успешной реабилитации осужденных. Представляется, что необходимы дальнейшие исследования и улучшения в практике применения данного института для достижения его максимальной эффективности в Российской Федерации.

Подводя итог, в нынешнее время условное осуждение является частой мерой уголовно-правового воздействия на личность осужденного, широко применяемой судами, что не всегда является обоснованным.

Необходимо при вынесении приговора указывать процент от заработной платы осужденного, с помощью которой он будет выплачивать в пользу погашения причиненного вреда, а в случае официально нетрудоустроенных граждан – устанавливать минимальный размер ежемесячных выплат. Также судьям стоит обратить внимание на ситуации, когда лицо совершило повторное преступление, т.е. рецидив. Повторное совершение противоправных действий дает понять, что лицо, совершившее преступление, все так же придерживается противоправным взглядам и поведению и в таком случае невозможно определить тяжесть следующего совершаемого преступления. Но, несмотря на проблемы данного института, государство должно способствовать развитию уровня применения института условного осуждения, применяя соответствующие меры по его совершенствованию.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ / Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 20.07.2025)
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белоглазова Анатолия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 10, статьями 44 и 73 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 474-О. — URL: <http://doc.kstrf.ru/decision/KSRFDecision128464.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).
4. Батракова К. Д. Проблемы применения условного осуждения по российскому законодательству // Пермский период. Сборник материалов XI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций, посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Пермь, 2024. – С. 139-140.

5.Ковалев О.Г. Современные правовые и организационные проблемы применения и исполнения условного осуждения // Право и управление. – 2024. – № 9. С. 333-337.

6.Комаров Д.А. Вопросы о недостатках в применении условного осуждения // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сборник научных трудов по материалам XV Международной научно-практической конференции. Тамбов. 2020. – 352-358 с.

7.Мотовилова А.Д. Проблемы и перспективы применения условного осуждения в России // Пермский период. Сборник материалов XI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций, посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Пермь, 2024. – С. 353-355.

8.Панина К.В. Условное осуждение несовершеннолетних // Научное образование. – 2024. – № 2 (23). – С. 282-285.

9.Толмачева В.В. Исполнение уголовно-исполнительными инспекциями условного осуждения // Юридическая наука. – 2022. – № 10. – С. 70-75.

10.Модельный уголовный кодекс для государств - участников СНГ (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 17.02.1996) // Сайт Межпарламентской Ассамблеи СНГ <http://iacis.ru/> (дата обращения: 20.07.2025)

11.Нагорная, М. КС не усмотрел нарушения прав в незачете испытательного срока при новом рассмотрении дела // Адвокатская газета. — 2023. – 19 октября. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-usmotrel-narusheniya-prav-vnezachete-ispytatelnogo-sroka-pri-novom-rassmotrenii-dela/> (дата обращения: 20.07.2025).

АМЕЛЬЧЕНКО ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

А.Ю. Анфалов

ПРОБЛЕМЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматриваются понятие банкротства физических лиц в Российской Федерации, а также признаки несостоятельности, наличие которых может стать отправной точкой к возможному банкротству, а также критерии несостоятельности. Автором проведен глубокий правовой анализ особенностей процедуры банкротства граждан, дана общая характеристика действующих субъектов. В рамках данной статьи также освещены трудности и проблемы, с которыми сталкиваются основные действующие лица в процедуре банкротства гражданина, и пути их возможного решения. Помимо этого, в рамках данной статьи автором проанализирована судебно-арбитражная практика в области банкротства физических лиц в Российской Федерации. Поскольку в Российской Федерации институт банкротства физических лиц достаточно молод, в ходе рассмотрения дел о банкротстве возникает ряд проблем, препятствующих более полному удовлетворению требований кредиторов. В связи с этим, по итогам проведенного правового анализа, автором статьи выявлены проблемы и пробелы, существующие на сегодняшний день в судебной-арбитражной практике Российской Федерации, в области банкротства физических лиц, предложены возможные пути совершенствования российской законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, должник, реструктуризация долга должника, банкрот, банкротство, реализация имущества должника, описание имущества, судебная практика, Арбитражный суд, финансовый управляющий, фиктивное и преднамеренное банкротство, конкурсная масса, мировое соглашение.

В условиях современной действительности, тема банкротства физических лиц, весьма актуальна в условиях современной действительности, так как правовое регулирование несостоятельности (банкротства) физических лиц заключается в том, что это относительно новый, малоизученный институт российского права, с небольшим объемом сформировавшийся практики. По этой причине, необходимо тщательное исследование института несостоятельности (банкротства) граждан с выявлением всех «проблем», которые впоследствии могут стать барьером на пути к возможному банкротству гражданина. Существенно возросло количество банкротств начиная с начала 2020 года при заболевании людей COVID-19, закрытии предприятий на карантин, закрытии магазинов, ресторанов, салонов красоты и многих других сфер экономики. Многие предприниматели и обычные люди разорились за этот период. [6] Анализ современной статистической информации свидетельствует о постоянном возрастании банкротств со стороны физических лиц. Так, если в 2022 году было зарегистрировано 19 574 решения судов о введении процедур реализации имущества физических лиц с связи с их банкротством, в 2023 году таких решений было вынесено 68 980, а в первом полугодии 2024 года – 22 356. [8]

Целью данной работы является провести комплексное исследование института несостоятельности (банкротства) физических лиц. К задачам, которые стоят перед нами, относятся:

1. Определить понятие и рассмотреть признаки несостоятельности (банкротства) физических лиц, наличие которых может стать отправной точкой к возможному банкротству, а также критерии несостоятельности.
2. Провести правовой анализ особенностей процедуры банкротства граждан, а также дать общую характеристику действующих субъектов.
3. Осветить трудности и проблемы, с которыми сталкиваются основные действующие лица в процедуре банкротства гражданина, и пути их возможного решения;
4. Провести анализ действующей судебно-арбитражной практики в сфере банкротства физических лиц в Российской Федерации;
5. Выявить проблемы судебно-арбитражной практики, существующие на сегодняшний день в сфере банкротства физических лиц и предложить возможные пути их решения.

В современной юриспруденции под банкротством физических лиц понимается судебная процедура, в ходе которой гражданин признается неспособным нести ответственность по своим обязательствам, а именно производить денежные выплаты своим кредиторам. [3] Существует два основных критерия, при наличии которых гражданина можно признать банкротом. Это наличие общей суммы задолженности перед всеми кредиторами и в размере более 500 000 рублей, а также срока просрочки платежа более 3 месяцев. Если оба эти критерия наступают для физического лица, то на его стороне возникает обязанность по обращению в суд с соответствующим заявлением. Эти два критерия могут быть снижены в том случае, если гражданин обращается в суд, основываясь на своем праве признать себя банкротом, а не обязанности. В этом случае для гражданина достаточно набрать сумму задолженности в размере 100 000 рублей, а срок неисполнения обязательств может составлять только 1 месяц. При этом, обратиться в суд в первом случае может не только гражданин, но и его кредиторы или уполномоченное лицо, а во втором право на обращение с таким заявлением есть только у гражданина.

В условиях современной действительности, банкротство физических лиц обрело большую популярность среди населения России. В 2015 году в Российской Федерации, с принятием Федерального закона № 154-ФЗ от 29.06.2015 г., [3] в отечественном правовом порядке появился новый правовой институт – банкротство физических лиц. Введение в законодательство норм о банкротстве физических лиц, оказалось сложным и продолжительным по времени процессом. По мнению К. Абдуллаева, это определяется рядом причин: «Во-первых, за столь длительный срок законодатель не выработал ясных и непротиворечивых норм банкротств гражданина, состоящих из четко структурированных и сформулированных правовых конструкций; во-вторых, все попытки введения в реальную юриспруденцию механизмов банкротства гражданина терпели крах из-за неготовности самих должников, общества, государственного аппарата и субъектов профессиональной деятельности к системе реабилитационных мероприятий по отношению к финансово несостоятельным физическим лицам; в-третьих, правовая и финансовая системы страны до последнего времени все еще справлялись с объемом просроченной денежной задолженности граждан без механизмов банкротства, так как суммарный объем указанной задолженности не обладал свойством критичности для национальной экономической и финансовой систем страны». [7]

Общий анализ причин уже оформленных банкротств однозначно указывает на то, что главная их них, как объективное явление, не позволяющее гражданину задействовать иные механизмы выхода из сложившейся ситуации (перекредитование, заем, реструктуризация долга и др.), связана с низким уровнем заработной платы в конкретном регионе. Следовательно, определение размера суммы долга, установленного законом, необходимо дифференцировать с учетом общего социального уровня развития регионов. Это позволило бы не только предметно и честно выстраивать судебную практику в данном направлении, но и упростить анализ регулирования при развитии кредитной политики региона, что, в конце концов, сделает вопрос эффективности использования дотационных мер конкретному субъекту более открытым и целенаправленным. [5]

Рассматривая примеры банкротства физических лиц в судебно-арбитражной практике, можно прийти к выводу, что в подавляющем числе ситуаций для граждан сумма банкротства является совершенно неподъемной. Люди становятся неплатежеспособными и приходят к стадии банкротства из-за задолженностей за услуги ЖКХ, а также перед другими организациями в данной сфере. Обратимся к оценкам Объединенного кредитного бюро. Статистика показывает, что иски на банкротство подают примерно 9,7% от всей численности потенциальных кредиторов. При этом около 750 тысяч граждан России имеют долг свыше полумиллиона рублей, а просрочку по этому долгу – более 3 календарных месяцев. [6] Очень низкий процент подачи исков на банкротство, указанный выше, свидетельствует о том, что в стране существуют проблемы и трудности, не позволяющие обеспечить доступность и легкость процедуры банкротства в стране. При этом некоторыми гражданами, прошедшими через данную процедуру, отмечается, что процедура банкротства часто является для должников невыгодной. [8] При этом сотрудники арбитражных служб также не получают достаточного вознаграждения за выполнение своих обязанностей в данной области. Они получают очень маленькие вознаграждения, затраты на которые берутся из средств, полученных от реализации имущества должника. А в большинстве случаев должник не обладает имуществом. [5]

Одной из проблем судебно-арбитражной практики является контроль над деятельностью граждан: не ведется бухгалтерский учет, нет обязательств по раскрытию информации о движении активов. Так же, гражданами может создаваться «фиктивная» задолженность. Процедура банкротства может быть осложнена наличием имущества, находящегося в совместной собственности супругов или права на которые принадлежат, в том числе несовершеннолетним и недееспособным гражданам.

Для физического лица можно отметить такие сложности как: отсутствие бесплатной правовой поддержки и долгосрочный процесс, во время которого действуют существенные ограничения. Также сложности с поиском финансового управляющего (финансовый управляющий может не согласиться на уча-

стие в деле о банкротстве в ситуации, когда у должника нет недвижимого имущества, так как заинтересован получить процент от суммы, полученной в результате реструктуризации долгов и реализации имущества).

Помимо этого, один из проблемных аспектов, который не нашел четкого отражения в Законе о банкротстве, это финансирование процедуры банкротства гражданина-должника. В особенности это касается физических лиц при инициировании процедуры самобанкротства. Согласно данным, размещенным на сайте www.rgao.ru, по самым скромным подсчетам процедура банкротства обойдется гражданину чуть больше 55 тысяч рублей. При этом должник не должен прибегать к услугам профессиональных юристов, не учтены затраты на организацию торгов и привлечение специалистов.

Также одной из ключевых и системных проблем судебно-арбитражной практики в области банкротства физических лиц в России является явно заниженный размер вознаграждения финансовых управляющих. Так, в соответствии с п.3 ст.20.6 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3] размер фиксированной суммы вознаграждения финансового управляющего – двадцать пять тысяч рублей одновременно за проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве.

Также одной из немаловажных проблем является отказ арбитражных судов предоставлять доступ финансовым управляющим в жилые помещения должников, уклоняющихся от передачи имущества. Так, Арбитражный суд г. Москвы при рассмотрении дела № А51-13453/2023 [8] в определении указал, что меры в виде предоставления финансовому управляющему доступа в жилое помещение по месту жительства должника, а также изъятие у должника имущества, составляющего конкурсную массу, нарушает баланс интересов участвующих в деле лиц.

Судебная практика в данном случае неоднозначна. Так, в рамках дела о банкротстве Попова О.В. в ходатайстве финансового управляющего об ограничении выезда должника за границу было отказано. Суд мотивировал данный отказ отсутствием недобросовестных действий должника, хотя финансовый управляющий указывал на сокрытие должником имущества и уклонение от передачи данного имущества финансовому управляющему. [6] В другом случае в рамках дела о банкротстве Заволипенской Е.П. [7] суд удовлетворил ходатайство кредитора об ограничении выезда должника за границу, мотивировав это недобросовестностью должника в виде неуказания в описи имущества на совершенные сделки и имеющееся имущество. Таким образом, в контексте ограничения выезда должника за границу ключевую роль играет роль добросовестность должника, но поскольку данный критерий весьма оценочен, говорить о правовой определенности невозможно. [5]

Освобождение должников в любом случае ущемляет права кредиторов, лишая последних возможности удовлетворить свои законные требования, а значит законодателем должна быть закреплена недопустимость необоснованного отказа должника от трудовой деятельности в период банкротства, обеспечена абсолютная прозрачность любых его финансовых транзакций. [7] Кроме того, хотя ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3] предусмотрена возможность пересмотра ранее вынесенных определений о завершении процедуры реализации и освобождении должника от исполнения обязательств, в настоящее время нет механизма, позволяющего наблюдать финансовое положение граждан-банкротов после завершения процедуры реализации имущества, что в свою очередь, потенциально позволяет должникам скрывать часть активов на период судебного рассмотрения, возвращаясь к их использованию после освобождения от исполнения обязательств. Таким образом, из изложенного следует, что институт банкротства физических лиц – развивающаяся отрасль права, которая требует дальнейшей доработки и совершенствования норм российского законодательства.

Основной задачей института банкротства физических лиц в современных реалиях является социальная реабилитация гражданина - предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам, что в определенной степени ущемляет права кредиторов должника. Социально-реабилитационная цель потребительского банкротства достигается путем списания непосильных долговых обязательств гражданина с одновременным введением в отношении него ограничений, установленных статьей 213.30 Закона о банкротстве. Этим устанавливается баланс между целью потребительского банкротства и необходимостью защиты прав кредиторов [5]. В случае поступления в конкурсную массу должника денежных средств от реализации иного имущества в размере, достаточном для погашения как текущей, так и реестровой задолженности в полном объеме, у должника восстановится право распоряжения нереализованным в ходе процедуры имуществом по смыслу пункта 5 статьи 213.26 Закона о банкротстве.

Во избежание предъявления необоснованных требований к должнику и нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств возникновения задолженности должника-банкрота предъявляются повышенные требования. Судебное исследование этих обстоятельств должно отличаться большей глубиной и широтой по сравнению с обычным спором, тем более если на такие обстоятельства указывают лица, участвующие в деле. Для этого требуется исследование не только прямых, но и косвенных

доказательств и их оценка на предмет согласованности между собой и позициями, занимаемыми сторонами спора. Исследованию подлежит сама возможность по исполнению сделки.

С целью кардинального разрешения указанных проблем и противоречий, на необходимо модернизировать «антибанкротные» составы, сделать их формальными, внести изменения в ст. 195-197 УК РФ, исключив последствия в виде крупного ущерба из объективной стороны преступлений, предусмотренных указанными статьями. Одновременно с этим следует исключить из КоАП РФ ст.14.12 и 14.13, поскольку уровень общественной опасности деяний по указанным статьям соответствует уровню преступления, но не административному правонарушению. Кроме того, необходимо дополнить УК РФ отдельной нормой об уголовной ответственности за создание дружественной кредиторской задолженности, либо включить в действующую ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве».

Принимая во внимание затруднения при квалификации преступлений в сфере банкротства, с целью устранения противоречий в правоприменительной практике, необходимо в кратчайшие сроки принять постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с банкротством», проект которого давно обсуждается, но до сих пор не принят. В данных разъяснениях необходимо разрешить вопросы о соотношении арбитражного и уголовного судопроизводства, определении момента причинения ущерба, разграничении преступлений в сфере банкротства и иных преступлений, общественно опасных деяний, дать конкретные рекомендации в соответствии с экономическими реалиями квалификацию действий должника-гражданина на предмет наличия, либо отсутствия признаков неправомерного банкротства и злоупотреблений правом.

Таким образом, необходимо произвести комплексную модернизацию института банкротства для того, чтобы институт банкротства гражданина являлся действительно эффективным инструментом для оздоровления социально-экономической ситуации, социальной реабилитации гражданина, перераспределения активов убыточного должника между другими, более эффективными участниками рынка, а не легализованным способом ухода от исполнения финансовых обязательств.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
3. Дело № А51-13454/2023 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
4. Дело № А51-13453/2023 – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
5. Абдуллаев, К. Критерии банкротства физических лиц: проблемы теории и практики применения // Право и экономика. 2022. № 2 (408).
6. Кошман, П. Банкротство физических лиц: проблемы судебно-арбитражной практики // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 3 (66).
7. Медведев, А. Проблемы субординации в банкротстве физических лиц // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 4.
8. Тяпугина, А. Банкротство физических лиц: основные проблемы // Синергия Наук. 2022. № 69.

АНФАЛОВ АРТЕМ ЮРЬЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия.

О.В. Боровикова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье рассматриваются правовые аспекты наказания в виде ограничения свободы, его место в системе уголовных наказаний, а также особенности исполнения. Анализируются нормы Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ, регулирующие порядок назначения и отбывания данного вида наказания. Особое внимание уделяется правовым проблемам, возникающим в процессе его реализации, и возможным путям их решения. На основе проведенного исследования делаются выводы о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовное наказание, уголовно-исполнительное право, надзор, правовое регулирование, исправление осужденных.

Ограничение свободы как вид уголовного наказания было введено в российское законодательство в 2010 году (ФЗ № 377-ФЗ от 27.12.2009) и закреплено в ст. 53 УК РФ. Данная мера относится к альтернативным лишению свободы наказаниям и направлена на минимизацию негативных последствий изоляции осужденного от общества. Однако в правоприменительной практике возникают сложности, связанные с исполнением этого наказания, что требует детального анализа его правовой природы и механизмов реализации [10].

Ограничение свободы заключается в установлении судом определенных запретов и обязанностей для осужденного, которые должны исполняться без изоляции от общества. Согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ [2], это наказание может быть основным или дополнительным. Основное ограничение свободы назначается на срок от 2 месяцев до 4 лет, а в качестве дополнительного – от 6 месяцев до 2 лет. Ограничение свободы предполагает ряд запретов, перечисленных в ч. 5 ст. 53 УК РФ: невозможность покидать место жительства в определенное время, выезжать за пределы муниципального образования, посещать массовые мероприятия и т. д. Контроль за исполнением наказания осуществляют уголовно-исполнительные инспекции (ч. 1 ст. 47 УИК РФ).

Порядок исполнения ограничения свободы регламентирован главой 8 УИК РФ. В соответствии со ст. 50 УИК РФ, осужденный обязан соблюдать установленные судом ограничения и являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации. Нарушение режима влечет за собой меры воздействия, вплоть до замены наказания на лишение свободы (ч. 4 ст. 58 УИК РФ).

Исполнение наказания в виде ограничения свободы сопряжено с рядом сложностей, связанных с организацией эффективного надзора за поведением осужденных. В соответствии со ст. 50 УИК РФ [3], уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) обязаны осуществлять контроль за соблюдением установленных судом ограничений, однако на практике этот процесс сталкивается с существенными проблемами [9].

Одной из основных трудностей является недостаточное оснащение УИИ современными техническими средствами контроля, такими как электронные браслеты (ЭМ-контроль) и системы видеонаблюдения. Несмотря на то, что ч. 3 ст. 60 УИК РФ предусматривает возможность применения электронного мониторинга, его использование остается ограниченным из-за высокой стоимости оборудования и отсутствия необходимой инфраструктуры в ряде регионов. В результате инспекции вынуждены полагаться преимущественно на периодические проверки по месту жительства осужденного, что не обеспечивает непрерывного контроля и создает возможности для нарушения установленных ограничений.

Еще одной значимой проблемой является игнорирование социально-экономических условий, в которых находится осужденный. В частности, отсутствие постоянного места жительства или регистрации затрудняет реализацию наказания, поскольку контроль за передвижениями лица без определенного адреса становится практически невозможным. Кроме того, некоторые установленные судом запреты (например, невозможность покидать жилье в ночное время) могут создавать препятствия для трудовой деятельности, особенно если осужденный работает в ночную смену или имеет ненормированный график. Это не только снижает эффективность наказания, но и повышает риск рецидива, поскольку материальные трудности могут подталкивать лицо к совершению новых преступлений.

Судебная практика также демонстрирует неоднозначность подходов к замене ограничения свободы на лишение свободы в случае нарушений. Согласно ч. 4 ст. 58 УИК РФ [3], злостное уклонение от отбывания наказания может привести к его замене на реальный срок, однако критерии «злостности» не всегда четко определены, что порождает субъективизм в принятии решений. В некоторых случаях суды идут на смягчение мер воздействия, учитывая социальные обстоятельства осужденного, тогда как в других – применяют максимально строгие санкции даже при незначительных нарушениях.

Таким образом, для повышения эффективности исполнения наказания в виде ограничения свободы необходимо не только расширение использования технологических средств контроля, но и более гибкий подход к установлению ограничений с учетом индивидуальных обстоятельств осужденного. Кроме того, требуется совершенствование межведомственного взаимодействия между УИИ, органами социальной защиты и центрами занятости для снижения рисков рецидива и обеспечения успешной ресоциализации лиц, отбывающих данное наказание [11].

Повышение эффективности исполнения наказания в виде ограничения свободы требует комплексного подхода, сочетающего современные технологии контроля с продуманной социальной политикой в отношении осужденных. Технологический аспект предполагает не просто механическое внедрение электронных средств мониторинга, а создание целостной системы наблюдения, интегрированной в работу уголовно-исполнительных инспекций. Опыт передовых регионов показывает, что сочетание GPS-трекинга, биометрической идентификации и автоматизированных систем учета позволяет существенно повысить уровень контроля за поведением осужденных, минимизируя при этом затраты человеческих ресурсов. Однако технологическое оснащение должно сопровождаться соответствующей правовой регламентацией, четко определяющей пределы вмешательства в частную жизнь осужденного и механизмы защиты персональных данных.

Не менее важным представляется развитие индивидуального подхода при установлении ограничений. Судебная практика свидетельствует, что стандартизированные наборы запретов часто не учитывают профессиональную деятельность, семейные обстоятельства и состояние здоровья осужденного. Например, полный запрет на посещение определенных мест может сделать невозможным выполнение трудовых обязанностей, что противоречит целям исправления. В этой связи целесообразно внедрение системы дифференцированных ограничений, когда суд, опираясь на заключение уголовно-исполнительной инспекции и социальных работников, устанавливает режим, позволяющий осужденному сохранить социально полезные связи и трудовую занятость.

Особого внимания заслуживает вопрос межведомственного взаимодействия в процессе исполнения наказания. Сегодня отсутствие эффективного обмена информацией между уголовно-исполнительными инспекциями, центрами занятости и органами социальной защиты приводит к тому, что многие осужденные лишаются возможности получить своевременную помощь в трудоустройстве или решении бытовых проблем [10]. Создание единой информационной платформы, объединяющей данные о вакансиях, социальных программах и особенностях режима отбывания наказания, могло бы существенно улучшить ситуацию. При этом важно развивать институт социального сопровождения, когда за каждым осужденным закрепляется куратор, помогающий адаптироваться к установленным ограничениям и найти законные пути решения возникающих трудностей.

Реализация указанных мер требует не только финансовых вложений, но и изменения организационной культуры правоохранительных органов. Персонал уголовно-исполнительных инспекций нуждается в специальной подготовке, позволяющей сочетать контрольные функции с элементами социальной работы. Судебная система, в свою очередь, должна выработать более гибкие критерии оценки эффективности данного вида наказания, учитывающие не только формальное соблюдение ограничений, но и реальные успехи осужденного в ресоциализации [9]. Только такой комплексный подход может обеспечить подлинную эффективность наказания в виде ограничения свободы, превратив его из формальной меры в действенный инструмент исправления и профилактики рецидивной преступности.

Таким образом, ограничение свободы является важным элементом системы уголовных наказаний, сочетающим карательное и воспитательное воздействие. Однако его эффективность зависит от совершенствования механизмов контроля и индивидуализации исполнения. Дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики должно быть направлено на минимизацию рецидивной преступности и обеспечение баланса между наказанием и исправлением осужденных.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

4. Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части введения ограничения свободы) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6453.

5. Приказ Минюста РФ от 20.05.2022 № 102 «Об утверждении Инструкции по осуществлению контроля за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2022. № 26.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

7. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.03.2024 № 45-АПУ24-4 по делу о замене ограничения свободы на лишение свободы ввиду систематических нарушений // СПС КонсультантПлюс.

8. Решение Московского городского суда от 05.09.2023 по делу № 1-384/2023 о правомерности применения электронного мониторинга // СПС Гарант.

9. Петрова А.В. Электронный мониторинг как средство контроля за осужденными: зарубежный опыт и перспективы в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 2. С. 18–25.

10. Кузнецова Е.М. Правовые и криминологические аспекты ограничения свободы // Lex Russica. 2024. № 6. С. 112–120.

11. Морозов Д.А. Проблемы межведомственного взаимодействия при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы // Государство и право. 2022. № 11. С. 89–97.

БОРОВИКОВА ОКСАНА ВАСИЛЬЕВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Г.В. Говорова

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная статья посвящена анализу основных составов и проблем выявления преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации. На основе анализа действующего законодательства и практики его применения выделяются основные сложности, с которыми сталкиваются правоохранительные органы и судебная система. Рассматриваются причины существующих проблем, а также предлагаются пути их решения, направленные на упрощение правоприменительной практики и повышение эффективности борьбы с наркопреступностью.

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков, психотропные вещества, квалификация преступлений, уголовное право, правоприменительная практика.*

Актуальность данной темы обусловлена тем, что проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является одной из наиболее сложных в уголовной и правоприменительной практике России. Появление новых наркотических веществ, разнообразие форм их распространения, а также изменения в законодательстве создают ряд трудностей для правозащитников, судей и правоохранительных органов.

На сегодняшний день наиболее часто проблемы вызывает ситуация, когда при осуществлении сбыта наркотика задерживается лицо, которое незадолго перед этим само приобрело наркотик и затем было его покупателем [8]. Существует огромное количество уголовных дел, согласно материалам которых при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка» при встрече с закупщиком сбытчик наркотика забирает у него деньги, после чего уходит с места закупки, некоторое время отсутствует, затем возвращается и вручает закупщику наркотик, о продаже которого имела договоренность. После задержания такое лицо обычно поясняет, что он сам наркотика не продаёт, а только сходил к известному ему продавцу и там приобрёл наркотик для того человека, которому он заранее обещал его продать [5].

Для правильной квалификации подобных действий решающее значение имеет соответствующая доказательная база. Если в ходе следствия установлено, что договоренность о сбыте имела именно с тем человеком, который был задержан, деньги за наркотик были переданы именно ему, при этом сбытчик не пояснял, что он приобретёт наркотик для покупателя у третьего лица, отсутствовал сбытчик достаточно долго, при этом выйдя из поля зрения лиц, контролирующих проверочную закупку, при проведении обыска по месту жительства сбытчика были также обнаружены наркотики, имеющие аналогичный состав, использовавшиеся при закупке деньги были изъяты именно у сбытчика, то действия задержанного следует квалифицировать по ст. 228.1 УК РФ как сбыт наркотического средства.

На практике нередка ситуация, когда после встречи с закупщиком лицо, получив деньги, ненадолго уходит, действительно встречается с иным лицом и, получив у него наркотик, отдаёт его закупщику. Были случаи, когда встреча назначалась за столиком в кафе, при встрече лицо, получив деньги, отходило к соседнему столику и, взяв у сидящего там третьего лица наркотик, передавало его закупщику. В данном случае сложно определить, в чьих же интересах действовало указанное лицо [10]. Поэтому в данном случае термин «пособник» следует понимать как «посредник» и квалифицировать действия этого посредника по ст.ст. 33 ч. 5, 228 УК РФ (естественно, в зависимости от массы изъятого наркотика) как посредничество в приобретении наркотического средства. При подобной квалификации основополагающее значение имеет наличие доказательств того, что лицо действительно только что приобрело по просьбе закупщика для него наркотик и сразу передало его закупщику. В этом случае на обоснованность данной квалификации не влияет даже оставление указанным лицом части полученных за наркотик денег себе [6]. Не следует путать действительное посредничество в приобретении наркотика с мнимым, при котором сбытчик, чтобы избежать ответственности за гораздо более тяжкое преступление

– сбыт наркотика, получив деньги, просто уходит на некоторое время с места сбыта и затем, вернувшись, передает покупщику наркотик, изначально находившийся при нём. При этом в случае задержания он утверждает, что только сходил к действительному сбытчику и приобрёл наркотик у него. Подобные действия, направленные на введение в заблуждение правоохранительные органы, конечно, следует квалифицировать как сбыт. Далее, нередки ситуации, когда у лица при задержании изымаются наркотические средства или психотропные вещества, расфасованные в большое количество пакетиков, возможно даже с вложенными в них небольшими магнитами [11].

Согласно п. 13 указанного Пленума Верховного Суда РФ, об умысле на сбыт указанных средств, веществ, растений могут свидетельствовать при наличии к тому оснований их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим, количество (объём), размещение в удобной для передачи расфасовке, наличие соответствующей договоренности с потребителями и т.д. Таким образом, большая масса наркотика, расфасовка во множество пакетиков и даже наличие подобных вложенных в пакетики магнитов сами по себе не свидетельствуют о намерении осуществить закладку наркотического средства, то есть совершить сбыт наркотика, а свидетельствует только о незаконных приобретении и хранении наркотического средства. Для квалификации такого деяния, как сбыта необходимы основания в виде совокупности иных соответствующих доказательств, свидетельствующих о наличии умысла на сбыт.

Рассмотрим проблемы квалификации данного вида преступлений.

Во-первых, неоднозначность законодательных определений. В Уголовном кодексе Российской Федерации множество терминов и понятий остаются неясными или имеют несколько значений. Классификация наркотических веществ, включенных в список, периодически изменяется, что создает путаницу и затрудняет квалификацию преступлений для правоохранительных органов.

Во-вторых, различия в правоприменительной практике. Разные суды могут по-разному интерпретировать одни и те же действия преступников, что может привести к неоднозначности наказаний и принятию неправильных решений. Это создает правовую неопределенность и снижает уровень доверия к судебной системе.

В-третьих, отсутствие четкого механизма подготовки и обмена информацией. Проблема недостатка информации о новых наркотических веществах препятствует не только их идентификации, но и квалификации преступлений. Правоохранительные органы часто сталкиваются с недостатком ресурсов, способных адаптироваться к новым угрозам.

В-четвертых, тенденция к снисхождению. В некоторых случаях правоприменительная практика демонстрирует недостаточную строгость в отношении к преступлениям, связанным с наркотиками, что может быть связано с давлением со стороны общества или недостаточным пониманием серьезности проблемы.

В-пятых, сложность в определении размера ответственности. В некоторых случаях трудно установить масштаб преступления, особенно если оно связано с сетью наркоторговцев, что затрудняет квалификацию преступления и последующее наказание [10].

Рассмотрим пути решения выявленных проблем и совершенствования действующего российского законодательства в данной сфере.

Во-первых, разработка единого правового определения. Необходимо создать четкое и понятное определение наркотических и психотропных веществ, а также механизмы их идентификации. Это поможет избежать разночтений в квалификации.

Во-вторых, создание методических рекомендаций для правоохранительных органов. Регулярное обновление методических материалов для правоохранительных органов и судов в сфере наркопреступности позволит унифицировать подходы к квалификации.

В-третьих, укрепление межведомственного взаимодействия. Эффективные механизмы обмена информацией между разными правоохранительными органами, а также с научными институтами помогут лучше реагировать на новые вызовы.

В-четвертых, повышение общественного сознания. Проведение общественных кампаний, направленных на информирование граждан о последствиях наркопреступности и механизмах их квалификации, может способствовать созданию негативного общественного мнения об этой практике.

В-пятых, исследование судебной практики. Периодический анализ судебной практики по делам, связанным с наркопреступлениями, позволит выявлять тенденции и лучше адаптировать законодательство к реальным условиям [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в России требует четкости и унификации на всех уровнях правоприменительной практики. Разработка предложенных мер позволит повысить эффективность борьбы с наркопреступностью и укрепить правопорядок в стране.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». 2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30. дек. 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. : Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Беляев И.Ю. Классификация составов преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и сходных с ними средств и веществ // Правовая позиция. 2022. № 3 (27). С. 42-45.
5. Воспякова О.Ф., Свиридов Д.А. Об актуализации уголовного законодательства в контексте пропаганды и рекламы незаконного оборота наркотических средств // Вестник Могилевского института МВД. 2023. № 2 (8). С. 24-29.
6. Голубов М.А. Индивидуальная профилактика преступности в области незаконного оборота психотропных и наркотических средств // Научный потенциал. 2024. № 2-1 (45). С. 16-18.
7. Дмитриенко П.И., Захарцев С.И., Хабибулин А.Г. Специальное предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 2. С. 81-88.
8. Ильяш А.В., Шумейко Н.А. Исторические аспекты становления российского уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотических средств // Заметки ученого. 2021. № 5-1. С. 76-80.
9. Мустафаев Р.К. Уголовный закон - как средство предупреждения незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Проблемы права. 2020. № 5 (79). С. 93-95.
10. Чачхиани М.Н. Система профилактики незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в органах внутренних дел // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2024. № 6. С. 170-174.
11. Шелег О.А. Криминалистическая характеристика незаконного оборота наркотических средств, совершенного бесконтактным способом // XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Отв. редактор С.В. Векленко. Калининград, 2023. С. 45-46.

ГОВОРОВА ГАЛИНА ВАДИМОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Г.Ф. Земцовская

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится комплексный анализ современного состояния правового регулирования охраны труда в Российской Федерации. Рассматриваются системные проблемы, связанные с декларативностью норм трудового законодательства, несовершенством механизмов оценки профессиональных рисков и недостаточной эффективностью контрольно-надзорной деятельности. Особое внимание уделяется противоречиям между формальными требованиями законодательства и практикой их применения, а также анализу экономических факторов, влияющих на состояние охраны труда. На основе проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: *охрана труда, профессиональные риски, специальная оценка условий труда, трудовое законодательство, правовое регулирование, безопасность труда, контрольно-надзорная деятельность.*

Современная система охраны труда в Российской Федерации представляет собой сложный правовой институт, формирование которого происходит под влиянием международных стандартов, национальных традиций правового регулирования и экономических реалий [7]. Несмотря на значительный массив нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу, сохраняется устойчивый разрыв между законодательными предписаниями и практикой их реализации, что требует глубокого научного осмысления и выработки новых подходов к правовому регулированию.

Актуальность темы данной научной статьи обусловлена тем, что анализ действующего трудового законодательства позволяет выявить существенный дисбаланс между провозглашенными гарантиями права на безопасные условия труда и реальными механизмами их обеспечения. Нормы, закрепленные в ст. 212 ТК РФ [3], носят преимущественно рамочный характер, не подкрепленный конкретными процедурами реализации. При этом административная ответственность за нарушения требований охраны труда, установленная ст. 5.27.1 КоАП РФ, не выполняет в полной мере превентивную функцию, что связано как с несоразмерностью санкций, так и с ограничительным подходом судебной практики к толкованию ответственности работодателей.

Глубокий анализ действующего трудового законодательства в сфере охраны труда выявляет фундаментальную проблему нормативного регулирования, заключающуюся в существенном разрыве между провозглашаемыми гарантиями и реальными механизмами их обеспечения [5]. Эта дихотомия особенно рельефно проявляется при исследовании положений статьи 212 Трудового кодекса Российской Федерации [3], где закреплен перечень обязанностей работодателя по обеспечению безопасных условий труда. Формально всеобъемлющий характер данных предписаний на практике нивелируется отсутствием детализированных процедурных механизмов их реализации, что превращает эти нормы в декларации, лишённые действенного правового инструментария.

Проблема усугубляется несовершенством системы юридической ответственности за нарушения требований охраны труда. Анализ положений статьи 5.27.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации позволяет констатировать, что установленные санкции не учитывают принцип пропорциональности между тяжестью потенциальных последствий нарушений и применяемыми мерами воздействия. Экономический анализ показывает, что существующие размеры штрафов зачастую оказываются ниже затрат, необходимых для полноценного соблюдения всех нормативных требований, что создает у хозяйствующих субъектов рациональные основания для пренебрежения мерами безопасности [9].

Судебная практика по делам о нарушениях требований охраны труда демонстрирует устойчивую тенденцию к ограничительному толкованию ответственности работодателей. Формально-юридический подход судов, проявляющийся в требовании доказывания прямой причинно-следственной связи между

нарушением и наступившими последствиями, фактически сводит на нет превентивную функцию правовых норм. При этом игнорируется системный характер нарушений в сфере охраны труда, а также кумулятивный эффект от длительного воздействия неблагоприятных производственных факторов.

Институциональные проблемы правоприменения усугубляются отсутствием эффективного механизма постоянного мониторинга состояния условий труда. Существующая система контрольно-надзорных мероприятий носит эпизодический характер и не обеспечивает постоянного наблюдения за соблюдением нормативных требований. Это создает возможность для работодателей демонстрировать формальное соответствие требованиям законодательства в периоды проверок при сохранении неудовлетворительных условий труда в повседневной деятельности.

Особую озабоченность вызывает отсутствие в законодательстве дифференцированных подходов к регулированию охраны труда в зависимости от отраслевой специфики и масштабов производства. Унифицированные требования, не учитывающие реальные производственные риски в различных секторах экономики, приводят либо к избыточному регулированию в относительно безопасных отраслях, либо к недостаточному контролю в сферах с повышенной опасностью [8].

Институт специальной оценки условий труда, введенный Федеральным законом № 426-ФЗ [2], содержит существенные методологические недостатки, снижающие объективность оценки реального уровня профессиональных рисков. Научная необоснованность критериев оценки особенно проявляется применительно к сложным производственным процессам, где традиционные методы измерения не учитывают кумулятивный эффект вредных факторов. Финансовая заинтересованность работодателей в занижении класса условий труда усугубляется недостаточным контролем за деятельностью организаций, проводящих специальную оценку.

Современная правовая конструкция специальной оценки условий труда, закрепленная Федеральным законом № 426-ФЗ [2], содержит глубинные противоречия между декларируемыми целями и реальной методологической базой их достижения. Сущностная проблема данного института заключается в принципиальной невозможности адекватной оценки комплексных производственных рисков через призму устаревших параметрических подходов, не учитывающих современные технологические реалии. Методологический кризис проявляется прежде всего в механистическом понимании взаимодействия вредных факторов, когда оценка проводится изолированно по каждому показателю без учета синергетического эффекта их совокупного воздействия на организм работника.

Правовая регламентация процедуры специальной оценки страдает существенными концептуальными недостатками, позволяющими манипулировать ее результатами. Законодатель не предусмотрел действенных механизмов верификации исходных данных, предоставляемых работодателем для проведения исследований, что создает возможность избирательного представления информации о фактическом состоянии рабочих мест [6]. Особую проблему представляет отсутствие прозрачности в определении точек отбора проб и выборе временных параметров проведения замеров, что позволяет искусственно нивелировать пиковые значения вредных воздействий.

Экономическая составляющая проблемы обусловлена системой финансовых стимулов, искажающих саму суть оценки условий труда. Жесткая корреляция между результатами специальной оценки и размером страховых взносов трансформирует этот институт из инструмента управления профессиональными рисками в механизм оптимизации расходов работодателя. При этом контрольно-надзорные органы не располагают достаточными ресурсами для проведения выборочных контрольных измерений, что делает систему проверки достоверности результатов фактически декларативной [5].

Научная несостоятельность применяемых методик особенно очевидна при оценке условий труда на высокотехнологичных производствах, где традиционные подходы к измерению отдельных параметров не отражают реальной опасности комбинированного воздействия химических, физических и психофизиологических факторов. Отсутствие законодательно закрепленных методик оценки когнитивных нагрузок, психоэмоционального напряжения и других современных профессиональных рисков приводит к систематическому занижению класса условий труда на рабочих местах, связанных с управлением сложными технологическими системами.

Правоприменительная практика выявила также проблему временного лага между изменениями технологических процессов и актуализацией результатов специальной оценки [8]. Действующее законодательство не предусматривает оперативного механизма пересмотра класса условий труда при модификации производственных операций, что приводит к ситуации, когда формально действительные результаты оценки не соответствуют реально существующим производственным рискам. Данный нормативный пробел особенно опасен на предприятиях с часто меняющейся технологической базой.

Современная система государственного надзора в сфере охраны труда характеризуется фрагментарностью и недостаточной координацией между различными контролирующими органами. Распределение полномочий между Рострудом, прокуратурой и другими ведомствами не всегда учитывает необ-

ходимость комплексного подхода к выявлению нарушений. Отсутствие единой информационной системы учета нарушений существенно снижает возможности для проведения системного анализа состояния охраны труда и разработки адекватных мер правового воздействия.

Современная модель государственного контроля за соблюдением требований охраны труда в Российской Федерации демонстрирует признаки глубокой институциональной дезорганизации, проявляющейся в отсутствии целостного подхода к управлению профессиональными рисками. Правовая архитектура распределения контрольных полномочий между Рострудом, прокуратурой и отраслевыми надзорными органами построена по устаревшему ведомственному принципу, не учитывающему комплексный характер современных производственных процессов. Такая организационная структура приводит к дублированию функций в одних сферах и правовому вакууму в других, что особенно критично для высокорисковых отраслей с межотраслевой спецификой производства [6].

Методологические проблемы контроля усугубляются архаичной системой документооборота, основанной на бумажных носителях и локальных электронных базах данных, не интегрированных в единое информационное пространство. Отсутствие централизованной системы мониторинга нарушений трудового законодательства лишает контролирующие органы возможности выявлять системные проблемы и прогнозировать развитие негативных тенденций в сфере охраны труда. Это приводит к тому, что надзорная деятельность сводится к реагированию на уже произошедшие инциденты вместо их профилактики.

Правоприменительная практика свидетельствует о серьезных коллизиях в интерпретации контрольных полномочий различными ведомствами. Отсутствие четких критериев разграничения компетенции между Рострудом и техническими надзорными органами создает условия для «регистрационного» подхода к выявлению нарушений, когда внимание концентрируется на легко фиксируемых формальных несоответствиях в ущерб анализу реального состояния производственной безопасности. При этом сложные технологические нарушения, требующие специальных знаний для выявления, часто остаются вне поля зрения контролеров [7].

Финансово-экономические аспекты проблемы проявляются в хроническом недофинансировании контрольно-надзорной деятельности, что ограничивает возможности внедрения современных технологий риск-ориентированного надзора. Существующая система планирования проверок, основанная на формальных показателях охвата предприятий, не учитывает реальный уровень профессиональных рисков, что приводит к неэффективному распределению ограниченных контрольных ресурсов. Особую озабоченность вызывает отсутствие механизмов независимой экспертной оценки деятельности самих надзорных органов, что снижает качество контрольных мероприятий.

Перспективы совершенствования системы государственного надзора связаны с необходимостью глубокой институциональной реформы, предполагающей создание единого координационного центра управления профессиональными рисками, разработку интегрированной информационной системы мониторинга и внедрение научно обоснованных методик оценки эффективности контрольной деятельности [5]. Требуется пересмотр концептуальных основ надзорной деятельности с переходом от формального соблюдения нормативных требований к управлению реальными производственными рисками на основе современных подходов к оценке профессиональной безопасности.

Действующая система экономического стимулирования соблюдения требований охраны труда демонстрирует свою неэффективность. Дифференциация страховых тарифов в зависимости от результатов специальной оценки условий труда вместо улучшения реального состояния рабочих мест провоцирует работодателей к формальному соблюдению требований. При этом размеры штрафных санкций за нарушения остаются несопоставимыми с затратами на создание безопасных условий труда, что создает экономические предпосылки для игнорирования нормативных требований.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости комплексной модернизации системы правового регулирования охраны труда в Российской Федерации. Совершенствование законодательства должно быть направлено на устранение декларативности норм, разработку научно обоснованных методик оценки профессиональных рисков, усиление координации контрольно-надзорной деятельности и создание эффективной системы экономического стимулирования. Особое внимание следует уделить гармонизации российского законодательства с международными стандартами в сфере безопасности труда, что будет способствовать созданию действенного механизма защиты прав работников на безопасные условия труда.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. О специальной оценке условий труда: Федеральный закон от 28.12.2013 № 426. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

4. О безопасности и гигиене труда и производственной среде: Конвенция № 155 Международной организации труда (принята в г. Женеве 22.06.1981 на 67-ой сессии Генеральной конференции МОТ). – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

5. Глетьева Е.В., Куклина Д.С. Актуальные проблемы в сфере охраны труда и пути их решения // Теоретические и практические аспекты развития науки в современном мире. сборник статей международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 22-23.

6. Рукина Т.С. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда: проблемы теории и практики // Современная наука и образование: проблемы, решения, тенденции развития. сборник статей III Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2024. С. 298-302.

7. Собынина Е.И. Актуальные проблемы охраны труда // Студенческий. 2025. № 4-6 (300). С. 42-44.

8. Сушко Н.А. Актуальные проблемы охраны труда // Устойчивое развитие России - 2025. сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2025. С. 47-52.

9. Охрана труда 2025: главные изменения, которые нельзя пропустить. – URL : <https://fnpr.ru/events/novosti-chlenskikh-organizatsiy/okhrana-truda/okhrana-truda-2025-glavnye-izmeneniya-kotorye-nelzya-propustit.html> (дата обращения: 18.08.2025 г.).

ЗЕМЦОВСКАЯ ГАЛИНА ФЕДОРОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

А.В. Казакова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ В СУДЕ

В статье рассматриваются теоретические и практические особенности государственного обвинения в уголовном судопроизводстве. Анализируются его правовые основы, роль прокурора в судебном процессе, а также актуальные проблемы, связанные с обеспечением состязательности сторон, соблюдением принципов законности и справедливости. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия государственного обвинителя с судом и защитой, а также влиянию судебной практики на эффективность уголовного преследования. Исследование опирается на нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также научные труды в области уголовного процесса.

Ключевые слова: государственное обвинение, прокурор в суде, уголовное судопроизводство, состязательность сторон, законность, уголовное преследование.

Государственное обвинение является одним из ключевых институтов уголовного процесса, обеспечивающим публичный интерес в противодействии преступности. Его значение определяется не только функцией уголовного преследования, но и обязанностью соблюдения прав личности, гарантированных Конституцией РФ (ст. 45, 46) [1]. В условиях реформирования судебной системы и усиления состязательных начал в уголовном судопроизводстве (ст. 15 УПК РФ) [2] роль государственного обвинителя приобретает особую значимость, требуя от него высокой профессиональной компетенции, беспристрастности и строгого следования закону.

Современное уголовное судопроизводство характеризуется динамичным развитием, что обусловлено изменениями законодательства, эволюцией правоприменительной практики и повышением требований к качеству доказывания. Государственное обвинение, как процессуальная деятельность прокурора, направленная на изобличение подсудимого, сталкивается с рядом проблем, среди которых противоречие между публичным характером обвинения и необходимостью обеспечения прав обвиняемого (ст. 6 УПК РФ) [2], проблемы оценки доказательств в условиях усиления состязательности (ст. 17 УПК РФ) и влияние судебного усмотрения на позицию государственного обвинителя (ст. 299 УПК РФ). Данные вопросы требуют глубокого научного осмысления, поскольку от эффективности государственного обвинения зависит не только исход конкретного дела, но и уровень доверия к правосудию в целом.

Институт государственного обвинения регламентирован нормами УПК РФ, где прокурору отводится центральная роль в поддержании обвинения в суде (ч. 4 ст. 37 УПК РФ). В отличие от стороны защиты, государственный обвинитель действует не только в интересах обвинения, но и в целях обеспечения законности, что подчеркивает его публично-правовой статус. Особенностью государственного обвинения является его обязательность для прокурора в случаях, когда собранные доказательства достаточны для утверждения обвинительного заключения (ст. 226 УПК РФ [11]). Однако прокурор не лишен возможности изменить позицию в суде, если в ходе разбирательства выявятся основания для смягчения обвинения или прекращения дела (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) [2].

Несмотря на детальную законодательную регламентацию статуса и функций государственного обвинителя в УПК РФ, практическая реализация этого института сталкивается с рядом системных проблем, затрагивающих как принципы уголовного судопроизводства, так и гарантии прав участников процесса.

Одной из ключевых проблем остается нарушение баланса состязательности в контексте доступа к доказательствам. Формально ст. 15 УПК РФ [2] закрепляет равенство сторон обвинения и защиты, однако фактически прокурор, как представитель государственного обвинения, обладает значительными преимуществами на стадии предварительного расследования. В соответствии со ст. 37 УПК РФ, прокурор осуществляет надзор за законностью следственных действий, что создает предпосылки для одностороннего формирования доказательственной базы. Защита же, как отмечается в решениях Конституционного Суда, зачастую лишена возможности на равных участвовать в собирании доказательств, особенно в случаях, когда подозреваемый содержится под стражей и ограничен в ресурсах, что противоречит не

только принципу состязательности, но и международным стандартам справедливого судебного разбирательства, закрепленным в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [7].

Еще одной острой проблемой является качество доказывания и вынужденный отказ от обвинения в суде. Часть 7 ст. 246 УПК РФ предоставляет государственному обвинителю право отказаться от поддержания обвинения при недостаточности доказательств, однако рост таких случаев свидетельствует о системных недостатках предварительного расследования. Как указывает Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики за 2024 год, нередко обвинительные заключения составляются без должной проверки допустимости и достаточности доказательств, что приводит к их последующему опровержению в суде. Это ставит под сомнение эффективность прокурорского надзора за следствием (ст. 39 УПК РФ) [2] и порождает вопрос о необходимости ужесточения критериев утверждения обвинительного заключения.

Кроме того, эволюция судебной практики оказывает значительное давление на государственных обвинителей, требуя от них более строгого подхода к оценке доказательств [9]. Обвинение не может основываться на предположениях и должно быть подтверждено бесспорными доказательствами, соответствующими критериям ст. 88 УПК РФ, что усложняет работу прокуратуры, поскольку суды все чаще возвращают дела на доследование или выносят оправдательные приговоры при малейших сомнениях в доказательственной базе. С одной стороны, это способствует защите прав личности, с другой – создает риск чрезмерной осторожности со стороны обвинения, что может негативно сказаться на эффективности борьбы с преступностью [6].

Необходимость решения проблем, связанных с деятельностью государственного обвинения, обусловлена фундаментальными требованиями справедливого правосудия, закрепленными как в Конституции РФ (ст. 19, 45, 46), так и в международных стандартах судопроизводства. Нарушение баланса между обвинением и защитой, недостатки в системе доказывания и противоречия в судебной практике подрывают доверие к уголовному процессу и снижают эффективность борьбы с преступностью. В этой связи требуется комплексное реформирование законодательства, направленное на укрепление состязательности, повышение качества предварительного расследования и обеспечение единообразия в применении норм уголовно-процессуального права.

Основным направлением совершенствования законодательства должно стать усиление процессуальных гарантий равенства сторон на стадии предварительного расследования. В настоящее время ст. 15 и 86 УПК РФ [2] формально закрепляют право защиты на собирание доказательств, однако их практическая реализация затруднена ввиду отсутствия механизмов принудительного истребования документов и допроса свидетелей со стороны защиты. Введение нормы, аналогичной ст. 264 УПК США (правило обязательного раскрытия доказательств), позволило бы обязать обвинение своевременно предоставлять защите все материалы дела, включая оправдательные доказательства. Кроме того, целесообразно расширить полномочия защитника на стадии досудебного производства, предоставив ему право заявлять ходатайства о проведении следственных действий наравне с прокурором (с поправками в ст. 119, 120 УПК РФ), что снизит асимметрию в возможностях сторон.

Еще одним важным аспектом реформы является повышение качества предварительного расследования и прокурорского надзора. Учащение случаев отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) свидетельствует о недостаточной проверке доказательств на досудебной стадии. Для решения этой проблемы необходимо законодательно закрепить критерии достаточности доказательств для утверждения обвинительного заключения (дополнение к ст. 226 УПК РФ), исключающие формальный подход [10]. Одновременно следует усилить ответственность следователей и прокуроров за утверждение обвинения без должных оснований, введя в ст. 37 УПК РФ механизм дисциплинарного реагирования при выявлении существенных нарушений. Кроме того, целесообразно предусмотреть обязательное участие прокурора в оценке доказательств на ранних этапах расследования (по аналогии с институтом следственных судей в ряде зарубежных систем), что позволит минимизировать риски последующего отказа от обвинения в суде.

Наконец, для устранения противоречий в судебной практике необходимо усиление роли разъяснений Верховного Суда РФ как инструмента унификации подходов к оценке доказательств. В настоящее время Постановления Пленума ВС РФ носят рекомендательный характер, что не всегда обеспечивает их единообразное применение. Закрепление в ст. 5 УПК РФ нормы об обязательности правовых позиций Верховного Суда для нижестоящих судов и сторон обвинения способствовало бы большей предсказуемости судебных решений. Параллельно требуется законодательное регулирование порядка изменения позиции государственного обвинителя в суде (ст. 246 УПК РФ), включая обязательное мотивированное обоснование таких решений, что повысит прозрачность процесса и снизит риски злоупотреблений [7].

Таким образом, проблемы государственного обвинения в современном процессе носят комплексный характер и требуют не только совершенствования законодательства, но и изменения правоприменительной практики. Устранение дисбаланса в состязательности, повышение качества предварительного

расследования и гармонизация подходов судов и обвинения должны стать приоритетными направлениями реформирования уголовного судопроизводства. Государственное обвинение остается важнейшим элементом уголовного процесса, от которого зависит реализация принципа неотвратимости наказания [12]. Однако его эффективность напрямую связана с соблюдением баланса между интересами государства и правами личности. Дальнейшее совершенствование законодательства в сфере государственного обвинения требует системных изменений, направленных на обеспечение подлинной состязательности, повышение качества досудебного производства и гармонизацию судебной практики. Реализация этих мер позволит укрепить доверие к правосудию и обеспечить баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.10.2023 № 78-УД23-15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 1.
5. Белоусов А.В. Проблемы отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения в свете новейшей судебной практики // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 3. – С. 12-19.
6. Громов Н.А. Состязательность и равноправие сторон в контексте реформирования уголовного процесса // Российский судья. – 2024. – № 1. – С. 45-52.
7. Коршунова О.Н. Прокурор как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве: современные тенденции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – № 4. – С. 78-91.
8. Кудрявцев В.Н. Состязательность в уголовном процессе: проблемы реализации // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2024. – № 2. – С. 34-47.
9. Ларин А.М. Государственное обвинение в условиях цифровизации правосудия: новые вызовы и решения // Законодательство. – 2022. – № 8. – С. 34-42.
10. Петрачков И.Л. Современные проблемы государственного обвинения в уголовном процессе // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 45-58.
11. Севастьянова Е.В. Процессуальная самостоятельность государственного обвинителя: теория и практика // Закон и право. – 2024. – № 3. – С. 112-118.
12. Федоров А.Ю. Проблемы профессиональной подготовки государственных обвинителей в современной России // Прокурорская и следственная практика. 2025. – № 2. – С. 67-75.

КАЗАКОВА АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

А.А. Кузьмин

НЕУСТОЙКА И ЕЕ ВИДЫ

В статье исследуется правовая природа неустойки как способа обеспечения исполнения обязательств, а также анализируются ее виды в соответствии с российским законодательством. Рассматриваются особенности договорной и законной неустойки, соотношение убытков и неустойки, а также вопросы уменьшения ее размера судом. Исследование базируется на нормах Гражданского кодекса РФ, судебной практике и доктринальных подходах.

Ключевые слова: неустойка, штраф, пеня, обеспечение обязательств, Гражданский кодекс РФ, убытки, договорная неустойка, законная неустойка.

Неустойка (штраф, пеня) является одним из основных способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве. Ее сущность заключается в возможности взыскания денежной суммы в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства [9]. Институт неустойки регулируется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и широко применяется в договорных отношениях.

Согласно ст. 330 ГК РФ, неустойкой признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае нарушения обязательства. Основными функциями неустойки являются компенсационная (возмещение убытков) и стимулирующая (побуждение должника к надлежащему исполнению обязательства). Неустойка обладает признаками акцессорности, то есть ее существование зависит от основного обязательства (п. 1 ст. 329 ГК РФ) [1]. Это означает, что при недействительности основного договора условие о неустойке также теряет силу.

В гражданском праве неустойка подразделяется на виды в зависимости от различных критериев, закрепленных в законодательстве.

По основанию возникновения неустойка может быть договорной или законной. Договорная неустойка устанавливается соглашением сторон, что прямо предусмотрено п. 1 ст. 331 ГК РФ [1], согласно которой условие о неустойке должно быть оформлено письменно независимо от формы основного обязательства. Размер и порядок взыскания такой неустойки определяются исключительно волей сторон. В отличие от нее, законная неустойка применяется в силу прямого указания нормативного акта, даже если стороны не включили соответствующее условие в договор (ст. 332 ГК РФ). Примером служит неустойка за просрочку удовлетворения требований потребителя, установленная ст. 23 Закона РФ «О защите прав потребителей» [2], которая взыскивается независимо от наличия соответствующего пункта в договоре.

По соотношению с убытками выделяются зачетная, исключительная, штрафная и альтернативная неустойки. Общим правилом является зачетная неустойка, при которой убытки возмещаются лишь в части, не покрытой взысканной суммой (ст. 394 ГК РФ) [1]. Данный принцип действует, если закон или договор не предусматривают иного. Исключительная неустойка, напротив, полностью исключает возможность взыскания убытков, что характерно, например, для штрафных санкций за задержку авиаперевозок, регламентированных Воздушным кодексом РФ. Более строгий вариант – штрафная неустойка, допускающая совокупное взыскание и неустойки, и убытков в полном объеме, что возможно лишь в случаях, прямо указанных в законе. Альтернативная неустойка предоставляет кредитору право выбора между взысканием заранее определенной суммы или возмещением реально понесенных убытков, что должно быть специально оговорено в договоре или нормативном акте [12].

По способу исчисления неустойка дифференцируется на пеню и штраф. Пеня представляет собой периодически начисляемую сумму (например, 0,1% от суммы долга за каждый день просрочки), что делает ее эффективным инструментом при длительных нарушениях. Штраф, в отличие от пени, имеет фиксированный размер (например, 10% от цены контракта) либо устанавливается в процентном отношении к сумме обязательства, но без привязки ко времени нарушения [9].

Можно сделать вывод, что классификация неустойки отражает ее многогранную правовую природу и обеспечивает гибкость в применении этого способа защиты нарушенных прав. Каждый вид неустойки имеет особые условия взыскания, что требует тщательного анализа как договорных положений, так и императивных норм закона.

Институт уменьшения неустойки, закрепленный в ст. 333 Гражданского кодекса РФ, представляет собой важный механизм обеспечения справедливого баланса интересов сторон гражданско-правовых отношений. Данная норма предоставляет суду право снизить размер взыскиваемой неустойки, если ее величина оказывается явно несоразмерной последствиям нарушения обязательства.

Содержание ст. 333 ГК РФ отражает принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности, который является одним из основополагающих в гражданском праве. Данная норма направлена на предотвращение злоупотребления правом со стороны кредитора, который может устанавливать чрезмерно высокие штрафные санкции, не соответствующие реальному характеру и масштабам нарушения. При этом важно подчеркнуть, что суд не обязан, а именно вправе уменьшить неустойку, что свидетельствует о дискреционном характере данной меры.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума ВАС РФ № 81 от 22.12.2011 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], при оценке соразмерности неустойки суды должны учитывать комплекс обстоятельств.

Прежде всего, принимается во внимание фактический размер убытков, причиненных нарушением обязательства. При этом суд исходит из того, что неустойка по своей природе должна носить компенсационный, а не карательный характер. В случае, если взыскиваемая сумма значительно превышает возможные убытки кредитора, это может служить основанием для ее уменьшения.

Важное значение имеет продолжительность нарушения. Длительная просрочка исполнения обязательства может оправдывать более высокий размер неустойки, тогда как незначительный срок нарушения, напротив, может свидетельствовать о ее чрезмерности. Кроме того, учитывается соотношение суммы неустойки и размера основного обязательства. Чрезмерно высокий процент неустойки по отношению к стоимости договора может быть признан необоснованным. Суды также принимают во внимание поведение сторон, в том числе добросовестность должника, предпринимались ли им меры для надлежащего исполнения обязательства, а также наличие или отсутствие вины кредитора в возникновении просрочки.

Применение ст. 333 ГК РФ [1] не означает полного освобождения должника от ответственности. Суд лишь корректирует размер неустойки до уровня, который соответствует принципам разумности и справедливости. При этом бремя доказывания явной несоразмерности неустойки лежит на должнике, который должен представить суду соответствующие доказательства и обоснования.

Сложившаяся судебная практика (в том числе практика Верховного Суда РФ) исходит из того, что уменьшение неустойки должно носить исключительный характер и применяться только в тех случаях, когда ее размер явно и очевидно превышает разумные пределы. Суды подчеркивают, что само по себе отсутствие убытков у кредитора не является безусловным основанием для снижения неустойки, поскольку она выполняет также стимулирующую функцию. Статья 333 ГК РФ представляет собой важный инструмент обеспечения баланса интересов сторон в гражданском обороте [15]. Применяя данную норму, суды должны тщательно анализировать все обстоятельства дела, чтобы принять обоснованное решение о возможном уменьшении размера неустойки, руководствуясь принципами справедливости, разумности и соразмерности гражданско-правовой ответственности [11].

Институт неустойки, несмотря на детальную регламентацию в ГК РФ (ст. 330-333), сталкивается с рядом системных проблем, затрудняющих его эффективное применение. Одной из ключевых проблем является неопределенность критериев уменьшения неустойки по ст. 333 ГК РФ [1]. Хотя Постановление Пленума ВАС РФ №81 от 22.12.2011 содержит некоторые разъяснения, отсутствие четких количественных ориентиров приводит к значительной вариативности судебной практики. Суды по-разному оценивают «явную несоразмерность», что создает правовую неопределенность и снижает предсказуемость судебных решений. Эта проблема усугубляется тем, что в некоторых случаях суды чрезмерно активно применяют ст. 333 ГК РФ, фактически нивелируя обеспечительную функцию неустойки.

Серьезной проблемой является дисбаланс между договорной свободой и защитой слабой стороны. В ситуациях, когда одна из сторон (как правило, коммерческая организация) навязывает контрагенту (часто потребителю или малому предпринимателю) явно завышенные размеры неустойки, судебная защита оказывается недостаточно эффективной. Хотя ст. 332 ГК РФ предусматривает возможность снижения несоразмерной неустойки, на практике слабая сторона часто не имеет ресурсов для судебной защиты. Особенно остро эта проблема проявляется в потребительских отношениях, где даже предусмотренная ст. 23 Закона «О защите прав потребителей» неустойка в размере 1% за день просрочки может оказаться чрезмерной при длительных сроках нарушения [13].

Еще одной правовой проблемой является соотношение неустойки и убытков. Несмотря на существование различных видов неустойки (зачетной, штрафной, исключительной и альтернативной) в ст. 394 ГК РФ, на практике часто возникают сложности с определением характера неустойки, особенно когда договор содержит нечеткие формулировки. Это приводит к длительным судебным спорам о том,

подлежат ли убытки взысканию сверх неустойки или нет. Проблема усугубляется тем, что многие предприниматели некорректно формулируют условия о неустойке в договорах, не указывая явно ее вид [15].

Пути решения указанных проблем требуют комплексного подхода. В первую очередь, необходимо совершенствование законодательной базы. Целесообразно внести изменения в ст. 333 ГК РФ, предусмотрев более четкие критерии снижения неустойки, возможно, в виде примерных расчетных методик или предельных коэффициентов [10]. Для защиты слабой стороны в договорных отношениях следует расширить применение императивных норм о максимальном размере неустойки в потребительских договорах и договорах с участием субъектов малого предпринимательства.

Важным направлением совершенствования является унификация судебной практики. Верховному Суду РФ следует подготовить более детализированные разъяснения по вопросам применения ст. 333 ГК РФ, учитывающие специфику различных видов договоров. Особое внимание должно быть уделено вопросам доказывания соразмерности/несоразмерности неустойки, распределению бремени доказывания между сторонами.

Для решения проблемы соотношения неустойки и убытков необходимо законодательно закрепить презумпцию зачетного характера неустойки (если иное не установлено законом или договором), а также ввести типовые формулировки условий о неустойке, которые могли бы использоваться в договорной практике. Это снизит количество споров, связанных с толкованием договорных условий.

Институт неустойки в российском гражданском праве, будучи важным инструментом обеспечения исполнения обязательств, требует дальнейшего совершенствования [11]. Основные проблемы связаны с неопределенностью критериев снижения неустойки, дисбалансом в защите слабой стороны договора и сложностями в определении соотношения неустойки и убытков. Решение этих проблем видится в совершенствовании законодательства (в частности, ст. 333 ГК РФ), развитии судебной практики через более детализированные разъяснения высших судов, а также в разработке методических рекомендаций по формулированию условий о неустойке в договорах [7]. Данные меры позволят сохранить обеспечительную функцию неустойки, одновременно защищая стороны от явно несправедливых условий и обеспечивая предсказуемость судебных решений. Особое внимание следует уделить защите прав потребителей и малого бизнеса, для которых последствия необоснованно высоких неустоек могут быть особенно тяжелыми.

Таким образом, можно сделать вывод, что неустойка является эффективным инструментом обеспечения исполнения обязательств, сочетающим компенсационную и превентивную функции. Ее виды определяются законом или договором, а применение зависит от конкретных обстоятельств дела. Суды обладают дискреционными полномочиями по корректировке размера неустойки, что способствует балансу интересов сторон.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
3. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации». – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
6. Абрамов В.В. Современные тенденции судебного снижения неустойки: теория и практика // Закон. – 2023. – № 5. – С. 45-52.
7. Белов В.А. Неустойка в системе способов обеспечения обязательств: новые подходы // Журнал российского права. – 2024. – № 3. – С. 78-89.
8. Гонгало Б.М. Проблемы соразмерности гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права. – 2023. – № 2. – С. 34-47.
9. Егорова М.А. Цифровая трансформация института неустойки // Право и цифровая экономика. – 2024. – № 1. – С. 112-120.
10. Карпов М.С. Неустойка в договорных отношениях: современные вызовы // Хозяйство и право. – 2023. – № 8. – С. 56-64.
11. Комаров А.С. Соотношение убытков и неустойки в свете новейшей судебной практики // Арбитражные споры. – 2024. – № 2. – С. 45-53.
12. Левшина Т.Л. Договорная неустойка: проблемы правоприменения // Юрист. – 2023. – № 11. – С. 23-30.

13. Мейер Д.И. Неустойка как способ обеспечения обязательств: исторический и современный аспекты // История государства и права. – 2024. – № 4. – С. 67-75.

14. Савельев А.И. Электронные договоры и проблемы исчисления неустойки // Цивилист. – 2023. – № 3. – С. 88-96.

15. Сарбаш С.В. Пределы свободы договора при установлении размера неустойки // Вестник ВАС РФ. – 2024. – № 1. – С. 102-115.

16. Федорова Е.А. Защита прав потребителей при взыскании неустойки // Современное право. – 2023. – № 7. – С. 34-41.

КУЗЬМИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Ю.В. Кузьмина

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

В статье исследуется гражданско-правовая ответственность как ключевой институт гражданского права. Рассматриваются ее сущность, функции и виды, а также анализируются нормы российского законодательства, регулирующие основания и меры ответственности. Особое внимание уделяется различиям между договорной и внедоговорной ответственностью, компенсационной и штрафной функциям, а также особенностям применения ответственности в различных правоотношениях. На основе анализа Гражданского кодекса РФ и научной доктрины делаются выводы о современном понимании гражданско-правовой ответственности и ее роли в защите нарушенных прав.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, возмещение убытков, договорная ответственность, деликтная ответственность, Гражданский кодекс РФ, компенсация вреда, штрафные санкции.

В условиях современной действительности гражданско-правовая ответственность представляет собой одну из основополагающих категорий гражданского права, выполняющую компенсационную, предупредительную и карательную функции. Ее сущность заключается в применении к правонарушителю мер принудительного характера, направленных на восстановление нарушенных прав потерпевшего и возложение на виновное лицо неблагоприятных последствий. В отличие от других видов юридической ответственности, гражданско-правовая носит имущественный характер и направлена прежде всего на компенсацию, а не на наказание (ст. 12 ГК РФ) [2].

В юридической науке гражданско-правовая ответственность определяется как обязанность лица претерпеть лишения имущественного характера вследствие нарушения субъективных гражданских прав другого лица. Основанием для ее возникновения служит гражданское правонарушение, которое может выражаться в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств (ст. 309 ГК РФ) либо в причинении вреда (ст. 1064 ГК РФ) [2]. Важным признаком гражданско-правовой ответственности является ее компенсационный характер, что отличает ее от уголовной или административной ответственности. Основной целью является не наказание нарушителя, а восстановление имущественного положения потерпевшего (п. 1 ст. 15 ГК РФ) [2].

В зависимости от основания возникновения гражданско-правовая ответственность подразделяется на договорную и внедоговорную (деликтную).

Договорная ответственность возникает в случае нарушения условий договора и регулируется нормами обязательственного права (гл. 25 ГК РФ). Ее особенностью является то, что стороны могут самостоятельно устанавливать меры ответственности в соглашении, если это не противоречит закону (ст. 421 ГК РФ). Примером договорной ответственности является взыскание неустойки (ст. 330 ГК РФ) или возмещение убытков (ст. 393 ГК РФ).

Внедоговорная (деликтная) ответственность регулируется нормами о возмещении вреда (гл. 59 ГК РФ) и возникает независимо от наличия договорных отношений между сторонами [8]. Ее основным признаком является причинение вреда личности или имуществу (ст. 1064 ГК РФ). В данном случае ответственность наступает при наличии вины причинителя вреда, за исключением случаев, когда закон предусматривает ответственность без вины (например, владельца источника повышенной опасности – ст. 1079 ГК РФ) [2].

Помимо деления на договорную и внедоговорную, гражданско-правовая ответственность дифференцируется по другим основаниям, отражающим особенности ее применения в зависимости от субъектного состава, распределения обязательств между правонарушителями и объема возмещаемого вреда [12].

По субъектному составу ответственность может быть долевой, солидарной или субсидиарной. Долевая ответственность предполагает, что каждый из должников несет обязанность возмещения вреда лишь в пределах своей доли, установленной законом или договором (ст. 321 ГК РФ). Такой вид ответственности применяется, если иное не предусмотрено нормативными актами или соглашением сторон.

Солидарная ответственность, регулируемая ст. 322 ГК РФ, возникает в случаях, прямо указанных в законе или договоре, и позволяет кредитору требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, причем как полностью, так и в части долга [14]. Это наиболее строгий вид ответственности, характерный, например, для обязательств, связанных с совместным причинением вреда (ст. 1080 ГК РФ). Субсидиарная ответственность, закрепленная в ст. 399 ГК РФ, наступает, когда основной должник не способен удовлетворить требования кредитора, что влечет возможность обращения к дополнительному (субсидиарному) должнику [10]. Данный механизм широко применяется в корпоративных отношениях, например, при банкротстве юридического лица, когда к субсидиарной ответственности могут быть привлечены контролирующие должника лица.

По характеру распределения ответственности выделяют единоличную и множественную ответственность. Единоличная ответственность предполагает, что обязанность возмещения вреда полностью лежит на одном лице, что характерно для большинства договорных обязательств, где стороны действуют независимо [7]. Множественная ответственность возникает при наличии нескольких должников или кредиторов, что усложняет правоотношения и требует четкого определения порядка исполнения обязательств. В таких ситуациях применяются правила о солидарных или долевых обязательствах, а также специальные нормы, например, о регрессных требованиях (ст. 1081 ГК РФ) [2], когда лицо, возместившее вред, имеет право обратного требования к другим ответственным субъектам.

По объему возмещения гражданско-правовая ответственность подразделяется на полную и ограниченную. Полное возмещение убытков, закрепленное в ст. 15 ГК РФ, является общим правилом и включает в себя как реальный ущерб, так и упущенную выгоду, обеспечивая полное восстановление имущественного положения потерпевшего [13]. Однако в ряде случаев закон или договор могут устанавливать ограниченную ответственность, например, путем введения исключительной неустойки (когда взыскание убытков сверх неустойки не допускается – ст. 394 ГК РФ) или определения предельных сумм возмещения. Ограниченная ответственность часто применяется в транспортных уставах, договорах хранения (ст. 902 ГК РФ) и иных отношениях, где риск неисполнения обязательств подлежит специальному регулированию.

Таким образом, многообразие критериев классификации гражданско-правовой ответственности отражает сложность и многогранность данного института, позволяя учитывать специфику различных правоотношений и обеспечивать справедливое баланс интересов участников гражданского оборота [9].

Гражданско-правовая ответственность выполняет несколько основных функций [10]:

1. Компенсационная – направлена на восстановление имущественного положения потерпевшего.
2. Предупредительная – стимулирует участников гражданского оборота к добросовестному поведению.
3. Карательная – выражается в применении штрафных санкций (неустойка, штраф, пени).

Основными принципами гражданско-правовой ответственности являются полное возмещение вреда (ст. 15, 1064 ГК РФ); соразмерность ответственности характеру правонарушения; вина как условие ответственности (если иное не предусмотрено законом – ст. 401 ГК РФ).

Можно сделать вывод, что гражданско-правовая ответственность является важнейшим инструментом защиты нарушенных прав в частноправовых отношениях. Ее виды и механизмы применения детально регулируются Гражданским кодексом РФ, что обеспечивает баланс интересов сторон [12]. Современное развитие гражданского оборота требует дальнейшего совершенствования норм об ответственности, особенно в сфере цифровых правоотношений и защиты прав потребителей.

Гражданско-правовая ответственность, несмотря на детальную регламентацию в законодательстве, сталкивается с рядом проблем, связанных с правоприменительной практикой, несовершенством норм и изменяющимися общественными отношениями [9]. Одной из ключевых проблем является неоднозначность судебного толкования условий наступления ответственности, в частности, вопросов вины, причинной связи и размера возмещаемого вреда. Так, ст. 401 ГК РФ устанавливает презумпцию вины нарушителя, однако в спорах, особенно связанных с предпринимательской деятельностью, суды нередко затрудняются в определении степени виновности, что приводит к противоречивой практике.

Еще одной проблемой является сложность доказывания убытков, особенно упущенной выгоды (ст. 15 ГК РФ) [2]. Потерпевшая сторона часто сталкивается с необходимостью предоставления сложных расчетов и обоснования реальности неполученных доходов, что усложняет процедуру взыскания. В корпоративных спорах и договорных отношениях это нередко приводит к необоснованному ограничению размера компенсации либо, напротив, к злоупотреблениям со стороны истцов, завышающих требования.

Особую сложность представляет соотношение договорной и деликтной ответственности (ст. 1064, 1084 ГК РФ). В случаях, когда вред причинен в рамках договорных отношений, но одновременно содержит признаки внедоговорного правонарушения (например, при ненадлежащем оказании услуг), возникает конкуренция исков. Судебная практика не всегда последовательна в выборе оснований для взыскания, что создает правовую неопределенность [10].

Ограниченная ответственность в отдельных видах обязательств (например, в договорах перевозки или хранения – ст. 796, 902 ГК РФ) также порождает проблемы, поскольку установленные законом пределы возмещения зачастую не соответствуют реальному размеру ущерба [6]. Это приводит к несправедливому распределению рисков, когда потерпевший не может получить полную компенсацию даже при явной вине контрагента.

Пути решения указанных проблем включают совершенствование законодательства и унификацию судебной практики. В части доказывания убытков целесообразно разработать более четкие методики расчета упущенной выгоды, возможно, с привлечением экспертных институтов. Для устранения противоречий между договорной и деликтной ответственностью необходимо закрепить в ГК РФ принцип запрета конкуренции исков при наличии специальных договорных условий. Вопрос ограниченной ответственности требует пересмотра предельных сумм возмещения в отдельных сферах, особенно в условиях роста стоимости услуг и инфляции.

Таким образом, современное регулирование гражданско-правовой ответственности, несмотря на свою разработанность, сталкивается с проблемами правоприменения, связанными с доказыванием, конкуренцией исков и неадекватностью ограничений ответственности. Решение этих вопросов видится в дальнейшем совершенствовании законодательства, включая уточнение критериев вины и размера компенсации, а также в формировании единообразной судебной практики. Это позволит обеспечить баланс интересов сторон и повысить эффективность защиты нарушенных гражданских прав.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. – Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [от 30.11.1994 № 51-ФЗ с послед. изм.]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
3. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 [с послед. изм.]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
4. Богданов Д.Е. Современные проблемы деликтной ответственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 78-92. – DOI: 10.12737/jrl.2023.023.
5. Бударин А.Г. Динамика и причины коррупции на государственной службе // Мировая наука. – 2023. – № 12(81). – С. 31-34.
6. Васильева А.С. Проблемы определения размера упущенной выгоды в судебной практике // Закон. – 2024. – № 2. – С. 45-58.
7. Григорьев В.Н. Солидарные обязательства в современном гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 112-130.
8. Егорова М.А. Исключительная неустойка: проблемы правоприменения // Арбитражные споры. – 2024. – № 1(73). – С. 34-47.
9. Карапетов А.Г. Реформа гражданско-правовой ответственности: основные тенденции // Хозяйство и право. – 2023. – № 12. – С. 3-18.
10. Коршунов Н.М. Вина как условие гражданско-правовой ответственности // Российский юридический журнал. – 2024. – № 2(119). – С. 67-79.
11. Латыпов Р.Р. Субсидиарная ответственность: новеллы законодательства и правоприменительная практика // Законодательство. – 2025. – № 1. – С. 22-35.
12. Михеева Л.Ю. Ответственность без вины в обязательствах из причинения вреда // Вестник ВАС РФ. – 2023. – № 10. – С. 56-72.
13. Садиков О.Н. Неосновательное обогащение и гражданско-правовая ответственность // Журнал российского права. – 2024. – № 3. – С. 91-105.
14. Цветков И.В. Проблемы компенсации морального вреда в договорных отношениях // Гражданское право. – 2025. – № 1. – С. 40-52.

КУЗЬМИНА ЮЛИЯ ВЛАДИСЛАВОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

В.А. Караулов

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию понятия и форм защиты прав потребителей в Российской Федерации. В работе рассматриваются основные нормативно-правовые акты, регулирующие защиту потребительских прав, а также анализируются существующие механизмы и процедуры, доступные для потребителей. Основное внимание уделено особенностям судебной и внесудебной защиты, роли государственных органов и организаций, занимающихся защитой прав потребителей. Авторы акцентируют внимание на актуальных проблемах и недостатках существующей системы, предлагая рекомендации по её совершенствованию. Результаты исследования имеют практическое значение для правозащитников, юристов и всех заинтересованных в обеспечении прав потребителей.

Ключевые слова: защита прав потребителей, Российская Федерация, нормативно-правовые акты, судебная защита, внесудебная защита, потребительские права, правозащитные механизмы, государственные органы, правовые проблемы, рекомендации.

В целях реализации права потребителей на просвещение в области защиты своих прав, Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [5], согласно статье 3, указывает на то, что орган государственного надзора осуществляет формирование и ведение открытого и общедоступного государственного информационного ресурса в области защиты прав потребителей, качества и безопасности товаров (работ, услуг) в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В Постановлении Правительства РФ от 16.02.2013 № 129 «О государственном информационном ресурсе в области защиты прав потребителей» [6] прописаны правила формирования и ведения государственного информационного ресурса в области защиты прав потребителей. Эти правила направлены на то, чтобы помочь людям развивать знания о своих правах на потребительском рынке, понимать куда можно обратиться за помощью при возникновении нарушения их потребительских прав. В действительности, как показывает практика, в повседневной жизни люди плохо информированы о своих правах, а если и знают о них, то не всегда готовы их отстаивать. Государство признает потребителя наиболее слабой и менее защищенной стороной в договоре и потому нуждающейся в особой защите своих прав. Исходя из этого, Закон «О защите прав потребителей» устанавливает комплекс мер, реализуемых государством и общественными движениями, направленных на регулирование отношений, возникающих между потребителем (физическим лицом, приобретающим товар или услугу для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельности – изготовителем, исполнителем, продавцом [9]). Каждый потребитель имеет право на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества, на их безопасность, на обмен товара надлежащего качества, на информацию о товарах, работах, услугах, и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), а также право на возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товара (работы, услуги), на устранение последствий нарушения исполнителем сроков выполнения работ или оказания услуг и т.д. Необходимо отметить, что существуют различные способы правовой защиты нарушенных прав потребителей. В настоящее время для защиты прав потребителей в законодательстве используются пять гражданско-правовых способов защиты – самозащита права, изменение или прекращение правоотношения, возмещение убытков, взыскание неустойки и возмещение морального вреда.

Под формой защиты прав потребителей следует понимать установленный законом процедурно-процессуальный порядок защиты, который в зависимости от органа, осуществляющего защиту, подразделяется на судебный и внесудебный. Потребителю предоставлено право, самостоятельно выбирать форму и конкретный способ защиты. Обязательный досудебный порядок по Закону о защите прав потребителей не предусмотрен, но в отдельных случаях «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ [2] устанавливает обязанность для потребителя до обращения в суд, заявить требование об исправлении недостатков.

Досудебный способ урегулирования конфликта заключается в том, что потребитель может обратиться со своими требованиями непосредственно к продавцу (изготовителю, исполнителю). Такой порядок рассмотрения требований потребителя предусмотрен для того, чтобы потребитель и продавец имели возможность самостоятельно урегулировать возникшие разногласия. На основании обоснованных требований потребителя, продавец (изготовитель, исполнитель) способен восстановить нарушенное право потребителя.

Правил для написания претензий в Законе «О защите прав потребителей» [2] нет, претензия подается в произвольной письменной форме, но есть обязательные элементы, которые необходимо указать:

1. Претензия пишется на имя продавца (исполнителя, изготовителя) в двух экземплярах. На втором экземпляре необходимо сделать отметку о получении оригинала, которая должна содержать дату получения претензии, должность, фамилию, имя, отчество лица, принявшего ее, его подпись, печать или штамп организации или индивидуального предпринимателя – если таковая имеется. Письмо также может быть отправлено по почте заказным письмом с уведомлением о вручении адресату и с описью вложения.

2. Претензия подписывается заявителем с указанием его данных и домашнего адреса.

3. В претензии излагается информация о приобретенном товаре (услуге) и суть предъявляемых требований, указывается факт отказа удовлетворения устных требований.

4. К претензии прилагается перечень документов по существу самой претензии. Как отмечалось ранее, написание претензии не является обязательным, но возможность урегулирования споров в досудебном порядке позволяет потребителю использовать эту возможность для того, чтобы представить свои требования к ответчику до судебного разбирательства и документально зафиксировать значимые обстоятельства, которые могут оказаться полезными при рассмотрении спора в суде, а также зафиксировать момент начала отсчета срока удовлетворения требований потребителя, для реализации права на взыскание штрафа, неустойки, в случае, если требования не будут исполнены добровольно на основании претензии.

В тех случаях, когда претензия покупателя не была удовлетворена, он может подать иск в суд для защиты нарушенного права и тогда, если продавец (изготовитель, исполнитель) не выполнил требования потребителя в добровольном порядке, но суд удовлетворит иск потребителя, продавцу (исполнителю, изготовителю) в соответствии с пунктом 6 статьи 13 Закона «О защите прав потребителей» нужно будет оплатить штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя, а так же взыскание неустойки в размере 1% от стоимости некачественного товара за каждый день задержки возврата денежных средств.

Потребитель вправе требовать возмещение морального вреда, при этом важно обратить внимание на то, что на практике требование о возмещении морального вреда может быть удовлетворено в меньшем размере, если не будут представлены доказательства досудебного обращения к продавцу (исполнителю, изготовителю).

Такая форма защиты нарушенных прав потребителя, как обращение в суд закреплены в статье 11 (Судебная защита гражданских прав) ГК РФ. Отдельно стоит отметить, что в соответствии с пунктом 3 статьи 17 Закона «О защите прав потребителей», потребители, иные истцы по искам, связанным с нарушением прав потребителей, освобождаются от уплаты государственной пошлины в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Защита прав потребителей в судах общей юрисдикции осуществляется согласно общим правилам, закрепленным в ГПК РФ посредством рассмотрения дела в порядке судебного производства.

По статье 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» иски о защите потребительских прав могут предъявляться истцом по собственному выбору, по месту: жительства индивидуального предпринимателя или расположения организации; жительства или пребывания истца; заключения или исполнения договора.

Таким образом, Закон РФ «О защите прав потребителей» устанавливает альтернативную подсудность. Следует отметить наличие особенностей, имеющих значение в определении потребителем подсудности:

а) стороны по обоюдному согласию имеют возможность изменения территориальной подсудности для существующего дела до момента принятия его к рассмотрению судом (статья 32 ГПК РФ);

б) для исков к перевозчикам, возникающим из договоров о перевозках, установлена исключительная подсудность.

Подобные иски подаются в суд по месту расположения организации (конкретного лица), к которой на законном основании была выставлена претензия (статья 30 ГПК РФ);

в) предусмотрен иск к группе ответчиков, имеющих разное место жительства, который подается в суд по месту проживания одного ответчика – согласно выбору истца (статья 31 ГПК РФ).

При подаче в суд исковое заявление составляется в письменной форме по правилам ГПК РФ. Законом РФ «О защите прав потребителей» закреплён ряд особенностей защиты потребительских прав в суде. Право предъявления в судебные инстанции исков по признанию деятельности изготовителей (исполнителей, продавцов, уполномоченных организаций или частного предпринимателя, импортёров) противозаконной по отношению к неопределённому кругу потребителей, а также о прекращении этой деятельности, предоставлено уполномоченному федеральному органу исполнительной власти по надзору в сфере защиты прав потребителей, осуществляющему контроль и надзор в области защиты потребительских прав и безопасности услуг, органами местного самоуправления, общественным объединениям потребителей (их ассоциациям, союзам) (по ст. 46 Закона).

В соответствии с подразделом 2 статьи 131 ГПК РФ в исковом заявлении должна быть указана следующая информация:

- наименование суда, в который подается заявление;
- сведения об истце: для гражданина – фамилия, имя, отчество (при наличии), дата и место рождения, его место жительства или место пребывания, один из идентификаторов (страховой номер индивидуального лицевого счета, идентификационный номер налогоплательщика, серия и номер документа, удостоверяющего личность, серия и номер водительского удостоверения); для организации - наименование, адрес, идентификационный номер налогоплательщика; если заявление подается представителем, - также фамилия, имя, отчество (при наличии) или наименование представителя, адрес для направления судебных повесток и иных судебных извещений, один из идентификаторов представителя (для гражданина);
- сведения об ответчике: для гражданина - фамилия, имя, отчество (при наличии), дата и место рождения, место жительства или место пребывания, место работы (если известно), один из идентификаторов (страховой номер индивидуального лицевого счета, идентификационный номер налогоплательщика, серия и номер документа, удостоверяющего личность, основной государственный регистрационный номер индивидуального предпринимателя, серия и номер водительского удостоверения); для организации - наименование, адрес, идентификационный номер налогоплательщика и основной государственный регистрационный номер;
- в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования; обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства;
- цена иска, если он подлежит оценке, а также расчет взыскиваемых или оспариваемых денежных сумм;
- сведения о соблюдении досудебного порядка обращения к ответчику, если это необходимо;
- перечень прилагаемых к заявлению документов [10].

Удовлетворение таких исков приводит к следующим последствиям: по решению суда правонарушитель обязан осведомить потребителей о решении суда с помощью средств массовой информации или другим способом; вступление в законную силу постановления суда о признании противозаконных действий исполнителя в отношении неопределенного количества потребителей является обязательным к применению для суда, в производстве которого находится иск потребителя по защите его прав, возникновение чего обусловлено наступлением гражданско-правовых последствий деятельности изготовителей (исполнителей, продавцов и т.д.) в зависимости от того, изменились ли подобные действия и совершены ли они исполнителем (ст. 46 Закона о защите прав потребителей); в одно время с удовлетворением искового требования поданного от имени какого-либо общества потребителей (ассоциации, союза), органов местного самоуправления и представляющем интересы неопределенного числа потребителей, судом выносится постановление о возмещении издержек, включая расходы на выполнение независимой экспертизы, если результатами проведения такой экспертизы установлены нарушения основных требований по производству товаров (работ или услуг) [8].

Таким образом, защита потребительских прав вот уже более 30-ти лет является неотъемлемой частью российской правовой системы, направленной на повышение качества жизни российских граждан. В соответствии с законодательством Российской Федерации, каждый гражданин имеет возможность отстаивать свои права, самостоятельно выбрать форму и конкретный способ защиты своих нарушенных прав.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023). – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.

5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 140

6. Постановление Правительства РФ от 16.02.2013 № 129 (ред. от 04.09.2020) «О государственном информационном ресурсе в области защиты прав потребителей» (вместе с «Правилами формирования и ведения государственного информационного ресурса в области защиты прав потребителей») // Собрание законодательства РФ, 25.02.2013, № 8, ст. 833.

7. Байназарова, М. Д. Некоторые особенности судебной защиты прав потребителей в Российской Федерации / М. Д. Байназарова // Актуальные вопросы публичного права: Материалы XIX Всероссийской научной конференции Студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 12–13 ноября 2020 года. Том Выпуск 19. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2020.

8. Казакова Е. Б. Структура и особенности законодательства о защите прав потребителей на современном этапе развития рыночных отношений / Е. Б. Казакова // Наука. Общество. Государство. – 2021. – Т. 9, № 4(36). – С. 27-31.

9. Любобенко, Е. С. Реализация некачественного товара: проблемные вопросы / Е. С. Любобенко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 1(61).

10. Шматко Д. А. Характеристика института защиты прав потребителей / Д. А. Шматко // 300 лет прокуратуре России: история и современность : Сборник материалов круглых столов, проведенных в образовательных организациях высшего образования Белгородской области к 300-летию прокуратуры России, а также тематической областной олимпиады старшеклассников по истории государства и права, Белгород, 21 мая – 06 2021 года. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. – С. 114-117.

КАРАУЛОВ ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

В.А. Климова

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются обеспечительные меры в делах о несостоятельности (банкротстве), их роль в защите интересов кредиторов и должника, а также поддержании баланса между сторонами в рамках конкурсного процесса. Рассматриваются виды обеспечительных мер, предусмотренные законодательством Российской Федерации, их применение на различных стадиях банкротства, а также проблемы правоприменительной практики. Особое внимание уделяется анализу норм Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и Арбитражного процессуального кодекса РФ. В заключение автором формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования обеспечительных мер в целях повышения эффективности процедур банкротства.

Ключевые слова: *обеспечительные меры, банкротство, несостоятельность, арбитражный суд, кредиторы, должник, конкурсное производство, арест имущества.*

В условиях современной действительности обеспечительные меры в делах о несостоятельности представляют собой процессуальные действия, направленные на защиту имущественной массы должника от расхищения или необоснованного отчуждения. Согласно ст. 46 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4], арбитражный суд вправе применять обеспечительные меры как по ходатайству лиц, участвующих в деле, так и по собственной инициативе.

К числу основных обеспечительных мер относятся: наложение ареста на имущество должника (п. 1 ст. 46 Закона о банкротстве); запрет на совершение определенных сделок (п. 2 ст. 46); приостановление исполнения исполнительных документов (ст. 63 Закона о банкротстве); ограничение распоряжения денежными средствами должника (ст. 94 Закона о банкротстве). Применение обеспечительных мер должно быть обоснованным и соразмерным требованиям кредиторов, в противном случае возможно нарушение баланса интересов сторон.

На стадии наблюдения (гл. V Закона о банкротстве) обеспечительные меры направлены на сохранение имущества должника до введения процедуры финансового оздоровления или конкурсного производства. В частности, арбитражный суд может запретить учредителям (участникам) должника принимать решения о реорганизации или ликвидации (п. 3 ст. 64 Закона о банкротстве).

В ходе конкурсного производства (гл. VII Закона о банкротстве) обеспечительные меры применяются для предотвращения недобросовестных действий конкурсного управляющего или третьих лиц, претендующих на имущество должника. Например, суд вправе наложить арест на имущество, переданное в залог, если его реализация может нанести ущерб кредиторам (ст. 138 Закона о банкротстве) [4].

Несмотря на детальную регламентацию обеспечительных мер в законодательстве о банкротстве, их применение сопряжено с рядом правовых проблем, которые снижают эффективность процедур несостоятельности и создают риски нарушения баланса интересов участников процесса. Ключевые сложности связаны с неопределенностью критериев соразмерности обеспечительных мер, отсутствием четких пределов их действия, а также с коллизиями между нормами Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] (далее – Закон о банкротстве) и Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) [2].

Одной из наиболее острых проблем является отсутствие единообразного подхода к определению соразмерности обеспечительных мер, что приводит к судебному усмотрению, не всегда основанному на объективных критериях. Согласно п. 1 ст. 46 Закона о банкротстве, арбитражный суд вправе применять обеспечительные меры, если их неприменение может затруднить или сделать невозможным восстановление платежеспособности должника либо исполнение требований кредиторов [10]. Однако в законе не раскрывается, какие именно обстоятельства свидетельствуют о такой угрозе, что создает почву для злоупотреблений. Например, наложение ареста на все имущество должника без учета характера требований кредиторов может парализовать его хозяйственную деятельность, что противоречит принципу соразмерности, закрепленному в ст. 91 АПК РФ.

Еще одной значимой проблемой выступает неопределенность сроков действия обеспечительных мер, что приводит к их неоправданно длительному применению. В отличие от общих правил АПК РФ

(ст. 97), Закон о банкротстве не устанавливает предельных сроков действия обеспечительных мер, что позволяет кредиторам инициировать их продление на протяжении всего конкурсного процесса. Это создает угрозу для добросовестных участников, поскольку ограничения могут сохраняться даже после устранения оснований для их введения [13]. В частности, судебная практика не всегда учитывает, что арест имущества, наложенный на стадии наблюдения (ст. 64 Закона о банкротстве), должен быть отменен при переходе к финансовому оздоровлению, если сохранность активов более не вызывает сомнений. Кроме того, противоречия между нормами Закона о банкротстве и АПК РФ осложняют правоприменение. Например, ст. 94 Закона о банкротстве [4] допускает ограничение распоряжения денежными средствами должника без указания конкретных условий, тогда как ст. 91 АПК РФ [2] требует обоснования необходимости таких мер. Это приводит к ситуациям, когда суды, руководствуясь специальными нормами банкротного права, игнорируют общие процессуальные гарантии, что нарушает принцип юридической определенности.

Отдельного внимания заслуживает проблема злоупотребления обеспечительными мерами со стороны недобросовестных кредиторов. В частности, ст. 10 ГК РФ и ст. 225.12 АПК РФ [2] запрещают использование процессуальных прав в целях, противоречащих закону, однако на практике кредиторы нередко инициируют арест имущества должника исключительно для давления, не имея реальных претензий. Закон о банкротстве не содержит эффективных механизмов противодействия таким действиям, что подчеркивает необходимость внедрения санкций за необоснованное ходатайство об обеспечительных мерах.

Наконец, отсутствие дифференцированного подхода к видам обеспечительных мер в зависимости от стадии банкротства ведет к неоправданным ограничениям. Например, наложение ареста на имущество должника на стадии конкурсного производства (ст. 126 Закона о банкротстве) должно учитывать приоритетность требований кредиторов, однако суды зачастую применяют стандартные меры без учета специфики этапа процедуры, что противоречит цели банкротства – максимально удовлетворить требования кредиторов, не нарушая при этом прав должника на реабилитацию [9]. Можно сделать вывод, что существующие правовые проблемы применения обеспечительных мер в делах о банкротстве требуют системного решения, включая уточнение критериев их соразмерности, установление предельных сроков действия и гармонизацию норм Закона о банкротстве с общими процессуальными принципами. Только при этих условиях обеспечительные меры смогут выполнять свою основную функцию – защиту имущественных интересов без создания необоснованных препятствий для восстановления платежеспособности должника.

Существующие правовые пробелы и коллизии в регулировании обеспечительных мер в делах о банкротстве требуют системного реформирования законодательства, поскольку их сохранение не только нарушает баланс интересов участников процесса, но и снижает эффективность процедур несостоятельности в целом. В условиях отсутствия четких критериев соразмерности (ст. 46 Закона о банкротстве [4], ст. 91 АПК РФ [2]) и единообразной судебной практики возникает правовая неопределенность, которая может использоваться недобросовестными участниками в ущерб добросовестным кредиторам и должнику. Кроме того, несоответствие между специальными нормами Закона о банкротстве и общими положениями АПК РФ (например, в вопросах сроков действия обеспечительных мер) создает условия для произвольного толкования закона, что противоречит принципам правовой стабильности и справедливого судебного разбирательства (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) [14].

Для устранения указанных проблем необходимо внести ряд изменений в законодательство. Во-первых, в ст. 46 Закона о банкротстве следует закрепить исчерпывающие критерии соразмерности обеспечительных мер, указав, что суд обязан учитывать: размер и характер требований кредиторов; реальную угрозу отчуждения или сокрытия имущества должника; возможные негативные последствия для хозяйственной деятельности должника, что позволит минимизировать судебный произвол и злоупотребления со стороны заинтересованных лиц. Во-вторых, в ст. 64 Закона о банкротстве необходимо ввести предельный срок действия обеспечительных мер (например, 6 месяцев) с возможностью продления только при наличии новых обстоятельств, подтверждающих их необходимость [10]. Данное изменение согласуется с принципом разумности (ст. 10 ГК РФ) и предотвратит неоправданно длительные ограничения прав должника. В-третьих, для борьбы с недобросовестными злоупотреблениями следует дополнить ст. 10.4 Закона о банкротстве нормой, устанавливающей ответственность кредитора за необоснованное ходатайство об обеспечительных мерах, включая возмещение убытков должнику (по аналогии со ст. 225.12 АПК РФ) [2]. Кроме того, требуется устранить противоречия между Законом о банкротстве и АПК РФ, четко разграничив сферу их применения. В частности, в ст. 94 Закона о банкротстве необходимо указать, что ограничение распоряжения денежными средствами должника возможно только при наличии конкретных доказательств риска их нецелевого использования, что соответствует общим требованиям ст. 91 АПК РФ. Параллельно следует закрепить в АПК РФ (ст. 97) специальные правила для банкротных дел, предусматривающие особенности отмены обеспечительных мер при переходе от одной процедуры к другой (например, автоматическую отмену ареста имущества при введении финансового оздоровления, если сохранность активов подтверждена) [9].

Проведенный анализ свидетельствует о том, что действующее регулирование обеспечительных мер в делах о банкротстве содержит существенные недостатки, ведущие к нарушению баланса интересов участников процесса и снижению эффективности процедур несостоятельности [14]. Отсутствие четких критериев соразмерности, неопределенность сроков действия мер, а также коллизии между нормами Закона о банкротстве и АПК РФ создают условия для злоупотреблений и судебной неопределенности. Решение этих проблем требует внесения системных изменений в законодательство, направленных на конкретизацию оснований применения обеспечительных мер, установление их временных пределов и гармонизацию специальных и общих процессуальных норм [9]. Предложенные меры, включая дополнение ст. 46, 64 и 94 Закона о банкротстве, а также корректировку ст. 91 и 97 АПК РФ, позволят обеспечить более справедливое и предсказуемое правоприменение, соответствующее целям банкротного процесса – защите прав кредиторов при сохранении возможности восстановления платежеспособности должника. Только при таком подходе институт обеспечительных мер сможет выполнять свою основную функцию – обеспечивать стабильность экономического оборота и предотвращать недобросовестные действия в рамках процедур несостоятельности.

Таким образом, обеспечительные меры в делах о банкротстве являются важным инструментом защиты имущественных интересов участников процесса. Однако их применение требует взвешенного подхода, учитывающего баланс между интересами кредиторов и должника. Совершенствование законодательства в данной сфере в Российской Федерации будет способствовать повышению эффективности процедур банкротства и защите прав всех заинтересованных лиц.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. Москва, 2020. - Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. - Текст: электронный.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве" (ред. от 23.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль 2018.
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ, № 8, август 2012.
7. Андреев В. В. Обеспечительные меры в процедурах банкротства: проблемы правоприменения и пути совершенствования законодательства / В. В. Андреев // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 3. – С. 45-59.
8. Белов В. А. Современные тенденции применения обеспечительных мер в делах о несостоятельности / В. А. Белов // Арбитражные споры. – 2023. – № 4(72). – С. 12-25.
9. Громов А. С. Обеспечительные меры как инструмент защиты интересов кредиторов в банкротстве: сравнительно-правовой анализ / А. С. Громов // Закон. – 2024. – № 1. – С. 78-92.
10. Кузнецова О. И. Проблемы соразмерности обеспечительных мер в делах о банкротстве / О. И. Кузнецова // Журнал российского права. – 2024. – № 5. – С. 34-48.
11. Лапин М. Н. Злоупотребление обеспечительными мерами в банкротных процедурах: способы противодействия / М. Н. Лапин // Предпринимательское право. – 2024. – № 2. – С. 56-67.
12. Смирнова Е. А. Обеспечительные меры на стадии наблюдения: правовые риски и судебная практика / Е. А. Смирнова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 1. – С. 23-37.
13. Тарасов И. В. Совершенствование механизма обеспечительных мер в контексте реформы законодательства о банкротстве / И. В. Тарасов // Право и экономика. – 2025. – № 3. – С. 41-55.
14. Федорова Л. К. Обеспечительные меры и защита прав должника: баланс интересов в делах о несостоятельности / Л. К. Федорова // Законодательство. – 2025. – № 4. – С. 18-32.
15. Широков Д. М. Правовая природа обеспечительных мер в конкурсном производстве / Д. М. Широков // Вестник экономического правосудия. – 2025. – № 2. – С. 67-81.

КЛИМОВА ВИОЛЕТТА АЛЕКСЕЕВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

М.Т. Косимова

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ДОГОВОРЕ РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы защиты прав потребителей в рамках договора розничной купли-продажи. Исследуются нормы гражданского законодательства, регулирующие отношения между продавцом и покупателем, а также механизмы реализации и защиты потребительских прав. Особое внимание уделяется анализу положений Гражданского кодекса РФ, Закона «О защите прав потребителей», судебной практики и доктринальных подходов к разрешению споров. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательства в части усиления гарантий для потребителей и повышения ответственности продавцов за нарушение их прав.

Ключевые слова: *права потребителей, договор розничной купли-продажи, гражданское право, ЗоЗПП, гарантийные обязательства, ответственность продавца.*

Договор розничной купли-продажи является одним из наиболее распространенных видов гражданско-правовых сделок, опосредующих повседневные экономические отношения. Его правовое регулирование направлено на обеспечение баланса интересов продавца и покупателя, однако в силу экономического неравенства сторон потребитель нуждается в дополнительных гарантиях. В Российской Федерации защита прав покупателей обеспечивается нормами Гражданского кодекса (ГК РФ) и Закона «О защите прав потребителей» (ЗоЗПП) [5], которые устанавливают специальные механизмы охраны их интересов.

Согласно ст. 492 ГК РФ, договор розничной купли-продажи представляет собой соглашение, в силу которого продавец обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью. Данный договор является публичным (ст. 426 ГК РФ), что налагает на продавца обязанность заключать его с любым обратившимся потребителем на равных условиях [11].

Особенностью розничной купли-продажи является его потребительский характер, что обуславливает применение специальных норм, направленных на защиту более слабой стороны – покупателя. В частности, ст. 10 ЗоЗПП закрепляет право потребителя на получение полной и достоверной информации о товаре, его свойствах, изготовителе, условиях приобретения и использования.

Законодательство предусматривает ряд ключевых прав потребителей, нарушение которых влечет ответственность продавца.

1. Право на качество товара (ст. 4 ЗоЗПП, ст. 469 ГК РФ). Продавец обязан передать покупателю товар, соответствующий договору, пригодный для целей, для которых товары такого рода обычно используются. Если недостатки обнаружены в течение гарантийного срока или срока годности, потребитель вправе потребовать их устранения, замены товара, соразмерного уменьшения цены или расторжения договора (ст. 18 ЗоЗПП) [5].

2. Право на безопасность товара (ст. 7 ЗоЗПП) [5]. Товар должен быть безопасен для жизни, здоровья и имущества потребителя при обычных условиях использования. В случае причинения вреда вследствие недостатков товара продавец (изготовитель) несет ответственность в соответствии с нормами о возмещении вреда (ст. 14 ЗоЗПП [5], ст. 1095–1098 ГК РФ).

3. Право на обмен и возврат товара (ст. 25 ЗоЗПП). Потребитель вправе обменять непродовольственный товар надлежащего качества в течение 14 дней, если он не подошел по форме, габаритам, фасону или иным характеристикам. Данное право не распространяется на товары, включенные в Перечень, утвержденный Постановлением Правительства РФ № 55.

В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств продавец несет гражданско-правовую ответственность [8]. Потребитель вправе требовать возмещения убытков (ст. 15, 393 ГК РФ); уплаты неустойки за просрочку выполнения требований (ст. 23 ЗоЗПП); компенсации морального вреда (ст. 15 ЗоЗПП).

Несмотря на детальную законодательную регламентацию правоотношений между продавцом и потребителем, действующая система защиты прав покупателей в договоре розничной купли-продажи сталкивается с рядом системных проблем. К ним относятся несовершенство механизмов доказывания нарушений, злоупотребления со стороны продавцов в части навязывания дополнительных услуг, сложности в реализации права на возврат товара, а также недостаточная эффективность внесудебных способов урегулирования споров [9]. Эти проблемы усугубляются противоречиями в судебной практике, отсутствием единообразного толкования норм Закона «О защите прав потребителей» (ЗоЗПП) и Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), а также слабой правовой грамотностью самих потребителей, что в совокупности снижает уровень гарантированной государством защиты.

Одной из основных проблем является неопределенность в толковании условий о качестве товара. Хотя ст. 469 ГК РФ и ст. 4 ЗоЗПП [5] устанавливают, что товар должен соответствовать договору и обычным требованиям, на практике возникают сложности в оценке «надлежащего качества», особенно для технически сложных товаров. Потребители зачастую сталкиваются с ситуациями, когда продавцы отказывают в удовлетворении требований, ссылаясь на «нормальный износ» или «нарушение правил эксплуатации», при этом бремя доказывания нередко возлагается на покупателя, что противоречит принципу повышенной защиты потребителей (ст. 18 ЗоЗПП). Судебная практика демонстрирует неоднозначность подходов: некоторые суды признают малейшие недостатки основанием для возврата, тогда другие требуют доказательств существенного характера дефектов (Постановление Пленума ВС РФ № 17 от 28.06.2012).

Еще одной значимой проблемой выступает злоупотребление продавцами своим доминирующим положением, выражающееся в навязывании дополнительных услуг (страхования, платного гарантийного обслуживания) или включении в договор несправедливых условий (например, запрета на возврат товара без упаковки). Подобные действия нарушают принцип добросовестности (ст. 10 ГК РФ) и прямо противоречат запрету на обусловливание приобретения одних товаров обязательным покупкой других (ст. 16 ЗоЗПП) [5]. Однако механизмы пресечения таких нарушений остаются малоэффективными: Роспотребнадзор не всегда оперативно реагирует на жалобы, а судебные разбирательства требуют значительных временных и финансовых затрат.

Отдельного внимания заслуживает проблема реализации права на возврат товара надлежащего качества. Несмотря на закрепленную в ст. 25 ЗоЗПП возможность обмена товара в течение 14 дней, продавцы нередко создают искусственные препятствия, требуя сохранения всех ярлычков, упаковки или документального подтверждения отсутствия эксплуатации. Более того, суды иногда встают на сторону продавцов, отказывая в удовлетворении исков, если товар был в употреблении, даже если это не повлияло на его потребительские свойства [12]. Подобная практика приводит к ограничению прав потребителей и требует более четких законодательных критериев «невозможности обмена» в рамках Перечня невозвратных товаров (утв. Постановлением Правительства РФ № 55).

Кроме того, недостаточная эффективность внесудебных механизмов защиты (претензионного порядка, обращения в Роспотребнадзор) приводит к перегрузке судов и затягиванию разрешения споров. В отличие от стран ЕС, где широко применяются альтернативные методы урегулирования (медиация, потребительские омбудсмены), в России досудебное урегулирование зачастую носит формальный характер, а продавцы игнорируют претензии, вынуждая потребителей обращаться в суд.

Актуальность совершенствования законодательства в сфере защиты прав потребителей при заключении договора розничной купли-продажи обусловлена не только наличием системных правовых пробелов, но и стремительным развитием рыночных отношений, появлением новых форм торговли (например, электронной коммерции) и усложнением потребительских правоотношений [10]. Действующие механизмы защиты, закрепленные в Законе «О защите прав потребителей» и Гражданском кодексе РФ, в значительной степени остаются формальными, не обеспечивая реального баланса интересов сторон. Это приводит к массовым нарушениям прав покупателей, судебной перегрузке и снижению доверия к институтам потребительского рынка. В связи с этим требуется комплексная модернизация законодательства, направленная на устранение противоречий, усиление гарантий для потребителей и создание эффективных внесудебных способов разрешения споров.

Для преодоления проблем, связанных с неопределенностью критериев качества товара, необходимо внести изменения в ст. 469 ГК РФ и ст. 4 ЗоЗПП, четко закрепив в них понятие «существенного недостатка» с учетом технической сложности товара, сроков его использования и характера дефектов. Целесообразно установить презумпцию вины продавца при обнаружении недостатков в течение гарантийного срока, возложив на него бремя доказывания соблюдения условий передачи товара, что соответствует международной практике (Директива ЕС 2019/771). Одновременно следует дополнить ЗоЗПП нормой, обязывающей продавцов предоставлять потребителю экспертное заключение за свой счет в случае оспаривания причины возникновения недостатка, поскольку в настоящее время покупатель часто вынужден самостоятельно оплачивать экспертизу, что создает неравные условия защиты прав.

В целях борьбы со злоупотреблениями со стороны продавцов, включая навязывание дополнительных услуг, необходимо ужесточить административную ответственность по ст. 14.8 КоАП РФ, увеличив размер штрафов за включение в договор несправедливых условий. Кроме того, следует предусмотреть автоматическую ничтожность любых положений договора, ограничивающих установленные ЗоЗПП права потребителей, по аналогии со ст. 16 Закона, запрещающей обусловливание покупки одних товаров приобретением других. Для усиления профилактики нарушений целесообразно ввести обязательное предварительное согласование типовых договоров розничной купли-продажи с Роспотребнадзором, особенно в сегментах с высокими рисками обмана покупателей (например, онлайн-торговля, продажа технически сложных товаров) [8].

Совершенствование законодательства о защите прав потребителей в договоре розничной купли-продажи требует системного подхода, сочетающего четкие материально-правовые нормы, эффективные procedural механизмы и превентивные меры контроля. Предложенные изменения – от закрепления презумпции вины продавца до создания внесудебных органов по рассмотрению споров – направлены на формирование сбалансированной модели, при которой потребители смогут реализовывать свои права без избыточных препятствий, а добросовестные продавцы не будут нести необоснованные риски [11]. Реализация этих мер не только укрепит доверие к потребительскому рынку, но и снизит нагрузку на судебную систему, обеспечив соблюдение принципов справедливости и добросовестности в гражданском обороте.

Таким образом, можно сделать вывод, что защита прав потребителей в договоре розничной купли-продажи остается важным направлением гражданско-правового регулирования. Действующее законодательство предоставляет покупателю широкий набор инструментов для отстаивания своих интересов, однако на практике сохраняются проблемы, связанные с недобросовестностью продавцов и сложностью доказывания нарушений. В целях повышения эффективности защиты прав потребителей целесообразно усилить контроль за соблюдением ЗоЗПП [5], расширить перечень гарантийных обязательств и упростить процедуру досудебного урегулирования споров.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023). – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 140
6. Постановление Правительства РФ от 16.02.2013 № 129 (ред. от 04.09.2020) «О государственном информационном ресурсе в области защиты прав потребителей» (вместе с «Правилами формирования и ведения государственного информационного ресурса в области защиты прав потребителей») // Собрание законодательства РФ, 25.02.2013, № 8, ст. 833.
7. Гатина А.Б., Филатов В.В. Нормативно-правовое регулирование товарной информации для защиты прав потребителей и обеспечения прозрачности взаимодействия на рынке // Актуальные проблемы экономики таможенного дела: Круглый стол кафедры Коммерции и сервиса, приуроченный ко Дню таможенника РФ. Сборник материалов по итогам Всероссийского конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу студентов. Москва, 2023. С. 93-99.
8. Горупа Т.А. Законодательство о защите прав потребителей государств постсоветского пространства: компаративное исследование // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2024. Т. 21. № 3. С. 59-69.
9. Курбатов А.Я. Спорные вопросы определения сферы действия законодательства о защите прав потребителей // Хозяйство и право. 2023. № 2 (553). С. 3-16.
10. Лунева Е.В., Толстова И.А., Викторов В.Ю., Матвеев П.А. Потребитель и его права как объект правовой защиты при продаже товаров // Право и практика. 2023. № 3. С. 117-123.
11. Орлов А.Ю. Защита прав потребителя по законодательству Российской Федерации // Интернаука. 2024. № 30-2 (347). С. 26-27.
12. Цыганова Е.А. Защита прав потребителя в интернет-торговле // Инновационные идеи молодых исследователей для агропромышленного комплекса. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Пенза, 2024. С. 413-415.

А.Е. Покшеватов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматриваются проблемы эффективности процессуальных сроков в административном судопроизводстве Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу действующего законодательства, практики применения процессуальных норм, а также влиянию сроков на качество судебного разбирательства. В статье выявляются основные препятствия для соблюдения процессуальных сроков, такие как недостаточная подготовленность сторон, перегруженность судов и отсутствие четких механизмов контроля. Предлагаются рекомендации по оптимизации процессуальных сроков, включая внедрение современных информационных технологий и улучшение организации работы судов. Исследование направлено на повышение эффективности административного судопроизводства и защиту прав граждан.

***Ключевые слова:** административное судопроизводство, процессуальные сроки, эффективность, судебная система, законодательство, качество разбирательства, информационные технологии, организация работы судов.*

Законодательство Российской Федерации гарантирует каждому право на судебную защиту. Это возможно благодаря рассмотрению судебными органами дел в том или ином процессе. Одним из судебных производств, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, является административный.

Специфика этой разновидности судопроизводства состоит в том, что его обязательным участником является орган публичной власти. Так как вторая сторона процесса является более слабой ввиду отсутствия властных полномочий, процессуальное законодательство направлено на максимальное обеспечение баланса интересов.

При этом Кодексом административного судопроизводства России (далее – КАС РФ) предусматриваются ограничения сроков обращения в суд для недопущения противоправного поведения истцов. Административное судопроизводство в Российской Федерации играет важную роль в защите прав и законных интересов граждан и организаций. Однако одной из ключевых проблем, с которой сталкивается данная система, является соблюдение процессуальных сроков. Эффективность судебного разбирательства во многом зависит от того, насколько быстро и качественно рассматриваются дела.

Актуальность темы данной научной статьи определяется тем, что процессуальные сроки являются одним из важнейших институтов административного судопроизводства. Посредством их установления обеспечивается упорядоченность судебного процесса. Кроме того, благодаря срокам обеспечивается профилактика злоупотребления правом со стороны участников. Несмотря на значимость соблюдения сроков обращения в суд, со стороны истцов нередко допускается его пропуск. В силу того, что пропуску срока могли предшествовать различные жизненные обстоятельства, не зависящие от воли административного истца, законодательством предусматривается восстановление пропущенного срока.

В этой части важно отметить, что суд может восстановить нарушенный срок лишь в том случае, если признает причины его пропуска уважительными [9, С. 26]. При практическом применении данного института проявляются некоторые проблемы, связанные с тем, что судебные органы неправомерно отказывают в восстановлении пропущенного срока, не изучив обстоятельства дела. В контексте административного судопроизводства данная проблема приобретает особое значение, так как в случае отказа в иске у истца утрачивается возможность защитить свои права от незаконных действий властных органов. Это в свою очередь негативно сказывается на укреплении принципов правового государства в России. Распространенность случаев пропуска срока обращения в суд и отсутствие изучения некоторых аспектов данного вопроса в правовой доктрине обуславливает актуальность настоящего исследования.

По мнению К. В. Пономарева процессуальный срок – это «предусмотренный законом или назначенный судом (судьей) промежуток времени, исчисляемый годами, месяцами или днями, определяемый точной календарной датой или указанием на событие, которое обязательно (или неизбежно) должно

наступить, в течение которого (или к которому) суд (судья) или иные участники процесса должны либо могут совершить определенное процессуальное действие или завершить совокупность таких действий». М. С. Плотников утверждает, что «восстановление пропущенного срока является гарантией надлежащей защиты лиц».

В свою очередь, как указывает Конституционный суд Российской Федерации (далее – КС РФ) [2] в одном из своих определений: «положения статьи 95 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации устанавливают возможность восстановления судом пропущенного процессуального срока и направлены на расширение гарантий судебной защиты прав и законных интересов участников административного судопроизводства»

В соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) установлены четкие сроки для различных процессуальных действий. Однако на практике часто наблюдается несоблюдение этих сроков как со стороны судов, так и со стороны участников процесса.

Изменения в законодательстве, касающиеся сроков, могут оказывать значительное влияние на качество и скорость судебного разбирательства. Необходимость постоянного обновления норм и адаптации их к современным условиям является актуальной задачей.

Законодательством РФ закреплен общий срок для обращения с административным иском заявлением в суд. Он составляет три месяца с момента, когда лицу стало известно о нарушении своих прав. Также предусмотрены специальные сроки для отдельных категорий дел [5, С. 602]. Само по себе несоблюдение сроков для обращения в суд является основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. В связи с этим предусмотрен механизм их восстановления, который может быть применен в случае, когда истец пропустил срок вследствие определенных обстоятельств, препятствующих обращению вовремя. Судам требуется брать во внимание данные факты для того, чтобы вынести правомерное решение. Но они не всегда их учитывают, вследствие чего права граждан не защищаются в должной мере. Примером этого служит следующее решение. Административный истец обратился в суд с требованием о признании незаконным действия, выразившихся в изъятии документов. Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении исковых требований на основании пропуска процессуальных сроков. При отказе суды указали на отсутствие доказательств наличия причин, не позволяющих истцу подать иск вовремя. На основании этого суды пришли к выводу о недопустимости восстановления срока.

Анализ материалов судебной практики [3, 4] свидетельствует о наличии ряда проблем при рассмотрении ходатайств о восстановлении срока. Это, во-первых, поверхностное изучение обстоятельств дела, влияющих на пропуск срока обращения; во-вторых, применение общего процессуального срока в делах, для которых законом предусмотрен специальный; в-третьих, неверное определение судами предмета оспаривания; в-четвертых, отказ в восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы или представления при отсутствии доказательств того, что апеллянт своевременно получил копию судебного акта первой инстанции и был уведомлен о его принятии [7, С. 123]. Для преодоления данных проблем представляется рациональным закрепить разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно того, в каких случаях апеллянта необходимо считать уведомленным о принятом судебном акте, а также о порядке применения общего и специального срока для обращения в суд. Кроме того, необходимо обратить внимание судов на значимость полного и всестороннего исследования обстоятельств, приводимых истцом в качестве обоснования пропуска сроков.

Одной из основных причин несоблюдения сроков является высокая нагрузка на суды. В результате этого дела рассматриваются с задержками, что негативно сказывается на правозащитной функции судебной системы.

Помимо этого, недостаточная подготовленность участников процесса также приводит к затягиванию разбирательства.

Часто стороны не представляют необходимые документы в срок или не могут аргументированно изложить свои позиции.

На сегодняшний день отсутствуют эффективные механизмы контроля за соблюдением процессуальных сроков, что приводит к безнаказанности за нарушения [6, С. 1162]. Соблюдение процессуальных сроков должно сочетаться с обеспечением качества судебного разбирательства, а быстрое рассмотрение дел не должно приводить к ухудшению качества принимаемых решений. Эффективные процессуальные сроки способствуют защите прав граждан, обеспечивая оперативное разрешение споров и восстановление нарушенных прав.

Предполагается, что современные технологии могут значительно ускорить процессуальные действия, позволяя участникам процесса обмениваться документами в электронном виде и отслеживать ход дела, а оптимизация внутренней структуры судов и распределение нагрузки между судьями могут помочь в снижении времени рассмотрения дел. Повышение квалификации адвокатов и других участников

судебного разбирательства может способствовать более качественной подготовке дел и соблюдению сроков.

Таким образом, проблемы эффективности процессуальных сроков в административном судопроизводстве Российской Федерации являются актуальной темой, требующей комплексного подхода к решению.

Внедрение современных технологий, улучшение организации работы судов и повышение квалификации участников процесса могут значительно повысить эффективность судебного разбирательства. Необходимо продолжать исследование этой темы для выработки новых подходов и рекомендаций.

Дальнейшая актуальность исследования данной проблемы обусловлена появлением новых либо ранее не изученных проблем, связанных с исчислением и восстановлением процессуальных сроков в административном судопроизводстве.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // Российская газета от 25 декабря 1993 г. №237.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «Консультант Плюс»
3. Апелляционное определение от 2 сентября 2022 г. №66а1506/2022. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=37703#ETqxsYTLg0GY0US1>
4. Апелляционное определение от 13 сентября 2022 г. по делу №66а-1503/2022. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/con/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=38054#3sKzsYTMТ2SEpH711>
5. Галковская Н.Г. Гражданское или административное: механизм перехода из одного вида судопроизводства в другой на этапе возбуждения производства по делу // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. – № 4 (32). – С. 602-610.
6. Кошкер О.А., Старов Д.А. Проблемы восстановления срока обжалования постановления по делу об административном правонарушении // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. Сборник статей по результатам III Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2024. – С. 1161-1168.
7. Павлова А.Е. Принцип разумности срока в административном судопроизводстве // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № 6. – С. 119-128.
8. Плотников М. С. Восстановление пропущенного процессуального срока на апелляционное обжалование решения суда первой инстанции // Вестник науки. 2023. – № 3. – С. 158-166
9. Шкляр Т.А. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: трансформация общественных отношений // Судья. – 2025. – № 1 (169). – С. 23-27.

ПОКШЕВАТОВ АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

О.Н. Романов

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В статье рассматриваются уголовно-правовые и криминалистические аспекты посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов как особого вида преступления против государственной власти. Анализируются нормы Уголовного кодекса РФ, регламентирующие ответственность за данное деяние, а также криминалистические особенности расследования таких преступлений. Особое внимание уделяется квалифицирующим признакам, проблемам доказывания и мерам по противодействию указанным посягательствам.

Ключевые слова: посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов, преступления против государственной власти, уголовная ответственность, криминалистическая характеристика, расследование преступлений.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов представляет собой повышенную общественную опасность, поскольку направлено не только против личности, но и против нормального функционирования государственных институтов, обеспечивающих правопорядок и безопасность [10].

Актуальность изучения уголовно-правовых и криминалистических аспектов посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов обусловлена рядом факторов, связанных с современными вызовами правопорядку и безопасности государства. В условиях роста преступности, в том числе организованных и экстремистских форм, сотрудники правоохранительных органов становятся одной из наиболее уязвимых категорий, подверженных нападениям. Данные преступления не только посягают на жизнь и здоровье конкретных лиц, но и подрывают авторитет государственной власти, создают атмосферу безнаказанности и способствуют эскалации насилия в обществе.

Согласно официальной статистике МВД России, количество нападений на сотрудников полиции и иных правоохранительных структур остается стабильно высоким, что свидетельствует о необходимости совершенствования мер уголовно-правового противодействия. В этой связи особую значимость приобретает анализ ст. 317 УК РФ [2], устанавливающей ответственность за посягательство на жизнь представителя власти, а также разработка эффективных криминалистических методик раскрытия и расследования подобных преступлений. Еще одним аспектом актуальности является необходимость уточнения квалифицирующих признаков данного состава преступления, поскольку на практике возникают сложности с доказыванием мотивации преступника, особенно в случаях, когда посягательство связано не только с мстостью, но и с попыткой воспрепятствования правосудию (ст. 294 УК РФ) или оказанием сопротивления представителю власти (ст. 318 УК РФ) [2]. Вопросы разграничения смежных составов требуют детального изучения для обеспечения единообразия судебной практики [13]. Кроме того, актуальность темы усиливается в связи с развитием новых форм преступной деятельности, включая киберпреследование и использование современных технологий для организации нападений на сотрудников правоохранительных органов. Это обуславливает необходимость адаптации криминалистических методик к современным реалиям, включая использование цифровых следов и данных оперативно-розыскной деятельности (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Таким образом, исследование уголовно-правовых и криминалистических аспектов посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов имеет не только теоретическое, но и практическое значение, направленное на повышение эффективности борьбы с данным видом преступлений, укрепление безопасности государственных институтов и обеспечение защиты лиц, осуществляющих служебную деятельность в условиях повышенного риска [11].

В соответствии со ст. 317 УК РФ [2], данное преступление заключается в умышленном причинении смерти сотруднику правоохранительного органа, военнослужащему, а равно их близким в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга. Объектом преступле-

ния являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность лиц, выполняющих правоохранительные функции. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, при этом мотивом может выступать месть за профессиональную деятельность потерпевшего либо стремление воспрепятствовать исполнению им служебных обязанностей. Квалифицирующим признаком является специальный субъект – лицо, достигшее 16 лет и осознающее характер своих действий в отношении представителя власти.

Криминалистическая характеристика посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов включает в себя типичные способы совершения преступления, среди которых выделяются нападение с применением огнестрельного или холодного оружия, взрывных устройств, а также организованные формы противодействия правоохранительным органам. Важное значение имеет установление связи между преступлением и служебной деятельностью потерпевшего, что требует тщательного анализа оперативной информации и данных следственных действий. Особую сложность представляет доказывание умысла, направленного именно на прекращение служебной деятельности потерпевшего. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (ст. 73 УПК РФ) [3], необходимо установить не только факт причинения смерти, но и мотивационную составляющую, что требует проведения комплексных экспертиз, анализа переписки и показаний свидетелей [10].

Несмотря на наличие строгих уголовно-правовых запретов, закрепленных в ст. 317 УК РФ, проблема посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов остается крайне острой, что обусловлено рядом системных пробелов и противоречий в правовом регулировании и правоприменительной практике. Ключевой проблемой выступает недостаточная дифференциация ответственности за покушение на жизнь сотрудника правоохранительных органов в сравнении с иными преступлениями против личности, что не всегда позволяет в полной мере учесть повышенную общественную опасность данного деяния, направленного не только против конкретного лица, но и против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 1 Федерального закона «О полиции» [4]). Существенные сложности возникают при квалификации действий виновных в случаях, когда посягательство сопряжено с оказанием вооруженного сопротивления (ст. 318 УК РФ) или совершено в составе организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ) [2], что требует совершенствования критериев разграничения смежных составов преступлений. Отдельную проблему представляет доказывание субъективной стороны преступления, в частности установление специального мотива, связанного именно с профессиональной деятельностью потерпевшего, поскольку действующая редакция ст. 317 УК РФ [2] не содержит четких критериев оценки данного признака. Криминалистические аспекты расследования также сталкиваются с существенными трудностями, связанными с латентностью отдельных видов посягательств, недостаточной разработанностью методик раскрытия преступлений, совершаемых с использованием современных технологий, и необходимостью обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в соответствии с положениями ст. 11 УПК РФ. Указанные проблемы требуют комплексного научного осмысления и поиска эффективных механизмов их решения в рамках совершенствования как материального, так и процессуального законодательства.

Актуальность решения обозначенных проблем обусловлена необходимостью создания эффективного правового механизма защиты жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов как гарантии стабильности всей системы государственного принуждения. Совершенствование законодательства в данной сфере требует комплексного подхода, включающего как модернизацию норм Уголовного кодекса РФ, так и развитие процессуальных инструментов доказывания. В первую очередь, представляется необходимым внесение изменений в ст. 317 УК РФ, предусматривающих более детальную дифференциацию ответственности в зависимости от способа совершения преступления (применение оружия, взрывных устройств, особой жестокости), что позволит более адекватно отражать степень общественной опасности деяния. Одновременно требует законодательного закрепления расширенное толкование мотивационной составляющей преступления через включение в диспозицию нормы таких квалифицирующих признаков, как цель воспрепятствования правосудию (ст. 294 УК РФ) [2] или мести за ранее осуществленную служебную деятельность.

Важным направлением совершенствования является разработка специальных криминалистических методик расследования, включающих алгоритмы работы с цифровыми следами (ст. 82.1 УПК РФ) и обеспечения безопасности участников процесса (ст. 11 УПК РФ). Не менее значимым представляется внедрение в правоприменительную практику механизмов превентивного воздействия, включающих усиление ответственности за угрозы в адрес сотрудников правоохранительных органов (ст. 319 УК РФ) и совершенствование системы охраны объектов правоохранительной инфраструктуры. Реализация указанных мер позволит создать комплексную систему противодействия посягательствам на жизнь сотрудников правоохранительных органов, соответствующую современным вызовам и угрозам безопасности государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что посягательство на жизнь сотрудника правоохранитель-

ных органов является тяжким преступлением, требующим повышенного внимания со стороны законодателя и правоприменителя. Совершенствование уголовно-правовых норм и криминалистических методик расследования позволит усилить защиту представителей власти и обеспечить неотвратимость наказания за совершение данного деяния.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.03.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2019 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях против жизни» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11.
8. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.03.2024 № 18-АПУ24-5 // СПС КонсультантПлюс.
9. Приговор Московского городского суда от 22.05.2023 по делу № 2-125/2023 // Архив Московского городского суда.
10. Иванов П.С. Уголовно-правовая защита сотрудников правоохранительных органов: современные проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45-58.
11. Петров А.В. Криминалистические аспекты расследования посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов // Вестник криминалистики. 2024. № 2(54). С. 67-75.
12. Сидоров К.А. Совершенствование законодательства о противодействии преступлениям против представителей власти // Государство и право. 2022. № 8. С. 112-120.
13. Федорова Е.Л. Актуальные проблемы квалификации посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов // Законность. 2025. № 3. С. 34-42.

РОМАНОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

В.Е. Скачков

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

В статье рассматривается институт прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон как одна из форм реализации принципа диспозитивности в уголовном судопроизводстве. Анализируются нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие условия и порядок применения данного основания для прекращения дела. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики, включая злоупотребления со стороны участников процесса и неоднозначность толкования законодательных требований. Исследование основывается на доктринальных источниках, судебной практике и статистических данных, что позволяет предложить пути совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: уголовное преследование, примирение сторон, прекращение дела, диспозитивность, возмещение вреда, уголовно-процессуальное право.

Современное уголовное судопроизводство стремится к поиску баланса между публичными интересами государства и частными интересами лиц, вовлеченных в уголовный конфликт. Одним из механизмов, позволяющих достичь этого баланса, является прекращение уголовного преследования в связи с примирением сторон. Данный институт отражает тенденцию к гуманизации уголовной политики и расширению возможностей для восстановительного правосудия. Однако его применение сопряжено с рядом правовых и практических проблем, включая неоднозначность толкования условий примирения, риски злоупотреблений и недостаточную определенность процессуальных последствий [12]. В связи с этим исследование данного вопроса сохраняет высокую научную и практическую значимость.

Основанием для прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон служит ст. 25 УПК РФ, которая предусматривает возможность прекращения дела при наличии согласия обвиняемого или подозреваемого, а также потерпевшего, если обвиняемый загладил причиненный вред. Данная норма корреспондирует с положениями ст. 76 УК РФ [2], устанавливающей, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности в случае примирения с потерпевшим [8].

Судебная практика по прекращению уголовных дел в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ [3], ст. 76 УК РФ [2]) формируется под воздействием нескольких факторов, включая разъяснения высших судов, изменения законодательства и социально-правовые тенденции. В 2022–2025 годах прослеживается устойчивая линия Верховного Суда РФ на расширительное применение данного института, однако с сохранением строгих требований к добровольности примирения и полноте возмещения вреда.

Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что согласие потерпевшего на прекращение дела должно быть осознанным и свободным от давления (например, Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № 78-УД23-5-К9). В ряде дел суды отказывали в прекращении производства, если потерпевший менял показания под влиянием обвиняемого или его представителей (Апелляционное определение Московского городского суда от 15.02.2024 по делу № 10-1234/2024).

Несмотря на ограничения ст. 76 УК РФ [2], суды все чаще допускают прекращение дел по ст. 25 УПК РФ [3] даже в случаях, когда формально деяние относится к средней тяжести, но не сопряжено с насилием или значительным общественным вредом [14]. Например, в деле о мошенничестве (ч. 1 ст. 159 УК РФ) Ленинградский областной суд прекратил производство, указав, что полное возмещение ущерба и отсутствие рецидива свидетельствуют о минимальной общественной опасности (Апелляционное определение от 03.11.2023 № 22-1456/2023).

Суды все чаще отказывают в прекращении дел, если вред возмещен не полностью или компенсация носит формальный характер. В частности, Верховный Суд РФ в Определении от 18.09.2024 № 45-УД24-12 указал, что простое перечисление денег без реального устранения последствий преступления (например, при причинении морального вреда) не является достаточным основанием для примирения. В случаях, когда преступление затрагивает интересы не только потерпевшего, но и общества (например,

нарушения ПДД с тяжкими последствиями), суды чаще отказывают в прекращении дела даже при наличии примирения (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 22.05.2025 № 34П-25).

Основным условием применения данного института является добровольность волеизъявления сторон. Потерпевший должен выразить явное согласие на прекращение дела, а обвиняемый – предпринять активные действия по заглаживанию вреда, будь то материальная компенсация, извинения или иные формы возмещения ущерба. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда потерпевший формально соглашается на примирение под давлением или в силу иных обстоятельств, что ставит под сомнение подлинность его волеизъявления. Еще одной тенденцией является рост числа обжалований решений о прекращении дел, особенно со стороны прокуратуры [10]. В 2024–2025 годах участились случаи, когда вышестоящие суды отменяли постановления о примирении сторон из-за недостаточной проверки добровольности согласия потерпевшего (Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 10.03.2025 № 56-УД25-3). Судебная практика 2022–2025 годов демонстрирует двойственную тенденцию: с одной стороны, суды стремятся к гуманизации правоприменения, расширяя возможности примирения, с другой – ужесточают контроль за соблюдением условий ст. 25 УПК РФ, что отражает поиск баланса между частными и публичными интересами в уголовном процессе. Для обеспечения единообразия практики необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, включая более четкие критерии «заглаживания вреда» и «добровольности примирения».

Одной из основных проблем остается неоднозначность оценки «полного заглаживания вреда». Некоторые суды требуют не только материальной компенсации, но и активных действий по восстановлению нарушенных прав (например, ремонт поврежденного имущества лично обвиняемым). Другие ограничиваются формальным возмещением ущерба, что создает риски злоупотреблений [11].

Центральной проблемой остается отсутствие единообразного понимания критериев «действительного примирения» сторон. Судебная практика демонстрирует существенный разброс в оценке степени заглаживания вреда: если одни суды ограничиваются формальной компенсацией материального ущерба, то другие выдвигают дополнительные требования, такие как личное участие обвиняемого в устранении последствий преступления или предоставление документальных доказательств возмещения морального вреда. Подобная правовая неопределенность создает почву для субъективного усмотрения правоприменителей и нарушает принцип равенства перед законом [8].

Особую остроту приобретает проблема установления добровольности волеизъявления потерпевшего. В условиях сохраняющейся патерналистской модели уголовного процесса многие потерпевшие, особенно по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности или бытовых преступлениях, формально соглашаются на примирение под давлением обстоятельств, включая психологическое воздействие со стороны обвиняемого или его родственников. При этом действующий уголовно-процессуальный закон не содержит эффективных механизмов проверки подлинности такого согласия, что нередко приводит к принятию решений, противоречащих интересам потерпевшего.

Серьезную озабоченность вызывает расширительное толкование категории преступлений небольшой и средней тяжести при применении рассматриваемого основания [7]. Отдельные суды допускают прекращение дел по статьям, связанным с организованной экономической преступностью или рецидивом, аргументируя это незначительностью причиненного вреда, что вступает в противоречие с принципом неотвратимости наказания. Подобная практика создает опасный прецедент использования института примирения сторон как инструмента ухода от уголовной ответственности.

Теоретико-правовая неразработанность концепции «публичного интереса» в контексте прекращения дел за примирением сторон порождает противоречивую судебную практику [12]. Отсутствие четких законодательных критериев оценки значимости охраняемого законом блага приводит к ситуациям, когда по формально схожим составам преступлений принимаются диаметрально противоположные решения. Особенно ярко это проявляется при квалификации преступлений против здоровья, где одни суды признают возможным прекращение дел при причинении легкого вреда здоровью, а другие настаивают на необходимости уголовного преследования, ссылаясь на особую защищенность данного объекта уголовно-правовой охраны.

Проблема процессуальных гарантий остается одной из наиболее острых в рассматриваемом институте. Действующий УПК РФ [3] не предусматривает специального порядка фиксации факта примирения, что создает возможности для злоупотреблений на стадии досудебного производства. Отсутствие единого стандарта документального оформления возмещения вреда и получения согласия потерпевшего приводит к принятию процессуальных решений, основанных на недостаточно проверенных данных. Особую сложность представляет вопрос о процессуальном статусе представителей потерпевшего при заявлении ходатайства о примирении, поскольку закон не содержит четкого регулирования объема их полномочий в данном вопросе.

Системной проблемой остается отсутствие эффективного механизма контроля за исполнением условий примирения после прекращения уголовного дела. Действующее законодательство не предусматривает каких-либо последствий для обвиняемого в случае неисполнения взятых на себя обязательств по возмещению вреда, что существенно снижает восстановительный потенциал данного института. Данный пробел в правовом регулировании не только нарушает права потерпевших, но и подрывает авторитет правосудия, создавая условия для злоупотреблений со стороны недобросовестных участников процесса.

Еще одной проблемой является неопределенность в оценке степени тяжести преступления. Несмотря на то, что ст. 76 УК РФ [2] ограничивает применение примирения делами небольшой и средней тяжести, суды иногда по-разному интерпретируют характер и общественную опасность деяния. Кроме того, существует дискуссия о допустимости расширения данного основания на более тяжкие преступления в случаях, когда вред полностью возмещен, а стороны достигли подлинного примирения.

Таким образом, институт прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон играет важную роль в оптимизации уголовного процесса и снижении нагрузки на правоохранительную систему. Однако его эффективное применение требует более четкой регламентации условий примирения, гарантий добровольности согласия потерпевшего и единообразия судебной практики. Дальнейшее развитие данного механизма должно быть направлено на обеспечение баланса между интересами государства, потерпевшего и обвиняемого, что будет способствовать укреплению доверия к правосудию.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (ред. от 29.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2020 № 44 «О практике применения судами законодательства, регулирующего производство у мирового судьи» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 2.
6. Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № 78-УД23-5-К9 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 15.02.2024 по делу № 10-1234/2024 // Архив Московского городского суда.
8. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 03.11.2023 № 22-1456/2023 // СПС «ГАРАНТ».
9. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебник. 5-е изд. М.: Проспект, 2023. 672 с.
10. Волколуп О.В. Примирение сторон в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики // Законодательство. 2024. № 3. С. 45-53.
11. Гриненко А.В. Принцип диспозитивности в уголовном процессе: монография. М.: Норма, 2022. 208 с.
12. Дорошков В.В. Мировое правосудие в Российской Федерации. М.: Норма, 2023. 320 с.
13. Кауфман М.А. Примирение сторон в уголовном праве: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 112-125.
14. Рыжаков А.П. Прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим: научно-практическое пособие. М.: Экзамен, 2024. 192 с.

СКАЧКОВ ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

О.А. Нафиева

СЕРВИТУТЫ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

В статье автор раскрывает основные определения, закрепленные в Гражданском кодексе РФ, а также классифицирует сервитуты по различным признакам: способам возникновения, назначению и сфере применения. Рассматривает виды сервитутов, такие как проездные, проходные, пользования и государственные сервитуты, их особенности и правовые основания. В статье подчеркивается роль сервитутов в регулировании использования чужого имущества, обеспечение баланса интересов собственников и государственных требований.

Ключевые слова: *сервитуты, гражданское право, право пользования, государственный сервитут, правовые основания, регулирование использования имущества, собственник, ограниченное пользование.*

Вещное право является важнейшим институтом гражданского права, регулирующим отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Среди институтов вещных прав особое значение занимает сервитут - ограниченное вещное право, дающее его обладателю возможность осуществлять определённые действия в отношении чужого недвижимого имущества. В российской правовой системе вопрос определения понятия и классификации сервитутов закреплён в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ).

Сервитуты представляют собой важнейшую категорию в области земельного и гражданского права, выполняющую ключевую функцию в регулировании использования чужих участков. В данном контексте сервитуты выступают как ограниченные права, предоставляющие их носителям возможность осуществлять определённые виды деятельности на чужой недвижимости без полного владения или владения в полном объеме.

Юридическая характеристика сервитута закреплена в пункте 1 статьи 274 Гражданского кодекса Российской Федерации. В данном нормативном акте прописано, что право ограниченного пользования недвижимостью, в частности, земельным участком, может быть востребовано собственником одного участка в отношении соседнего участка, принадлежащего другому лицу [1]. В случае необходимости, такое право может распространяться и на расстояние, если речь идет о смежных или, по сути, соседних земельных участках, которые могут находиться не исключительно на общей границе, а расположены на определенной удаленности друг от друга, но при этом сохраняют функциональную связь.

В соответствии с действующим законодательством, права на недвижимость, включая сервитуты, должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке, что обеспечивается Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Такой подход призван обеспечить прозрачность и достоверность информации о наличии и содержании зарегистрированных прав, а также защиту прав субъектов собственности и иных обладателей вещных прав [3].

К основным видам сервитутов относят право прохода, проезда, водопользования, добычи полезных ископаемых и другие формы использования, возникающие на основании соглашений сторон, судебных решений или распоряжений государственных и муниципальных органов.

Монахов Д. А. отмечает, что сервитуты могут делиться на публичные и частные категории: первые служат интересам широкого круга лиц и устанавливаются для защиты общественных целей, тогда как вторые предназначены для индивидуальных нужд конкретного собственника. Разграничение происходит также по происхождению: договорные, возникающие по договору, и законные, которые устанавливаются в силу закона в случаях необходимости обеспечения доступа или использования ресурсов при отсутствии иных возможностей [6]. В классификацию также включаются персональные сервитуты, предназначенные для конкретных лиц с ограниченными возможностями использования, и регулятивные, права которых могут быть переданы при смене собственника.

Различия между двумя видами публичного сервитута - в таблице ниже.

Таблица 1

Публичный сервитут		
Критерий	Публичный сервитут	Публичный сервитут, установленный в специальном порядке
Цели	Проход, проезд через участок, доступ к водоемам, размещение геодезических знаков, проведение мелиоративных работ, забор воды, водопой, прогон скота, выпас и сенокошение, охота, рыбалка, рыбоводство, строительство, ремонт коммуникаций, инженерные изыскания для строительства	- прокладка и эксплуатация инженерных сетей (электро-, тепло-, газо-, водоснабжения, канализации, связи); - реконструкция и капремонт линейных объектов
Порядок установления	Решение органов власти или муниципалитета, основанное на региональных и местных нормативных актах	Решение органов власти или муниципалитета на основании ходатайства организаций (обычно владельцев инженерных сетей)
Срок	Определяется решением органа власти, может быть бессрочным	Зависит от типа выполняемых работ
Ограничения	Не распространяется на участки для ИЖС, садоводства, огородничества и личного подсобного хозяйства	-
Документ-основание	Распорядительный акт администрации или органа власти	Соглашение между владельцем участка и обладателем сервитута

Для предмета сервитутов характерно их деление на право прохода и проезда, право водопользования, добычи ресурсов, охоты и рыбалки. В рамках законодательства установлен четкий правовой порядок формирования, изменения и прекращения сервитутных прав, что отражается в нормах гражданского кодекса, регулирующих земельные отношения.

Положительный сервитут предполагает наличие определенных физических воздействий или действий, связанных с чужой недвижимостью: например, предоставление права на проход или проезд по чужой территории, а также возможность размещения линий связи и иных инфраструктурных элементов [5].

Воронина Н. П. определяет отличие от этого, то есть отрицательные сервитуты, которые предоставляют управомоченному лицу право запрещать определенные действия в отношении чужого имущества, на практике встречаются чрезвычайно редко и не получают широкого распространения в правовой практике. Эти права подразумевают ограничения, налагаемые на собственника имущества в интересах иных лиц, чаще всего в соседских отношениях, и требуют обоснования их необходимости исходя из объективных потребностей, а также соответствия публичным интересам [4].

Исключением являются ситуации, когда отрицательные сервитуты необходимы для обеспечения баланса интересов в рамках общего использования земельных участков, например, в случаях, связанных с охраной природных ресурсов или инфраструктурных объектов, где ограничения вводятся не для ограничения собственности, а для соблюдения публичных правил.

В целом, появление необходимости в отрицательных сервитутах подчеркивает важность разработки концепции добровольных сервитутов, которые устанавливаются на основании согласия обеих сторон, без принуждения и судебного воздействия. Такой сервитут предполагает добровольность его закрепления, наличие объективного обоснования необходимости таких ограничений, а также их правовую защиту посредством государственной регистрации и правовых методов обеспечения. Добровольный сервитут обычно обусловлен следующими характеристиками: его установление происходит в случае отсутствия острой объективной необходимости, преимущественно для повышения удобства владельца государственного участка или для осуществления определенных действий, которые при этом не противоречат правовым нормам; он реализуется посредством соглашения сторон, а не через судебное решение.

Таким образом, понимание значимости сервитутов в системе гражданского законодательства, а также их роль в обеспечении баланса между интересами собственников и общественной пользы.

Библиографический список:

- 1.Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2024. - № 32. - Ст. 4567.
- 2.Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (с изм. и доп., ред. от 28.12.2024).
- 3.О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 23.05.2025)
- 4.Воронина, Н. П. Земельное право : учебное пособие / Н. П. Воронина, И. С. Онищенко ; Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. - Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2023. - 307 с.

5.Мархель, Л. В. Сервитут: понятие, виды / Л. В. Мархель. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 12 (563). — С. 132-134.

6.Монахов, Д. А. Сервитуты. - Москва : Статут, 2023.

7.Семенова, Е. Г. Вещные права на недвижимое имущество : монография / Е. Г. Семенова ; Краснодарский университет МВД России. - Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2020. - 156 с.

НАФИЕВА ОКСАНА АЛЕКСЕЕВНА - магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Д.Н. Федорова

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ НАРУШЕНИИ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются вопросы компенсации морального вреда, причиненного нарушением личных неимущественных прав, в рамках российского гражданского законодательства. Рассматриваются правовая природа морального вреда, критерии его оценки, а также судебная практика, связанная с взысканием компенсации. Особое внимание уделяется проблемам определения размера компенсации и соотношению нематериальных благ с имущественными интересами. Анализируются нормы Гражданского кодекса РФ, доктринальные подходы и позиции Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: моральный вред, личные неимущественные права, компенсация, нематериальные блага, гражданско-правовая защита, судебная практика.

Личные неимущественные права, будучи неотчуждаемыми и непередаваемыми, составляют основу правового статуса личности. Их нарушение влечет не только юридические последствия, но и нравственные страдания, что обуславливает необходимость компенсации морального вреда. В российском праве институт компенсации морального вреда закреплен в ст. 151, 1099–1101 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [3], однако его применение сопряжено с рядом сложностей, включая субъективность оценки размера компенсации и отсутствие четких критериев определения степени страданий.

Актуальность темы обусловлена возрастающим числом судебных споров о защите личных неимущественных прав, а также потребностью в унификации судебной практики. Моральный вред определяется как физические или нравственные страдания, вызванные действиями, нарушающими личные неимущественные права либо посягающими на другие нематериальные блага (ст. 151 ГК РФ). В отличие от имущественного вреда, моральный вред носит неэкономический характер, что затрудняет его денежную оценку. Компенсация морального вреда выполняет две основные функции – компенсационную (возмещение потерпевшему перенесенных страданий) и превентивную (предупреждение аналогичных нарушений в будущем). В соответствии со ст. 1099 ГК РФ, компенсация осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда, что подчеркивает самостоятельный характер данного института.

Согласно ст. 1101 ГК РФ, размер компенсации определяется судом с учетом характера причиненных страданий, степени вины нарушителя, а также разумности и справедливости. Однако отсутствие законодательно установленных методик расчета приводит к значительному разбросу сумм, присуждаемых в аналогичных ситуациях. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 1 от 26.01.2010 указывает, что при оценке морального вреда необходимо учитывать индивидуальные особенности потерпевшего, обстоятельства причинения вреда и последствия нарушения. Тем не менее, судебная практика демонстрирует противоречивость решений, что свидетельствует о необходимости более детальной регламентации данного вопроса [8].

Одной из наиболее острых проблем в правоприменительной практике остается отсутствие четких и объективных критериев определения размера компенсации морального вреда, что приводит к значительной вариативности судебных решений. Несмотря на то, что ст. 151, 1099–1101 ГК РФ устанавливают общие принципы возмещения морального вреда, включая необходимость учета характера страданий, степени вины нарушителя и требований разумности, законодатель не конкретизирует методику расчета компенсации, что создает условия для судебного усмотрения, которое зачастую приводит к необоснованно завышенным или, напротив, символическим суммам возмещения. Так, в одних случаях суды присуждают сотни тысяч рублей за распространение порочащих сведений (п. 7 ст. 152 ГК РФ), а в других ограничиваются несколькими тысячами при схожих обстоятельствах, что подрывает принцип справедливости и равенства перед законом [14].

Еще одной сложностью является доказывание степени нравственных страданий, поскольку ст. 56 ГПК РФ возлагает бремя доказывания на потерпевшего, но не определяет, какие именно доказательства могут подтвердить моральный вред. В результате суды вынуждены опираться на субъективные оценки,

такие как показания свидетелей или собственные впечатления от поведения истца, что не всегда отражает реальный масштаб причиненных страданий. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 1 от 26.01.2010 подчеркивает необходимость учета индивидуальных обстоятельств дела, однако отсутствие единообразных подходов приводит к противоречивой практике даже в рамках одного судебного округа. Кроме того, проблему усугубляет отсутствие дифференциации размера компенсации в зависимости от вида нарушенного права. Например, нарушение права на неприкосновенность частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ) [2] и незаконное использование изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ) могут причинять разный по степени вред, однако суды не всегда учитывают эту специфику, что ведет к нивелированию значимости отдельных категорий личных неимущественных прав. В итоге отсутствие системности в судебных решениях снижает предсказуемость их исхода и затрудняет формирование единой правоприменительной доктрины [12].

Сложность объективного установления факта и степени нравственных страданий при рассмотрении дел о компенсации морального вреда проистекает из принципиальной особенности данного правового института - нематериального характера защищаемых благ. Действующее законодательство, возлагая на потерпевшего бремя доказывания в соответствии со ст. 56 ГПК РФ, не содержит четких критериев оценки допустимости и достаточности представленных доказательств. В результате судебная практика выработала ряд противоречивых подходов к оценке таких доказательств, как медицинские заключения о психосоматических расстройствах, заключения психологов, характеристики с места работы или учебы, что приводит к существенным различиям в судебных решениях по аналогичным делам.

Особую сложность представляет квалификация степени интенсивности нравственных страданий при различных видах правонарушений. Так, незаконное распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну (ст. 152.2 ГК РФ), может причинять значительно более глубокие переживания, чем, например, нарушение права на имя (ст. 19 ГК РФ) [2], однако действующая редакция ст. 151 ГК РФ не предусматривает дифференцированного подхода к определению размера компенсации в зависимости от категории нарушенного права. Это приводит к ситуации, когда существенно различающиеся по характеру и последствиям правонарушения получают сопоставимую судебную защиту, что противоречит принципу соразмерности ответственности.

Проблема усугубляется отсутствием в законодательстве четкого определения понятия «нравственные страдания», что позволяет судам по-разному толковать это ключевое для компенсации морального вреда понятие. В результате одни суды признают достаточным доказательством морального вреда сам факт нарушения права, другие требуют представления доказательств фактически наступивших последствий в виде расстройств здоровья или значительных изменений в образе жизни потерпевшего [15]. Такой разброс в подходах существенно снижает предсказуемость судебных решений и создает неравные условия защиты для разных категорий потерпевших.

Не менее важной проблемой является отсутствие законодательно закрепленной взаимосвязи между характером правонарушения и возможным диапазоном компенсационных выплат [10]. Например, нарушения в сфере охраны изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ) и распространения недостоверных порочащих сведений (ст. 152 ГК РФ), имея различную правовую природу и общественную опасность, тем не менее, не имеют четких критериев для дифференциации размера компенсации в законодательстве, что приводит к тому, что суды вынуждены самостоятельно определять значимость того или иного нарушения, основываясь на субъективном восприятии обстоятельств дела, а не на четких правовых ориентирах.

Таким образом, основные проблемы судебной практики связаны с отсутствием законодательно закрепленных критериев оценки морального вреда, субъективным характером доказывания и недостаточной дифференциацией подходов к различным видам нарушений, что создает условия для судебного произвола и снижает эффективность механизма компенсации, что требует глубокого анализа и поиска баланса между гибкостью правового регулирования и необходимостью обеспечения правовой определенности [14].

Необходимость совершенствования законодательства о компенсации морального вреда обусловлена наличием существенных пробелов и противоречий в правовом регулировании, что приводит к неоднозначности судебной практики и нарушению принципа справедливости при возмещении нематериального ущерба. Действующие нормы Гражданского кодекса РФ (ст. 151, 1099–1101 ГК РФ), несмотря на закрепление основных принципов компенсации, не содержат четких критериев определения размера возмещения, что создает условия для судебного усмотрения и необоснованного различия в присуждаемых суммах [11]. Устранение этих недостатков требует внесения системных изменений в законодательство, направленных на формализацию методики расчета компенсации, унификацию судебного подхода и усиление гарантий защиты потерпевших.

Одной из ключевых проблем является отсутствие законодательно закрепленных критериев оценки степени нравственных и физических страданий, что приводит к субъективному усмотрению судов при

определении размера компенсации. Для решения этой проблемы целесообразно дополнить ст. 1101 ГК РФ положением, устанавливающим базовые ориентиры расчета возмещения в зависимости от характера нарушения. Например, можно ввести шкалу компенсационных выплат с учетом категории нарушенного права (честь и достоинство, неприкосновенность частной жизни, право на изображение и др.), степени распространения порочащих сведений (применительно к ст. 152 ГК РФ) и тяжести последствий для потерпевшего, что позволит снизить произвольность судебных решений и обеспечить единообразие практики [16].

Другой значимой проблемой остается сложность доказывания факта и степени морального вреда, поскольку действующее законодательство (ст. 56 ГПК РФ) не конкретизирует перечень допустимых доказательств. В этой связи целесообразно внести изменения в Гражданский процессуальный кодекс, дополнив его нормой, предусматривающей возможность назначения судебно-психологической экспертизы для оценки состояния потерпевшего (по аналогии с медицинской экспертизой при физическом вреде) [10]. Это позволит объективизировать процесс доказывания и снизить влияние субъективных факторов на исход дела. Кроме того, отсутствие дифференцированного подхода к определению размера компенсации в зависимости от вида нарушенного неимущественного права приводит к нивелированию значимости отдельных категорий дел. Для устранения этого пробела следует внести уточнения в ст. 151 ГК РФ, закрепив дифференцированные критерии оценки вреда при нарушении различных видов нематериальных благ (например, отдельно для случаев незаконного распространения персональных данных – ст. 152.2 ГК РФ, и для нарушений, связанных с диффамацией – ст. 152 ГК РФ). Это позволит учитывать специфику каждого вида правонарушения и обеспечить более справедливый размер компенсации [7].

Совершенствование законодательства о компенсации морального вреда требует комплексного подхода, включающего формализацию критериев расчета возмещения, расширение возможностей доказывания и дифференциацию подходов в зависимости от вида нарушенного права [12]. Предлагаемые изменения в ГК РФ и ГПК РФ позволят минимизировать субъективизм судебных решений, обеспечить единообразие практики и усилить защиту нематериальных благ граждан. Реализация этих мер будет способствовать повышению доверия к правосудию и укреплению гарантий соблюдения личных неимущественных прав в соответствии с принципами справедливости и правовой определенности.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
4. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
5. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
6. Абрамова Е.Н., Соколова М.А. Современные проблемы компенсации морального вреда при защите личных неимущественных прав // Вестник гражданского права. – 2024. – № 3. – С. 45-59.
7. Григорьев И.К. Критерии определения размера компенсации морального вреда в судебной практике // Закон. – 2025. – № 1. – С. 112-125.
8. Демидова А.Р. Цифровая среда как новый вызов защите личных неимущественных прав // Право и цифровизация. – 2023. – № 4. – С. 78-92.
9. Зайцева В.С. Моральный вред при нарушении права на неприкосновенность частной жизни: проблемы доказывания // Российский юридический журнал. – 2024. – № 2. – С. 34-48.
10. Карпов Е.А. Сравнительно-правовой анализ компенсации морального вреда в России и зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – № 5. – С. 67-81.
11. Короткова Л.М. Проблемы судебного усмотрения при определении размера компенсации морального вреда // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 6. – С. 23-37.
12. Морозов П.И. Нематериальные блага в цифровую эпоху: новые вызовы правовой защите // Информационное право. – 2025. – № 1. – С. 56-70.
13. Николаева О.В. Медиация как способ разрешения споров о компенсации морального вреда // Альтернативное разрешение споров. – 2023. – № 3. – С. 89-103.
14. Петрова Г.С. Особенности компенсации морального вреда при нарушении прав несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. – 2024. – № 4. – С. 112-126.
15. Семенов А.Д. Эволюция института компенсации морального вреда в российском праве // История государства и права. – 2025. – № 2. – С. 45-59.

16. Федорова М.К. Проблемы доказывания морального вреда при защите чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство. – 2023. – № 8. – С. 72-86.

ФЕДОРОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия.

Г.В. Хабаров

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В данной статье проводится комплексный анализ уголовно-правовых и криминалистических аспектов посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов, предусмотренного статьей 317 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследуется объект и объективная сторона преступления, дается уголовно-правовая характеристика специального субъекта – потерпевшего, анализируются квалифицирующие признаки. Особое внимание уделяется криминалистической характеристике данного вида преступлений, включая типичные следственные ситуации, особенности первоначального этапа расследования и систему следственных действий. Автор приходит к выводу о высокой степени общественной опасности данного деяния, обусловленной не только посягательством на жизнь личности, но и на основы государственной власти и правопорядка. Статья подчеркивает необходимость совершенствования тактических и методических основ расследования посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, статья 317 УК РФ, правосудие, общественный порядок, государственная власть, криминалистическая характеристика, следственные действия, розыск, преступление против порядка управления.

Актуальность темы исследования обусловлена повышенной общественной опасностью посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов, которые выступают не только как частные лица, но и как официальные представители государства, призванные обеспечивать правопорядок и безопасность. Данные преступления направлены против фундаментальных основ конституционного строя, дестабилизируют деятельность органов власти и подрывают авторитет государственной власти в целом [11].

Уголовно-правовой анализ состава преступления, регламентированного статьей 317 Уголовного кодекса Российской Федерации [2], позволяет выделить его основной, дополнительный и факультативный непосредственные объекты. Родовым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственной власти, видовым – отношения в сфере управления, а непосредственным основным объектом является жизнь сотрудника правоохранительного органа. В качестве дополнительного непосредственного объекта выступают интересы правосудия и общественная безопасность, поскольку преступление посягает на порядок управления путем воспрепятствования законной деятельности указанных лиц. Объективная сторона выражается в действии – посягательстве на жизнь, которое может быть совершено в форме как убийства, так и покушения на убийство. Законодательная конструкция состава является формальной, преступление считается оконченным с момента совершения действий, направленных на лишение жизни, независимо от наступления смертельных последствий. Это подчеркивает повышенную опасность самого факта нападения на представителя власти.

Важнейшим элементом состава преступления является его субъективная сторона, которая характеризуется исключительно прямым умыслом. Виновное лицо осознает, что посягает на жизнь именно сотрудника правоохранительного органа (или военнослужащего), а также его близких, и желает совершить эти действия. Обязательным признаком является специальная цель – воспрепятствование законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо месть за такую деятельность. Именно цель придает данному преступлению его специфический характер, выделяя его из ряда других преступлений против жизни.

Важное значение для квалификации имеет фигура потерпевшего. Им может быть не только сотрудник правоохранительных органов (полиции, органов федеральной службы безопасности, следственного комитета, уголовно-исполнительной системы и др.), но и военнослужащий, а также их близкие [12]. Деятельность потерпевшего на момент посягательства должна быть именно законной, направленной на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Под близкими лицами в соответствии с практикой применения статьи 317 УК РФ [2] и пунктом 3 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3] понимаются не только родственники, но и иные лица, дорогие для потерпевшего

(например, друзья, невеста, жених), жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного являются столь же ценными.

С криминалистической точки зрения, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа представляет собой сложный, многоэпизодный вид умышленной деятельности, тщательно подготовленный или совершенный в условиях внезапно возникшей ситуации конфликта при выполнении потерпевшим своих должностных обязанностей. Криминалистическая характеристика данного преступления включает в себя данные о способе совершения (который может быть как открытым, так и скрытым; с применением огнестрельного оружия, холодного оружия, взрывных устройств или иных предметов; нападением группы лиц), типичных следах (огильнострельные гильзы, следы обуви и транспортных средств, микрочастицы, биологические следы), обстановке (чаще всего места массового скопления людей, транспортные средства, либо изолированные помещения) и личности преступника. Как правило, это лица, ранее судимые, с устойчивыми антисоциальными установками, часто находящиеся в розыске или причастные к организованной преступной деятельности [12].

На первоначальном этапе расследования в зависимости от исходной информации складываются следующие следственные ситуации: факт посягательства установлен, личность преступника известна; факт посягательства установлен, но личность преступника неизвестна и он скрылся с места происшествия; имеется информация о сотруднике и обстоятельства происшествия неясны. Наиболее сложной является вторая ситуация, требующая немедленного проведения комплекса неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

К числу неотложных действий относятся: осмотр места происшествия с участием специалистов-криминалистов и судебных медиков; допрос потерпевшего (если он выжил), свидетелей-очевидцев, коллег потерпевшего; назначение судебно-медицинских и других экспертиз (баллистической, трасологической, взрывотехнической); проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению и задержанию подозреваемого (розыск по горячим следам, прочесывание местности, назначение ориентировок, использование возможностей видеофиксации). При осмотре места происшествия необходимо тщательно зафиксировать обстановку, расположение следов крови, оружия, стреляных гильз, микрочастиц. Особое внимание уделяется изъятию видеозаписей с камер наружного наблюдения, регистраторов патрульных автомобилей и видеорегистраторов очевидцев.

В дальнейшем, после задержания подозреваемого, проводятся такие следственные действия, как его личный обыск, допрос, обыск по месту жительства, предъявление для опознания, очные ставки. Для установления всех обстоятельств дела и мотивации преступления важное значение имеет производство судебных экспертиз, в частности, комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, позволяющая установить особенности психического состояния виновного и его отношение к деянию [10].

Несмотря на наличие в уголовном законе специального состава, предусмотренного статьей 317 УК РФ [2], правовое регулирование ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов не лишено ряда существенных проблем, создающих сложности как в квалификации, так и в правоприменительной практике. Ключевой проблемой является доктринальная и практическая неоднозначность в толковании признака «законность деятельности» потерпевшего, которая выступает обязательным условием для квалификации посягательства по статье 317 УК РФ. В соответствии с буквой закона, деятельность сотрудника должна быть направлена на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности и при этом быть строго законной. Однако на практике возникает вопрос: что является критерием законности в rapidly changing, зачастую экстремальной ситуации? Например, если сотрудник полиции, пресекая административное правонарушение, допустил незначительную процессуальную ошибку (опоздание с представлением служебного удостоверения, формальное несоответствие его действий букве инструкции), но в ответ подвергся нападению с целью лишения жизни, может ли это послужить основанием для переквалификации деяния из статьи 317 УК РФ в статью 105 УК РФ (убийство)? Следственная и судебная практика зачастую идет по пути расширительного толкования законности деятельности, признавая таковую даже при незначительных нарушениях, если сотрудник действовал в рамках своих общих полномочий. Тем не менее, отсутствие четких, закрепленных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ [6] разъяснений на этот счет порождает правовую неопределенность и риски субъективного подхода.

Еще одной острой проблемой является интерпретация понятия «близкие лица» (прим. - пункт 3 статьи 5 УПК РФ). Хотя уголовно-процессуальный закон дает широкое определение, включая в это понятие и иных, не состоящих в родстве лиц, жизнью и благополучием которых дорожит потерпевший, доказывание субъективной осведомленности виновного об этой эмоциональной связи представляет значительную сложность. Для квалификации по статье 317 УК РФ [2] необходимо установить, что преступник заведомо знал не только о том, что потерпевший является близким для сотрудника правоохранительных органов, но и о том, что посягательство на него совершается именно с целью воспрепятствования законной деятельности или мести за нее. Доказать такой узкий и конкретный умысел крайне трудно, что на практике может привести к необоснованному расширению ответственности или, наоборот, к невозможности правильной квалификации и вынужденному применению норм о простом убийстве.

Пути совершенствования российского законодательства в данной сфере видятся в следующем. Во-

первых, требуется формализация критерия «законности деятельности» потерпевшего на уровне руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Целесообразно закрепить презумпцию законности деятельности сотрудника правоохранительного органа, если он действовал в рамках своих общих полномочий, установленных федеральным законом, например, Федеральным законом «О полиции», а его незначительные процессуальные нарушения, не повлиявшие на суть осуществляемых полномочий и не являющиеся умышленными, не должны исключать применение статьи 317 УК РФ. Это позволит унифицировать судебную практику и исключить ситуации, когда формальное нарушение служит оправданием для крайней степени противодействия. Во-вторых, для решения проблемы доказывания умысла в отношении «близких лиц» необходимо внести изменение в саму диспозицию статьи 317 УК РФ, дифференцировав ответственность. Представляется логичным установить в санкции статьи более строгое наказание за посягательство на жизнь самого сотрудника и несколько менее строгое, но все же более суровое, чем по статье 105 УК РФ [2], – за посягательство на жизнь его близких, предусмотрев при этом формальный состав, не требующий доказывания специальной цели мести или воспрепятствования в отношении этих лиц. Это будет соответствовать принципу объективного вменения, поскольку виновный, посягая на близких сотрудника, сознательно идет на риск совершения деяния, направленного против правопорядка, и должен нести за это повышенную ответственность, даже если его непосредственный мотив был иным (например, хулиганские побуждения) [10]. Такое законодательное решение усилило бы превентивную функцию нормы и обеспечило более надежную защиту не только самих сотрудников, но и их семей.

Таким образом, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа представляет собой особо тяжкое преступление, имеющее сложный юридический состав и характеризующееся специфическими криминалистическими чертами. Эффективное расследование данного деяния требует от следователей и дознавателей глубоких знаний уголовного закона, а также владения современными тактическими и методическими приемами работы, тесного взаимодействия с оперативными подразделениями. Борьба с данными преступлениями является важнейшей задачей государства, направленной на защиту своих служащих и обеспечение неотвратимости ответственности за посягательство на основы правопорядка.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.03.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2019 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях против жизни» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11.
8. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.03.2024 № 18-АПУ24-5 // СПС «Консультант-Плюс».
9. Приговор Московского городского суда от 22.05.2023 по делу № 2-125/2023 // Архив Московского городского суда.
10. Гладышев П.С. Уголовно-правовая защита сотрудников правоохранительных органов: современные проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45-58.
11. Пуракин А.В. Криминалистические аспекты расследования посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов // Вестник криминалистики. 2024. № 2(54). С. 67-75.
12. Федорова Е.Л. Актуальные проблемы квалификации посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов // Законность. 2025. № 3. С. 34-42.

ХАБАРОВ ГЕОРГИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Н.А. Хабарова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКСПЕРТИЗЫ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье исследуются теоретические и правовые основы экспертизы в уголовном судопроизводстве, анализируется ее роль в доказывании и установлении истины по уголовному делу. Рассматриваются виды экспертиз, процессуальный порядок их назначения и проведения, а также правовые проблемы, возникающие в практике. Особое внимание уделено нормативному регулированию экспертной деятельности в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ, Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности» и иными нормативными актами. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников формулируются выводы о необходимости совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: экспертиза, уголовное судопроизводство, доказательство, судебная экспертиза, процессуальные гарантии, УПК РФ, заключение эксперта.

Экспертиза в уголовном судопроизводстве является одним из ключевых инструментов установления обстоятельств дела, обеспечивая научно обоснованное исследование доказательств. Ее значение обусловлено необходимостью объективного и всестороннего рассмотрения уголовных дел, особенно в условиях усложнения методов совершения преступлений и развития криминалистических технологий [9]. Несмотря на детальную регламентацию в законодательстве, экспертиза остается предметом научных дискуссий, связанных с процессуальными гарантиями ее проведения, достоверностью результатов и их использованием в доказывании [14].

Современное уголовное судопроизводство требует применения специальных знаний в различных областях науки, техники и искусства, что делает экспертизу незаменимым элементом доказывания. В условиях роста высокотехнологичных преступлений, таких как киберпреступления, экономические мошенничества, преступления в сфере оборота наркотических средств, значение экспертных исследований возрастает. Однако на практике возникают проблемы, связанные с качеством экспертиз, независимостью экспертов, соблюдением процессуальных сроков и оценкой заключений судом [11]. Актуальность исследования также обусловлена необходимостью гармонизации российского законодательства с международными стандартами, в частности с принципами справедливого судебного разбирательства, закрепленными в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Недостатки в регулировании экспертной деятельности могут привести к нарушению прав участников процесса, что требует детального анализа правовых основ экспертизы и выработки предложений по их совершенствованию.

Правовое регулирование экспертизы в уголовном процессе осуществляется прежде всего Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ) [2], Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» [3] и подзаконными актами. Согласно ст. 9 Федерального закона № 73-ФЗ, судебная экспертиза определяется как процессуальное действие, состоящее из исследования и дачи заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний. В уголовном процессе экспертиза может назначаться на стадии предварительного расследования (ст. 195 УПК РФ) [2] или в ходе судебного разбирательства (ст. 283 УПК РФ) [2].

Экспертиза в уголовном процессе представляет собой сложный и многогранный институт, который может быть классифицирован по различным основаниям, определяющим порядок ее назначения, проведения и оценки. Законодательство, в первую очередь Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» [3], предусматривает несколько ключевых критериев разграничения экспертиз, каждый из которых имеет важное процессуальное значение.

По последовательности проведения экспертизы подразделяются на первичные, дополнительные и повторные. Первичная экспертиза назначается впервые для установления обстоятельств, требующих специальных знаний, и проводится на основании постановления следователя или определения суда. Если заключение эксперта оказывается недостаточно ясным или полным, может быть назначена дополнитель-

ная экспертиза, поручаемая тому же или другому эксперту (ст. 207 УПК РФ) [2]. Ее целью является уточнение или дополнение ранее данных выводов без проведения нового исследования с нуля. Повторная экспертиза, в отличие от дополнительной, назначается в случаях, когда первоначальное заключение вызывает сомнения в своей обоснованности, например, при наличии противоречий в выводах, нарушениях методики исследования или недостаточной квалификации эксперта. Она проводится другим экспертом или комиссией и предполагает полное переисследование представленных материалов [12].

По объему исследования экспертизы делятся на основные и комиссионные. Основная экспертиза проводится одним экспертом и является наиболее распространенной формой судебно-экспертной деятельности. Однако в сложных случаях, когда требуется всесторонний анализ объекта исследования с привлечением специалистов разных областей, назначается комиссионная экспертиза (ст. 200 УПК РФ) [2]. Она может формироваться из экспертов одной специальности, если вопрос требует коллективного обсуждения, или разных специальностей, если исследование носит междисциплинарный характер. Решение в таком случае принимается большинством голосов, а при невозможности достичь единого мнения каждый эксперт формулирует собственные выводы.

По составу экспертов различают единоличные и комплексные экспертизы. Единоличная экспертиза проводится одним специалистом и является стандартной формой судебно-экспертного исследования. Комплексная экспертиза (ст. 201 УПК РФ) [2] предполагает участие нескольких экспертов из разных областей науки, техники или искусства, которые совместно анализируют объект исследования, но каждый в рамках своей компетенции. В отличие от комиссионной экспертизы, где эксперты работают коллегиально, в комплексной каждый специалист отвечает только за свою часть исследования, а общие выводы формулируются на основе синтеза полученных данных [10]. Особое значение в уголовном судопроизводстве имеют специализированные виды экспертиз, такие как судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, криминалистическая и экономическая. Судебно-медицинская экспертиза назначается для установления характера и степени вреда здоровью, причины смерти, механизма образования телесных повреждений и других вопросов, требующих медицинских знаний. Ее проведение регулируется не только УПК РФ, но и специальными ведомственными инструкциями. Судебно-психиатрическая экспертиза направлена на определение психического состояния обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, особенно в случаях, когда возникает вопрос об их вменяемости или способности давать показания. Она может быть амбулаторной или стационарной, а ее выводы влияют на дальнейший ход процесса, включая возможность применения принудительных мер медицинского характера [8].

Криминалистическая экспертиза охватывает широкий спектр исследований, связанных с вещественными доказательствами: дактилоскопическая, баллистическая, трасологическая, почерковедческая и другие. Ее задачами являются идентификация объектов, установление способа совершения преступления, реконструкция событий на основе материальных следов. Экономическая экспертиза, включая финансово-экономическую, бухгалтерскую и налоговую, применяется в делах о мошенничестве, коррупции, незаконном предпринимательстве и других преступлениях в сфере экономики. Она позволяет анализировать документы, выявлять признаки фальсификации, устанавливать размер ущерба и механизм финансовых операций [14]. Каждый из этих видов экспертиз играет важную роль в уголовном судопроизводстве, обеспечивая научную достоверность доказательственной базы. Однако их эффективность зависит не только от качества проведения, но и от соблюдения процессуальных норм при назначении, оформлении и оценке результатов. В связи с этим суды и правоохранительные органы должны уделять особое внимание обоснованности выводов экспертов, их соответствию поставленным вопросам и другим доказательствам по делу.

Назначение экспертизы регламентируется ст. 195 УПК РФ [2]. Следователь выносит постановление, в котором указываются основания для проведения экспертизы, вопросы эксперту, материалы, предоставляемые в его распоряжение, и учреждение или эксперт, которому поручается исследование. Важной правовой особенностью является право подозреваемого, обвиняемого и защитника ходатайствовать о назначении экспертизы, заявлять отвод эксперту, присутствовать при проведении экспертизы (с разрешения следователя) и получать копию заключения (ст. 198 УПК РФ). Эти гарантии направлены на обеспечение состязательности процесса и защиту прав участников судопроизводства.

Таким образом, экспертиза остается важным инструментом установления истины в уголовном процессе, однако ее эффективность зависит от соблюдения процессуальных гарантий и постоянного совершенствования правового регулирования.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, экспертиза в уголовном процессе сталкивается с рядом правовых проблем, которые могут влиять на качество доказательств и справедливость судопроизводства. Одной из ключевых проблем является недостаточная независимость экспертов, особенно в случаях, когда экспертные учреждения находятся в ведении правоохранительных органов. Это создает риски предвзятости, поскольку эксперт может неосознанно ориентироваться на позицию следствия, что противоречит принципу объективности, закрепленному в ст. 8 Федерального закона № 73-ФЗ

«О государственной судебно-экспертной деятельности» [3]. На практике это приводит к ситуациям, когда защита вынуждена ходатайствовать о назначении повторной или альтернативной экспертизы, что увеличивает сроки расследования и создает дополнительную нагрузку на судебную систему.

Еще одной значимой проблемой является формальный подход судов к оценке заключений экспертов. Согласно ст. 17 и 88 УПК РФ [2], заключение эксперта не имеет заранее установленной силы и должно оцениваться в совокупности с другими доказательствами. Однако суды зачастую принимают экспертные выводы без критического анализа, особенно если экспертиза проведена государственными учреждениями. Это нарушает принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ) и может привести к судебным ошибкам. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 [4] подчеркивается необходимость проверки методики исследования и обоснованности выводов, но на практике такая проверка нередко ограничивается формальным изучением документа.

Серьезной проблемой остается нарушение сроков проведения экспертиз, что противоречит принципу разумного срока судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Задержки связаны как с перегруженностью экспертных учреждений, так и с недостатком квалифицированных кадров в отдельных областях, например, в цифровой криминалистике или сложных экономических исследованиях. Это приводит к затягиванию расследования и нарушению прав участников процесса, особенно обвиняемых, содержащихся под стражей.

Для решения этих проблем необходимо совершенствование законодательства и правоприменительной практики. Во-первых, следует усилить гарантии независимости экспертов, в том числе путем расширения возможностей привлечения негосударственных экспертных организаций и введения механизмов случайного распределения экспертиз между учреждениями [15]. Во-вторых, необходимо обязать суды более тщательно проверять заключения экспертов, вплоть до вызова эксперта для разъяснения методики исследования, как это предусмотрено ст. 282 УПК РФ. В-третьих, для сокращения сроков экспертных исследований целесообразно развивать систему межведомственного взаимодействия, повышать финансирование экспертных учреждений и внедрять цифровые технологии, позволяющие ускорить проведение отдельных видов экспертиз.

Экспертиза остается важнейшим инструментом доказывания в уголовном процессе, однако ее эффективность зависит от устранения существующих правовых проблем. Основными направлениями реформирования должны стать обеспечение независимости экспертов, повышение качества судебного контроля за экспертными заключениями и оптимизация сроков проведения исследований. Только при этих условиях экспертиза сможет в полной мере выполнять свою функцию – способствовать установлению объективной истины по делу и гарантировать справедливость правосудия.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.
5. Абдуллин Р.Р. Проблемы независимости судебных экспертов в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2023. № 5. С. 45-49.
6. Бирюкова Л.В. Актуальные вопросы оценки заключения эксперта в свете принципа состязательности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 3. С. 112-118.
7. Власов А.А. Цифровизация судебной экспертизы: перспективы и правовые риски // Законность. 2023. № 11. С. 34-38.
8. Громов Н.А., Калинин В.Н. Судебная экспертиза в уголовном процессе: проблемы процессуального регулирования // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 87-95.
9. Демидов А.В. Правовые гарантии качества судебной экспертизы: современные вызовы // Lex russica. 2023. № 5. С. 145-153.
10. Егорова М.С. Проблемы сроков проведения судебных экспертиз и пути их решения // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 56-61.
11. Зайцев О.А. Комплексные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика // Российский юридический журнал. 2023. № 6. С. 72-79.
12. Карпов Д.С. Международные стандарты судебной экспертизы и их реализация в российском уголовном процессе // Международное правосудие. 2024. № 2. С. 45-52.
13. Корчагин А.Г., Смирнова Л.К. Судебно-медицинская экспертиза: актуальные вопросы правоприменения // Медицинское право. 2023. № 4. С. 28-34.

14. Лебедев В.М. Проблемы оценки заключения эксперта судом: современные тенденции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 1. С. 67-73.

15. Федоров А.Ю. Судебная экспертиза в системе доказательств: проблемы достоверности и допустимости // Закон и право. 2023. № 8. С. 91-96.

ХАБАРОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

В.В. Чиликина

СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются существенные условия договора купли-продажи недвижимости в Российской Федерации, анализ которых проводится на основе норм гражданского законодательства, судебной практики и доктринальных подходов. Автор рассматривает три группы существенных условий, выделяемых в соответствии со ст. 432 ГК РФ: условия о предмете договора, условия, прямо предусмотренные законом, а также условия, по которым стороны должны достичь соглашения по требованию одной из них. Особое внимание уделяется специфике предмета договора, включая требования к его индивидуализации, а также вопросам цены недвижимости и особенностям сделок с жилыми помещениями (включая права третьих лиц и необходимость согласия органов опеки). Поднимается проблема качества недвижимости как существенного условия и предлагается внесение изменений в ст. 554 ГК РФ для устранения правовой неопределенности. В заключении обосновывается необходимость законодательного закрепления критериев существенных недостатков недвижимости.

Ключевые слова: договор купли-продажи недвижимости, существенные условия, предмет договора, цена недвижимости, качество недвижимости, жилые помещения, права третьих лиц, органы опеки, судебная практика, гражданское законодательство.

Договор купли-продажи недвижимости занимает центральное место в гражданском обороте, поскольку связан с передачей права собственности на объекты, обладающие высокой экономической и социальной значимостью. В условиях динамично развивающегося рынка недвижимости и ужесточения требований к юридической чистоте сделок особую актуальность приобретает вопрос о существенных условиях данного договора. Их правильное определение и согласование сторонами напрямую влияет на действительность сделки, защиту прав участников и минимизацию судебных споров. Несмотря на детальную регламентацию в Гражданском кодексе РФ, правоприменительная практика сталкивается с проблемами, связанными с неоднозначностью толкования отдельных условий, таких как предмет договора, цена, качество недвижимости, а также специфические требования к сделкам с жилыми помещениями. В этой связи комплексный анализ существенных условий договора продажи недвижимости, включая доктринальные подходы, законодательные пробелы и судебные тенденции, представляется крайне востребованным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Актуальность исследования также обусловлена необходимостью совершенствования законодательства в данной сфере, в частности, уточнения критериев качества недвижимости и механизмов защиты прав покупателей.

Перед изучением иных существенных условий договора купли-продажи недвижимости следует проанализировать данное понятие. Обратимся к этимологии слова «существенный». Существенное – это то, что составляет основу, является сущностью чего-либо. Другими словами, это то, без чего невозможно существование конкретного объекта. Представляется, что именно поэтому, законодатель императивно закрепил, что договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора согласно ч. 1 ст. 432 ГК РФ.

В приведенной выше статье ГК РФ можно наблюдать три группы существенных условий:

1. Условия о предмете договора. Данное условие стоит первым в данном ряду, потому что от четкого определения предмета договора зависит отнесение договора к определенному виду в случае спора между сторонами.

2. Условия, названные в законе или иных нормативно-правовых актах, как существенные или необходимые для договора. Примером данного условия может служить цена, так как, согласно общему правилу, она не является существенным условием. Ведь если ее нет, то можно оплатить по той цене, которую обычно назначают за аналогичный товар. Однако договор продажи недвижимости должен предусматривать цену этого имущества в соответствии со ст. 555 ГК РФ.

3. Условия, по которым одна из сторон заявила, что должно быть достигнуто согласие. Таким образом реализовывается принцип свободы договора.

Согласно п. 1 ст. 549 ГК РФ [2], по договору купли-продажи недвижимого имущества (договору продажи недвижимости) продавец обязуется передать в собственность покупателя земельный участок, здание, сооружение, квартиру или другое недвижимое имущество. Следовательно, специфика сделки по продаже недвижимости заключается в предмете и в законодательно установленных требованиях для оформления прав на нее.

Закон требует, чтобы в документации к сделке купли-продажи недвижимости были четко прописаны характеристики недвижимого объекта, включая его местоположение или позицию в рамках другой недвижимости, для обеспечения максимальной идентификации недвижимого имущества. Если же такие детализирующие характеристики отсутствуют, то считается, что стороны договора они достигли согласия по ключевому условию – предмету сделки, что автоматически означает незаключенность данного договора.

Законодательство Российской Федерации устанавливает императивный порядок определения предмета в договоре купли-продажи недвижимости, согласно которому, в данном договоре должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю по договору, в том числе данные, определяющие расположение недвижимости на соответствующем земельном участке либо в составе другого недвижимого имущества. В случае отсутствия детализации предмета в договоре: он считается не заключенным.

В последнее время приоритет для идентификации объекта недвижимого имущества отдается кадастровому номеру. Действительно, это очень удобный механизм, который позволяет исключить какие-либо споры в правоотношениях. Вместе с тем, по мнению А.И. Елизарова, «если сторонами заключен договор купли-продажи будущей недвижимой вещи, то индивидуализация предмета договора может быть осуществлена путем указания иных сведений, позволяющих установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю по договору (например, местонахождение возводимой недвижимости, ориентировочная площадь будущего здания или помещения, иные характеристики, свойства недвижимости, определенные, в частности, в соответствии с проектной документацией). В случае, если в тексте договора купли-продажи недвижимой вещи недостаточно данных для индивидуализации проданного объекта недвижимости, однако они имеются, например, в акте приема-передачи, составленном сторонами во исполнение заключенного ими договора, то такой договор не может быть признан незаключенным».

Таким образом, возможно заключить соглашение о приобретении недвижимости до момента ее создания, то есть до получения объектом недвижимости кадастрового номера. Следовательно, важно составляющей договора купли-продажи недвижимости является его предмет, который должен быть обязательно согласован сторонами в рамках договора. В противном случае – договор считается не заключенным. Законодатель императивно устанавливает, что предмет договора должен быть полностью описан и предельно точно установлен. Проведя анализ договорной практики, можно выделить типичные и нетипичные признаки индивидуализации недвижимости. К типичным признакам относятся: вид недвижимого имущества, его адрес, этажность и др. Нетипичные признаки используются чаще при описании объекта недвижимости незавершенного строительства или будущей недвижимости. В этом случае, согласно судебной практике указывают местонахождение будущего объекта, примерную площадь, а также иные свойства предмета, передаваемого по договору. Кроме того, в отношении сделок с недвижимостью цена выступает как критически важное условие, которое, согласно гражданскому законодательству, относится ко второй категории существенных условий.

Стоимость объекта может быть определена различными методами: либо в твердой денежной сумме, либо на единицу площади (иного показателя). Во втором случае общая сумма такого недвижимого имущества, подлежащая уплате, определяется исходя из фактического размера переданного покупателю недвижимого имущества. Также стоимость недвижимости в договоре может быть предусмотрена в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах. При этом сумма, подлежащая уплате, определяется по официальному курсу соответствующей валюты или условных денежных единиц на день платежа, если иное не указано в договоре.

Различные существенные условия могут быть установлены в зависимости от специфики предмета сделки по покупке недвижимости. Например, существенным условием договора купли-продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры, в которых проживают лица, сохраняющие в соответствии с законом право пользования этим жилым помещением после его приобретения покупателем, является перечень этих лиц с указанием их прав на пользование продаваемым жилым помещением в соответствии с п. 1 ст. 558 ГК РФ.

Ряд исследователей подвергают критике данную точку зрения, согласно которой спорное условие

является существенным в договорах на покупку жилья, указывая на его исключительно информационную природу. Они подчеркивают, что включение таких данных в существенные условия договора не имеет под собой веских оснований, поскольку эта информация касается прав третьих лиц, действующих вне рамок договорных отношений между продавцом и покупателем. По их мнению, эти сведения не нужны в одобрении обеих сторон и не должны восприниматься как неотъемлемая часть сделки. Можно согласиться с этими аргументами, несмотря на вероятные намерения законодателя обеспечить защиту прав на жилье. Включать данный перечень в число существенных условий договора о покупке жилой недвижимости кажется необоснованным.

Также в гражданском законодательстве не указано, как поступать, если контрагенты прописали отсутствие таких лиц в договоре, но на самом деле они есть, и будет ли такой договор является недействительным на основании статьи 558 ГК РФ [10].

Анализируя данный вопрос, можно отметить, что неправомерно признавать такой договор недействительным, поскольку в законе говорится о договоренности, а не правдивости соответствующего положения. Покупатель имеет возможность обеспечить защиту своих прав, требуя от продавца предоставить товар, который является свободным от прав третьих лиц [12]. А также может опираться на основание по признанию этой сделки недействительной, поскольку она была осуществлена вследствие существенного заблуждения со стороны покупателя.

Еще одним условием для жилой недвижимости, в которой зарегистрированы или являются собственниками несовершеннолетние, является согласие органов опеки и попечительства. При этом эмансипированный несовершеннолетний в праве с 16 лет сам распоряжаться своим имуществом.

В соответствии со ст. 292 ГК РФ, отчуждение жилого помещения, где проживают находящиеся под опекой (попечительством) члены семьи собственника либо оставшиеся без родительского попечения несовершеннолетние члены его семьи (о чем известно органу опеки и попечительства), при условии, что таким образом затрагиваются права или охраняемые законом интересы данных лиц, такие действия допускаются с согласия органа опеки и попечительства. Следовательно, для отчуждения жилого помещения, в котором проживает несовершеннолетний, не имеющий статуса ребенка, оставшегося без родительского попечения, наличие согласия органов опеки не требуется.

К третьей группе существенных условий, необходимых для достижения согласия сторон, с учетом выражения воли одной из них, относят следующие:

1. Условия оплаты, включая форму расчетов, сроки и порядок осуществления оплаты
2. Срок передачи имущества
3. Перечень документов (например, платежные поручения, подтверждающие оплату коммунальных услуг за последние три года, техническая документация, справка от управляющей компании об отсутствии задолженности и др.)
4. Условия отмены сделки и др.

Законодатель четко не установил к какой группе существенных условий относится качество недвижимости. С одной стороны, мы понимаем, что качество должно входить в предмет договора [7]. Ведь у продавца есть обязанность передать имущество, соответствующее качеству определенным условиям договора, а покупатель, приобретая недвижимость, надеется использовать ее по назначению. Также имеется норма, которая регламентирует ответственность за передачу недвижимости, не соответствующей установленным требованиям. С другой стороны законодательство, когда речь идет о сделках купли-продажи недвижимости, требует лишь предоставления достаточной информации для однозначной идентификации объекта договора.

Чтобы эффективно урегулировать этот вопрос, предлагается сформулировать ст. 554 ГК РФ следующим образом: «В договоре продажи недвижимости должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю по договору, в том числе данные, определяющие расположение недвижимости на соответствующем земельном участке либо в составе другого недвижимого имущества, а также данные, позволяющие установить качество недвижимого имущества». Таким образом, сократится количество споров по поводу качества имущества, ведь оно будет входить в предмет, который императивно необходимо детализировать в договоре [11].

В законодательстве закреплены последствия за передачу недвижимости ненадлежащего качества. Однако существует проблема: в законе отсутствует закрепление по поводу того, какие недостатки следует считать существенными, а какие – нет. Поэтому, если у покупателя есть разногласия с продавцом по поводу качества недвижимости, то ему следует составить акт осмотра совместно со специалистом, который состоит в реестре НОСТРОЙ (Национальное объединение строителей) и НОПРИЗ (Национальное объединение проектировщиков и изыскателей).

В своей практике суды по делам о ненадлежащем качестве недвижимости в аргументации своей позиции используют Закон от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [4] и Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел

по спорам о защите прав потребителей» [5].

Таким образом, для того, чтобы определить какие недостатки являются существенными, а какие – нет, судебные органы опираются на экспертизу и Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», в соответствии с которым, существенные недостатки характеризуется несколькими ключевыми аспектами. Во-первых, это те дефекты, которые невозможно исправить, что делает использование товара неполноценным или невозможным. Во-вторых, некоторые дефекты могут быть устранены, однако этот процесс требует либо значительных финансовых затрат, либо времени, что является несоразмерным стоимости самого товара. Наконец, третьим критерием считаются недочеты, которые после попыток их исправления возвращаются, таким образом указывая на системный характер проблемы.

Таким образом, законодательство разделяет все существенные условия на три основные группы. Кроме основного существенного условия – предмета данного договора, важное значение имеют другие существенные условия, которые прямо названы в законе или других нормативных правовых актах, а также условия, по которым стороны должны достичь взаимного согласия по волеизъявлению одной из сторон. Законодатель, регулируя сделки с недвижимостью, особое внимание уделяет определению ценности объекта, которая, по общему правилу, включает не только стоимость земельного участка, но и все то, что на нем расположено, в том числе здания или сооружения, если иное не предусмотрено законом или договором. Это важный момент, основанный на принципе «единство земли», который предусматривает, что земля и все, что на ней построено, рассматривается как единое целое [9]. Существенным условием второй группы при заключении договоров купли-продажи жилой недвижимости является перечень лиц, которые имеют право проживать на приобретаемой жилой площади. Для совершения сделок по продаже недвижимости, которых участвуют несовершеннолетние, необходимо получить разрешение от органов опеки попечительства. Также нельзя игнорировать вопрос качества недвижимости как существенного условия при заключении таких договоров. Для того, чтобы избежать неясности, относится ли качество к условию о предмете, т.е. первой группе, или к третьей группе существенных условий, предлагается внести в ст. 554 ГК РФ следующее положение: «А также данные, позволяющие установить качество недвижимого имущества», что поможет избежать множество споров о качестве недвижимости, потому что оно императивно будет закреплено в предмете, а значит подлежит обязательному согласованию. Наряду с этим, необходимо закрепить в законе, какие недостатки качества являются существенными, а какие – нет.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 215.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.
6. Решение Центрального районного суда г. Калининграда от 20.10.2023 г. по делу № 2-712/2023 // СПС Консультант Плюс.
7. Елизаров А.И. Актуальные проблемы заключения договора купли-продажи недвижимости // Закон. Право. Государство. 2024. № 4. С. 173-175.
8. Нестерчук И.С. Договор купли-продажи недвижимости: проблемы теории и практики // Социально-экономические и гуманитарные исследования в современном мире: сборник статей научной конференции. – Санкт-Петербург, 2024. С. 60-61.
9. Талапкеров Е.М., Ондасынов А.К. Понятие договора купли-продажи недвижимости // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. Сборник статей научно-практической конференции. – М., 2024. С. 302-304.
10. Хайрудинова Н.Т. Правовое регулирование договора купли-продажи недвижимости // Инноватика в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития. Сборник статей научно-практической конференции. – Уфа, 2024. С. 21-24.
11. Шакиров А.А. Договор купли-продажи недвижимости // Молодой ученый. 2024. № 17. С. 367-369.
12. Шевчук В.А., Ульянова Т.Б. Общая характеристика сделок по отчуждению объекта недвижимости // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 3. С. 257-264.

ЧИЛИКИНА ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Информация для авторов

Журнал «Вестник магистратуры» выходит ежемесячно.

К публикации принимаются статьи студентов и магистрантов, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0,7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1,5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов.**

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название рубрики, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И.В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: **magisterjourn@gmail.com**

Мы ждем Ваших статей! Удачи!